

Главный редактор –
И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
С.Г. ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Г.В. МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
Н.А. ГОЛОВКИН
nikgolovkin@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Р.А. ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Н.Б. АЛЕКСЕЕВ

Редакция:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Телефон:
8 (916) 717-38-09

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
nikgolovkin@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Сергей КАРА-МУРЗА
НЭП: критический момент
Октябрьской революции
(глава из книги «Ленин. Алгоритм
революции и образ будущего»).....4

Николай ГОЛОВКИН
«Дедушка русской революции»68

Александр АЛИЕВ
На земле египетской76

Дарья ГАЛЬЦОВА
Курлак183

ПОЭЗИЯ

Владимир ЯКУШЕВ
Дымка мира19

Надежда ОХРИМЕНКО
«А судьба своё диктует...»24

Галина БОГАПЕКО
«Неся на себе судьбоносное бремя...»41

Виктор КАШКИН
«Помолись за отчий кров...»43

Тамара ПОТЁМКИНА
«И услышим весть благовую...»53

Инна МУХИНА
«Я странствую по странам и музеям...»64

Лариса НАЗАРЕНКО
«Лишь Высшей Воле поддается...»74

Вячеслав ДУЛИКОВ
«Куда-то летит в завихреньи эпоха...»86

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№4(26) 2017

Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:
С.Г. Макеева

141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 26.12.17.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ D-10164

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

Инна ЯСКЕВИЧ
«Я не люблю гламурный мир...» 110

Галина РОМАНОВА
Голос сердца 120

Юрий БОГДАНОВ
Святой венец Руси
(из короны венков сонетов) 142

Рубен САРКИСОВ
«Бегут года, но рано нам сдаваться...» 181

Анатолий УВАРОВ
«Мы помним всех тепло и свято...» 187

ПАМЯТЬ

Евгения ЕРШОВА
Минувшее – настоящее
(фрагменты воспоминаний) 28

Александр КУЩ
Учителя с Большой Буквы 56

ПРОЗА

Виталий БЕЛОУСОВ
Рассказы 46

Антон ЛУКИН
Рассказы 93

Юлия АЛЕКСАНДРОВА
Сретение 116

Дмитрий ДОЛГОВ
Рассказы 126

Василий ПОЛЯКОВ
Геометрия, или Крыша поехала 169

Слово главного редактора

Уважаемый читатель, дорогой соотечественник!

Уходящий год в целом соответствовал предшествовавшим ему прогнозам и ожиданиям. Всё больше признаков того, что мир стремительно и необратимо меняется, что меняются правила игры – и в «большой» политике, и во взаимоотношениях между людьми. Мы продолжаем видеть, как возведённая в культ «свобода творчества» стала мощным орудием не только для разрушения традиционного российского мироощущения, но и для прямого оскорбления нравственного чувства нашего народа. Экспансия «либеральных ценностей» в отношении нашей культуры с каждым днём становится всё более изощрённой, агрессивной и наглой – возникает ощущение, что носителям этих «ценностей» кто-то могущественный дал надёжные гарантии безусловной поддержки. Чем иначе объяснить то, что, будучи даже уличёнными в неблагоприятных делах, эти господа продолжают с пафосом твердить бессмысленные антироссийские и антисоветские догмы времён «перестройки» и «гласности» и бросать абсурдные обвинения в адрес народа и государства? Всё это, а также многое другое, порождает всё новые и новые вопросы, которые не могут вечно оставаться без ответов...

В то же время всё более активно проявляется противодействие враждебным влияниям со стороны здоровых интеллектуальных сил нашего народа. Осмысление истории Отечества происходит необратимо и приносит ощутимые результаты. Народ продолжает освобождаться от морока либеральных иллюзий, навязанных нам в результате разрушения СССР, и возвращается к истинному представлению о судьбе и предназначении России.

Наступающий 2018 год приносит новые надежды и предчувствия. Признаки грядущих перемен несут в себе и новые возможности. Журнал ВЕЛИКОРОССЪ поздравляет своих авторов и читателей с Новым годом! За нами – великая история, великая литература! Вместе мы пойдём вперёд с верой в великое будущее России!

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук

Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Заслуженный работник культуры Чеченской Республики

Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2017

© Авторы, 2017

НЭП: критический момент Октябрьской революции

(глава из книги «Ленин. Алгоритм революции и образ будущего»)

Период *Новой экономической политики* (НЭП) был едва ли не самым трудным и опасным для Советского государства. В нашем образовании история этого периода была смягчена и упрощена. Представлялось логичным и всем очевидным прекратить после окончания Гражданской войны режим «военного коммунизма», освободить крестьян от тягот продразвёрстки, чтобы они могли свободно производить и продавать свои продукты потребителям. Наступило мирное время!

Как-то учебники, учителя и преподаватели школьникам и студентам не объяснили, что советская власть в октябре 1917 г. унаследовала катастрофическое состояние жизнеобеспечения городского населения и части сельского (ремесленников) – ещё без Гражданской войны. Более того, не объяснили, почему уже в 1915 г. был нарушен нормальный товарооборот и, несмотря на высокий урожай, «хлеб не пошёл на рынок», а 23 сентября 1916 г. царское правительство объявило продразвёрстку, что и называлось «военным коммунизмом». Объявленная на 1917 г. царским правительством продразвёрстка провалилась из-за распада системы управления. Не объяснили нам, почему Временное правительство, будучи по своей философии буржуазным, также ввело хлебную монополию.

Первый министр земледелия Временного правительства кадет А.И. Шингарёв уже 25 марта 1917 г. подписывает закон о введении хлебной монополии: отныне владельцы продовольствия должны были весь хлеб, за вычетом того, что требуется для собственного потребления и на хозяйственные нужды, передавать в распоряжение государства. В августе 1917 г. Министерство земледелия выпустило инструкцию, которая предписывала применять вооружённую силу к тем, кто

Сергей Георгиевич Кара-Мурза – родился 23 января 1939 г. в Москве. Советский и российский учёный, химик по образованию. Доктор химических наук. Профессор, автор работ по истории СССР, теоретик науки, социолог, политолог, публицист. Член Союза писателей России. Главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН. Член Экспертного совета «Политического журнала». Заведующий отделом комплексных проблем развития науки Российского исследовательского института экономики, политики и права в сфере науки и техники. Профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ.

Живёт в Москве.

утаивал хлеб¹. Но и Временное правительство не смогло провести продразвёрстку в жизнь из-за беспомощности его аппарата.

Но вот вопрос: почему правительства, царское и Временное, пытались наладить свой «военный коммунизм», а не объявить свой НЭП, чтобы «крестьяне и помещики могли свободно производить и продавать свои продукты потребителям»? Ведь это фундаментальная проблема.

Странно, но мало кто помнит, что при Советской власти за счёт прямого внерыночного распределения («военного коммунизма») городское население получало всего от 20 до 50% потребляемого продовольствия. Остальное давал чёрный рынок («мешочничество»), на который власти смотрели сквозь пальцы. Угроза голодной смерти (но не угроза голода) в городах и в армии была устранена. Пайками было обеспечено практически всё городское население и часть сельских кустарей (всего 34 млн. человек). Пенсиями и пособиями (в натуре, продовольствием) были обеспечены 9 млн. семей военнослужащих.

Подумаем: что значила продразвёрстка для 34 миллионов человек, получавшие скудные пайки, которые спасали их от угрозы голодной смерти в условиях военного коммунизма? Что значило лишиться этих пайков? НЭП – это свободный рынок. При этом очевидно, что большинство из этих 34 миллионов после прекращения боёв с Врангелем не найдут доходов, чтобы купить на рынке продуктов – страна в руинах, промышленность остановилась, массовая безработица, миллионы беспризорников. Если в 1918 г. рабочие голодали, и военный коммунизм именно поэтому вводился в чрезвычайном темпе, то в 1921 г. положение было гораздо более критическим.

В 5 мая 1918 г. Ленин предупреждал «левых коммунистов», которые уверяли, что «в течение ближайшей весны и лета должно начаться крушение империалистической системы»: «Это смешные потуги узнать то, чего узнать нельзя». И он повторил утверждение, которое он много раз высказал в разных контекстах: «Выражение социалистическая Советская республика означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание новых экономических порядков социалистическими» [*Ленин В.И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. Соч., т. 36, с. 295.*] Иными словами, после окончания войны крестьяне не станут поставлять хлеб бесплатно.

Вопрос в 1921 г. снова был поставлен ребром, без доктринёрства. Во время Гражданской войны крестьяне подчинялись продразвёрстке под страхом «белой» реставрации и потери земли. Эта угроза миновала, и начались вспышки крестьянских мятежей. Промышленное производство катастрофически упало, товаров для государственной торговли не было, крестьяне отказывались поставлять хлеб в города. Началось «отступление» с возрождением буржуазии и новым социальным расслоением. Возник риск конфликта между городом и деревней. Солидарность союза рабочих и крестьян лишилась важных факторов – спланивающих людей бедствий войны и уравнивающего разделения тягот.

¹ На словах Временное правительство было даже гораздо более радикальным сторонником мер военного коммунизма, чем впоследствии большевики. Так, министр труда М.И. Скобелев при вступлении в должность заявил: «Мы должны ввести трудовую повинность для гг. акционеров, банкиров и заводчиков, у которых настроение вялое, вследствие того, что нет стимулов, которые раньше побуждали их работать. Мы должны заставить господ акционеров подчиняться государству, и для них должна быть повинность, трудовая повинность» [Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление. М.: Агро-XX. 1998, с. 106].

Политическое решение о переходе к НЭПу выработывалось по типу *научной программы*. Двум авторитетным экономистам-аграрникам России, Л.Н. Литошенко и А.В. Чайнову, было поручено подготовить два *альтернативных* программных доклада. Литошенко рассмотрел возможности продолжения, в новых условиях, «реформы Столыпина» – создания фермерства с крупными земельными участками и наёмным трудом. Чайнов исходил из развития трудовых крестьянских хозяйств без наёмного труда с их постепенной кооперацией. Доклады обсуждались в июне 1920 г. на комиссии ГОЭЛРО (прообразе планового органа) и в Наркомате земледелия. В основу НЭПа была положена концепция Чайнова. Речь шла именно о *новой* политике, выработанной на новом уровне понимания происходящих в стране процессов и на основе знания, данного Гражданской войной.

Главная идея Чайнова, что крестьянская экономика не является ни капитализмом и не докапиталистическим укладом, восторжествовала. Ленин убедил большинство партии, что в России «смычка с крестьянской экономикой» (главный смысл НЭПа) – фундаментальное условие построения социализма. Иными словами, НЭП был вызван не конъюнктурой, а всем типом России как крестьянской страны.

15 марта 1921 года Ленин на X съезде РКП(б) сделал доклад «О замене развёрстки натуральным налогом», его суть «состоит в отношении рабочего класса к крестьянству». Их союз в Октябре и даже в Гражданской войне был понятен, и их главные интересы совмещались. Теперь требовался новый общественный договор и новая основа для союза. Ленин высказался жёстко: «Мы должны сказать крестьянам: “Хотите вы назад идти, хотите вы реставрировать частную собственность и свободную торговлю целиком, – тогда это значит скатываться под власть помещиков и капиталистов неминуемо и неизбежно... Рассчитывайте и давайте рассчитывать вместе”» [Ленин В.И. Доклад о замене развёрстки натуральным налогом. 15 марта 1921 г. Соч., т. 43, с. 59].

А делегатам съезда он напомнил фундаментальный выбор: «Социалистическая революция в такой стране [России] может иметь окончательный успех лишь при двух условиях. Во-первых, при условии поддержки её своевременно социалистической революцией в одной или нескольких передовых странах. Как вы знаете, для этого условия мы очень много сделали по сравнению с прежним, но далеко не достаточно, чтобы это стало действительностью.

Другое условие, это – соглашение между осуществляющим свою диктатуру или держащим в своих руках государственную власть пролетариатом и большинством крестьянского населения... Нам надо – согласно нашему миро-созерцанию, нашему революционному опыту в течение десятилетий, урокам нашей революции – ставить вопросы прямоком: интересы этих двух классов различны, мелкий земледелец не хочет того, чего хочет рабочий.

Мы знаем, что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах...

Как ни трудно наше положение в смысле ресурсов, а задача удовлетворить среднее крестьянство – должна быть разрешена» [Ленин В.И. Доклад о замене развёрстки натуральным налогом. 15 марта 1921 г. Соч., т. 43, с. 58, 59].

21 марта 1921 года ВЦИК издал декрет «О замене продовольственной и сырьевой развёрстки натуральным налогом». Размеры налога были почти в два раза меньше продразвёрстки – 240 млн. пудов зерновых вместо 423 млн. по развёрстке 1920 г., из которых реально было собрано около 300 млн.; ещё

предполагалось получить около 160 млн. пудов через торговлю. Крестьянин мог свободно распоряжаться оставшимся после сдачи налога урожаем. Декрет был опубликован до начала посевных работ, что побуждало крестьян увеличивать посевы.

Отмена чрезвычайных мер сразу была использована буржуазными слоями и кулаками на селе. Обладая материальными средствами, грамотой и навыками организации, они доминировали в Советах и кооперации. Восстановление рынка создало много противоречий, которые ударили по трудящимся. Это создавало основу для острых дискуссий в партии, доходящих до раскола. Развал партии как объединяющего механизма всей политической системы означал бы крах государства.

17 октября 1921 г. Ленин сделал большой доклад на съезде политпросветов, обобщив опыт восьми месяцев. Это был доклад для политработников и пропагандистов, умеренный и подробный. Этот доклад был бы и сегодня полезным как учебный материал. Приведём фрагменты из этого доклада, самые близкие для нашей темы.

Он сказал: «Наша новая экономическая политика, по сути её, в том и состоит, что мы в этом пункте потерпели сильное поражение и стали производить стратегическое отступление: “Пока не разбили нас окончательно, давайте-ка отступим и перестроим всё заново, но прочнее”. Никакого сомнения в том, что мы понесли весьма тяжёлое экономическое поражение на экономическом фронте, у коммунистов быть не может, раз они ставят сознательно вопрос о новой экономической политике. И, конечно, неизбежно, что часть людей здесь впадёт в состояние весьма кислое, почти паническое, а по случаю отступления эти люди начнут предаваться паническому настроению. Это вещь неизбежная. Ведь когда Красная Армия отступала, она начинала победу свою с того, что бежала перед неприятелем, и каждый раз на каждом фронте этот панический период у некоторых людей переживался. Но каждый раз – и на фронте колчаковском, и на фронте деникинском, и на фронте Юденича, и на польском фронте, и на врангелевском – каждый раз оказывалось, что после того, как нас разочек, а иногда и больше, хорошенечко били, мы оправдывали пословицу, что “за одного битого двух небитых дают”. Бывши один раз битыми, мы начинали наступать медленно, систематически и осторожно...

На экономическом фронте, с попыткой перехода к коммунизму, мы к весне 1921 г. потерпели поражение более серьёзное, чем какое бы то ни было поражение, нанесённое нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским, поражение, гораздо более серьёзное, гораздо более существенное и опасное. Оно выразилось в том, что наша хозяйственная политика в своих верхах оказалась оторванной от низов и не создала того подъёма производительных сил, который в программе нашей партии признан основной и неотложной задачей... Позиции были подготовлены заранее, но отступление на эти позиции произошло (а во многих местах провинции происходит и сейчас) в весьма достаточном и даже чрезмерном беспорядке...

Уничтожение развёрстки означает для крестьян свободную торговлю сельскохозяйственными излишками, не взятыми налогом, а налог берёт лишь небольшую долю продуктов. Крестьяне составляют гигантскую часть всего населения и всей экономики, и поэтому на почве этой свободной торговли капитализм не может не расти... И вопрос коренной состоит, с точки зрения стратегии, в том, кто скорее воспользуется этим новым положением? Весь вопрос, за кем пойдёт крестьянство – за пролетариатом, стремящимся

построить социалистическое общество, или за капиталистом, который говорит: “Повернём назад, так оно безопаснее, а то ещё какой-то социализм выдумали”.

Совершенно бесспорно, и всем очевидно, что, несмотря на такое громадное бедствие, как голод, улучшение положения населения, за вычетом этого бедствия, наступило именно в связи с изменением нашей экономической политики.

С другой стороны, если будет выигрывать капитализм, будет расти и промышленное производство, а вместе с ним будет расти пролетариат. Капиталисты будут выигрывать от нашей политики и будут создавать промышленный пролетариат, который у нас, благодаря войне и отчаянному разорению и разрухе, деклассирован, т. е. выбит из своей классовой колеи и перестал существовать, как пролетариат. Пролетариатом называется класс, занятый производством материальных ценностей в предприятиях крупной капиталистической промышленности. Поскольку разрушена крупная капиталистическая промышленность, поскольку фабрики и заводы стали, пролетариат исчез. Он иногда формально числился, но он не был связан экономическими корнями.

Если капитализм восстановится, значит восстановится и класс пролетариата, занятого производством материальных ценностей, полезных для общества, занятого в крупных машинных фабриках, а не спекуляцией, не выделыванием зажигалок на продажу и прочей “работой”, не очень-то полезной, но весьма неизбежной в обстановке разрухи нашей промышленности.

Весь вопрос – кто кого опередит? Успеют капиталисты раньше сорганизоваться, – и тогда они коммунистов прогонят, и уж тут никаких разговоров быть не может. Нужно смотреть на эти вещи трезво: кто кого? Или пролетарская государственная власть окажется способной, опираясь на крестьянство, держать господ капиталистов в надлежащей узде, чтобы направлять капитализм по государственному руслу и создать капитализм, подчинённый государству и служащий ему? Нужно ставить этот вопрос трезво» [Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов. 17 октября 1921 г. Соч., т. 44, с. 158-159].

Этот доклад Ленина сильно отличался от выступлений перед руководством партии, в которых он обосновывал программы действий. Здесь он представил картину возможного, даже очень вероятного, разрыва всего процесса революции, катастрофы всего строительства советского строя. Официальная советская пропаганда эту ситуацию обходила, и в массовом сознании этот исторический момент не отложился. Сейчас представляется, что этот провал в историческом знании советского общества стал важным фактором краха СССР – население не имело опыта предвидения подобной ситуации.

Ленин определил главные состояния, которые угрожали развалом советского общества в раннем периоде его становления:

– Единственная возможность производства минимума ресурсов жизнеобеспечения – дать крестьянству свободу хозяйственного уклада и торговли продукта. В реальных условиях это значило вернуться в «рыночную экономику» и восстановить прежние структуры производственных и распределительных отношений, налаженные до революции с важной компонентой капитализма.

– «На почве этой свободной торговли капитализм не может не расти», и есть риск, что «крестьянство пойдёт за капиталистом». Признак – множество

крестьянских восстаний. Экономических ресурсов, чтобы поддержать крестьянство, нет.

– «Если капитализм восстановится, значит восстановится и класс пролетариата, занятого производством материальных ценностей... Если будет выигрывать капитализм, будет расти и промышленное производство, а вместе с ним будет расти пролетариат». Значит, новое поколение промышленных рабочих, вместо «исчезнувшего пролетариата», на какое-то время будет лояльно к капитализму.

– «Кто кого опередит? Успеют капиталисты раньше сорганизоваться, – и тогда они коммунистов прогонят, и уж тут никаких разговоров быть не может».

Кроме того, «отступление к капитализму» возмутило не только «левых коммунистов», но и массу демобилизованных красноармейцев, бывших партизан и бедноты. В ряде регионов возникли локальные гражданские войны («красный бандитизм»). Ленин учитывал все эти факторы и не скрывал, что положение страны очень сложно и неопределённо. Чтобы взять его под контроль, требуется непрерывный анализ сил, ресурсов и динамики системы, а также быстрые решения и действия.

В докладе Ленин продолжал:

«Теперь буржуазия всего мира поддерживает буржуазию России, оставаясь во много раз более сильной, чем мы... И чтобы тут победить – нужно опереться на последний источник сил. Последний источник сил есть масса рабочих и крестьян, их сознательность, их организованность. Либо пролетарская организованная власть – и передовые рабочие и небольшая часть передовых крестьян эту задачу поймут и сумеют организовать народное движение вокруг себя – и тогда мы выйдем победителями.

Либо мы не сумеем это сделать – и тогда неприятель, имеющий больше сил в смысле техники, неминуемо нас побьёт... Войны крестьян с помещиками были в истории не раз, начиная с первых времён рабовладения. Такие войны бывали не раз, но войны государственной власти против буржуазии своей страны и против соединённой буржуазии всех стран – такой войны не бывало никогда... Опыта у народа в таких войнах быть не могло. Мы его должны создавать сами и опираться в этом опыте мы можем только на сознание рабочих и крестьян. Вот в чём девиз и величайшая трудность этой задачи.

Мы не должны рассчитывать на непосредственно коммунистический переход. Надо строить на личной заинтересованности крестьянина. Нам говорят: “Личная заинтересованность крестьянина – это значит восстановление частной собственности”. Нет, личная собственность на предметы потребления и на орудия, – она нами не прерывалась по отношению к крестьянам никогда. Мы уничтожили частную собственность на землю, а крестьянин вёл хозяйство без частной собственности на землю, например, на земле арендованной. Эта система существовала в очень многих странах. Тут экономически невозможного ничего нет. Трудность в том, чтобы лично заинтересовать. Нужно заинтересовать также каждого специалиста с тем, чтобы он был заинтересован в развитии производства.

Умели ли мы это делать? Нет, не умели! Мы думали, что по коммунистическому велению будет выполняться производство и распределение в стране с деклассированным пролетариатом. Мы должны будем это изменить потому, что иначе мы не можем познакомить пролетариат с этим переходом. Таких задач в истории ещё никогда не ставилось. Если мы эту задачу пробовали

решить напрямиком, так сказать, лобовой атакой, то потерпели неудачу. Такие ошибки бывают во всякой войне, и их не считают ошибками. Не удалась лобовая атака, перейдём в обход, будем действовать осадой и сапой» [Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов. 17 октября 1921 г. Соч., т. 44, с. 163, 165].

Известно, что силы советской системы в то время интеллектуально и организационно были на высоте и за три года вывели общество и хозяйство на траекторию развития. Если сравнить кризисные состояния периода НЭПа и периода «перестройки», то эти два образа дадут очень много ценного знания для российского обществоведения, да и для населения. Конечно, после 1917 г. и Гражданской войны жители России ещё помнили, что такое периферийный капитализм, и соблазнить их было трудно, но и массовое сознание было приспособлено различать добро и зло.

Вернёмся в 1921 год. Первый год НЭПа сопровождался катастрофической засухой (из 38 млн. десятин, засеянных в европейской России, урожай погиб полностью на 14 млн., так что продналога было собрано лишь 150 млн. пудов). Была проведена эвакуация 100 тыс. жителей из поражённых районов в Сибирь, масса людей (около 1,3 млн. человек) шла самостоятельно на Украину и в Сибирь. Крестьян из голодающих губерний освободили от натурального налога, всего этого налога была собрана только половина общего сбора 1920–21 гг. Официальная цифра пострадавших от голода составляла 22 млн. человек. Из-за границы была получена помощь в размере 1,6 млн. пудов зерна (в основном из США) и 780 тыс. пудов другого продовольствия. Сельскохозяйственные работы 1922 г. были объявлены государственным и общепартийным делом.

В марте 1922 г. продналог был сокращён до 10% общего производства. Урожай 1922 г. достиг 75% от уровня 1913 г. – это облегчило ситуацию и было переломным моментом. Был принят закон «о трудовом землепользовании»: одинаково законными были артель, община, владения в виде хуторов, а также комбинации этих форм. Реально «подпольно существовала аренда».

В ноябре 1922 г. на IV конгрессе Коминтерна Ленин сказал: «Крестьянские восстания, которые раньше, до 1921 года, так сказать, представляли общее явление в России, почти совершенно исчезли. Крестьянство довольно своим настоящим положением... [Оно] находится теперь в таком состоянии, что нам не приходится опасаться с его стороны какого-нибудь движения против нас... Крестьянство может быть недовольно той или другой стороной работы нашей власти, и оно может жаловаться на это, ... но какое бы то ни было серьёзное недовольство нами со стороны всего крестьянства, во всяком случае, совершенно исключено. Это достигнуто в течение одного года» [Ленин В.И. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции. Соч., т. 45, с. 285].

Однако недовольство вызревало в партии. Во многих местах партийные ячейки указывали, что НЭП поощряет кулака за счёт бедных крестьян. Ленин в докладе на X съезде ответил: «Не надо закрывать глаза на то, что замена развёрстки налогом означает, что кулачество из данного строя будет вырастать ещё больше, чем до сих пор. Оно будет вырастать там, где оно раньше вырастать не могло» [Ленин В.И. Доклад о замене развёрстки натуральным налогом. 15 марта 1921 г. Соч., т. 43, с. 69].

Большие риски создавала инерция военного коммунизма, продолжить который было невозможно. Выше уже было сказано, что программы, возникнувшие в чрезвычайных условиях, после исчезновения породивших их условий

сами собой не распадаются – демобилизация населения, которое стало «военской общиной», всегда бывает сложной и болезненной операцией.

Ситуации в разных регионах были разными, и не всегда можно было определить критический порог, за которым НЭП действительно поощрял кулака, оставляя бедняков и даже рабочих без средств существования. Быстро произвести тонкую настройку было невозможно, – не хватало кадров и времени. Например, тяжёлое положение сложилось в топливной промышленности. К моменту введения НЭПа рабочие на трудных работах, получавшие пайки высшей категории, потребляли всего лишь 1200–1900 вместо 3000 калорий – необходимого минимума для такого труда (например, шахтёры Донбасса). В марте 1921 г. шахты перевели на хозрасчёт, добытый уголь теперь продавали на рынке (кроме обязательных поставок для железных дорог). А закупки угля частниками начинались в начале осени – шахтёров увольняли из-за отсутствия наличных денег. Рабочие лишились и зарплаты, и государственных поставок продовольствия. На шахтах начался голод, были случаи голодной смерти, и внеурочные поставки продовольствия шахтёрам были возобновлены. Но это Донбасс, а во множестве уездов и волостей в глубинке коррекции в разделении тягот дошли лишь в 1922 г.

Здесь требуется небольшое отступление, чтобы прояснить сложность перехода от военного коммунизма к НЭПу – отмены продразвёрстки (т.е. пайков для рабочих) и замены её налогом, торговлей (для крестьян). Это типичный конфликт *ценностей*. В сфере общественных отношений это фундаментальная проблема, которую в социальной и политической философии пытаются разрешить, начиная с трудов Аристотеля.

Во время наших революций заниматься этой проблемой не было времени ни у интеллигенции, ни у политиков. Наверное, кто-то слышал о том, что во время Великой Французской революции конфликт между ценностями свободы и равенства разрешили посредством закона, определив: *равенство – в праве, а не в факте*. Тех, кто требовал *равенства факта*, послали на гильотину. Дискуссии в РКП(б) в философию Аристотеля и Руссо не погружались. А в 1921 г. разрешение конфликта ценностей пайка и торговли определяло судьбу проекта Октябрьской революции и советского строя.

Но сейчас надо к фактам Октябрьской революции приложить схему конфликта ценностей. Будет проще представить политическую и социальную проблему перехода к НЭПу. Государство должно следовать определённым *нравственным принципам* и в то же время оно должно быть *эффективно в управлении*, в решении задач, которые на него возлагаются. Для народа важно, чтобы руководство выполняло обе эти функции. Бывают нравственные правители, которые ничего не могут сделать и доводят страну и народ до катастрофы. В истории каждого государства есть моменты, когда правители ради эффективности на какое-то время идут против той нравственности, которую они исповедуют.

Сложность конфликта ценностей при осмыслении вариантов решений состоит в том, что приходится искать приемлемый баланс между *несоизмеримыми ценностями*. Поэтому возникают ситуации, в которых «не существует пристойного, честного и адекватного решения», и это не зависит от воли или наклонностей человека, принимающего решение. Очень часто даже в рамках одной культуры несоизмеримость ценностей двух субкультур (социальных групп) принимает характер антагонизма, так что нет возможности договориться и прийти к согласию. Возникают даже

гражданские войны на уничтожение носителей иных ценностей. В случае ситуации перехода к НЭПу возник конфликт двух социальных групп и, можно сказать, двух субкультур.

Английский философ Дж. Грей пишет: «Рационалистическая и универсалистская традиция либеральной политической философии, как и остальная часть проекта Просвещения, села на мель, столкнувшись с рифами плюрализма ценностей, утверждающего, что ценности, воплощённые в различных способах жизни и человеческой идентичности, и даже в пределах одного и того же способа жизни и идентичности, могут быть рационально несоизмеримыми...

Несоизмеримость не свидетельствует о несовершенстве ни нашего миропонимания, ни мира, скорее она указывает на непоследовательность идеи совершенства... Несоизмеримыми могут стать блага, которые в принципе сочетаются друг с другом; такая ситуация означает, что эти блага не поддаются сочетанию каким-то наилучшим образом. Несоизмеримость может относиться к благам, которые в принципе не сочетаются друг с другом, или же к тем, что по своей природе не могут быть реализованы одновременно, в таком случае следует сделать вывод, что не существует их "правильной" иерархии.

Как бы то ни было, она означает ограничение рационального выбора и возможность радикального выбора – выбора, который не основан и не может быть основанным на разуме, но состоит в принятии решения или обязательства, не имеющего обоснования. В наибольшей мере понятие несоизмеримости применимо к благам, в принципе несовместимым друг с другом. Такая несоизмеримость может иметь место, если – в противоположность учению Аристотеля о гармонии добродетелей – одно благо или достоинство вытесняет другое» [Грей Дж. Поминки по Просвещению. М.: Праксис. 2003., с. 136, 142].

Эту проблему не удалось удовлетворительно решить ни в Российской империи, ни в последний период СССР. Как определили наши философы 1990-е годы в ходе реформ в России, все хорошо знают – эту проблему просто игнорировали. Так, например, ценность *свободы* ставилась неизмеримо выше ценности *равенства*, так что возобладал социал-дарвинизм. Ценность *экономической эффективности* ставилась неизмеримо выше ценности *социальной справедливости и безопасности*. Социальная справедливость как ограничение для социальной инженерии была отброшена, но вместе с этим рухнула и экономическая эффективность.

Дж. Грей писал, что политические доводы зависят от обстоятельств, они не могут быть доказанными, как теорема: «Политические рассуждения являются формой практического умозаключения, и ни один шаг в них логически не следует из другого; намёки на это можно найти ещё у Аристотеля. Политическое мышление обращается к концепции политической жизни как к сфере практических рассуждений, чья цель (telos) – это образ жизни (modus vivendi), а также к освящённой авторитетом Гоббса концепции политики, понимаемой как сфера стремления к гражданскому миру, а не к истине» [Грей Дж. Поминки по Просвещению. М.: Праксис. 2003, с. 150].

В нашем конкретном случае конфликт ценностей союзных общностей (сельских и промышленных рабочих и крестьян) активизировал сложную и тяжёлую угрозу – *красный бандитизм*. Здесь коротко укажем на него, а подробнее обсудим ниже. НЭП натолкнулся в Сибири на сопротивление со стороны значительной части населения, которая являлась опорой Советской власти: сельских коммунистов, чоновцев, сотрудников милиции и ВЧК, бедноты.

В отчёте Бийского горкома РКП(б) в апреле 1921 г. говорится: «Не отвыкшие ещё от партизанских методов борьбы и работы сибирские коммунисты, на которых поднималась вся глухая ненависть кулаков по поводу проведённой развёрстки, никак не могут освоиться со взятым в настоящее время курсом нашей партии на середняка и хозяйственного крестьянина. Они не могут понять того, что сейчас необходимо оказывать содействие в хозяйственном отношении тому кулаку, с которым они враждовали всю зиму, и у них ещё больше разгорается злоба, и они ещё с большим рвением принимаются за реквизиции и конфискации. Местами наблюдается явление, которое можно назвать коммунистическим бандитизмом» [Шишкин В.И. Красный бандитизм в Советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки / Новосибирск: Издательство «Наука», Сибирское отделение, 1992.].

Это широкое явление здесь связано с НЭПом. Комиссия Сиббюро представила пленуму ЦК РКП(б) доклад об этой проблеме, где сказано: «С весны 1921 года в красный бандитизм начала вливаться новая струя недовольства политикой Советской власти, имеющая гораздо более глубокие политические и экономические основы. Тот слой деревенского населения, из которого вербуются красные бандиты, это либо беднота, либо элементы, разорённые Колчаком и отброшенные в ряды бедноты. До весны 1921 г. они экономически поддерживались государством и жили за счёт внутреннего перераспределения излишков продовольствия, остающихся после развёрстки; вместе с тем они были опорой Советской власти в деревне.

С отменой развёрстки они утратили экономический базис, почувствовали себя столь же обездоленными, как были при Колчаке, и почували, что новый курс неизбежно ведёт к усилению враждебных им элементов и понижает их собственное влияние. Эти обстоятельства всё более делают их из просто недовольных – резко политически враждебными Советской власти. Нового курса они не приемлют. На этой стадии красный бандитизм начинает принимать уже другие формы: вместо самочинной расправы с контрреволюционерами те же группы начинают активно срывать новую продполитику; продолжают производить внутреннее перераспределение, конфискуют и реквизируют те продукты, которые отдельными домохозяевами ведутся для целей товарообмена» [Шишкин В.И. Красный бандитизм в Советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки / Новосибирск: Издательство «Наука», Сибирское отделение, 1992.].

Переход от военного коммунизма к НЭПу потребовал сложных решений для нахождения в разных условиях баланса между социальной справедливостью с эффективностью социальных форм. В главном самые острые проблемы удалось разрешить за два года. Советское руководство исходило из «практических политических умозаключений», а не из теоретических истин и групповых нравственных ценностей. В этом было кардинальное различие проектов Октябрьской и Февральской революций.

В разработке программы НЭПа найти верную меру между справедливостью и эффективностью было очень сложно. Критика «рабочей оппозиции» была понятной и опасной. Основанием для этой критики было то, что НЭП не только дал необходимую уступку крестьянству, но и стал наращивать уступки – за счёт *рабочего класса*. Уже летом 1921 г. Горький поддержал эту критику в беседе с гостем из Франции: «Пока что рабочие являются хозяевами, но они представляют лишь крошечное меньшинство в нашей стране (в лучшем случае – несколько миллионов). Крестьяне же – это целый легион. В борьбе,

которая с самого начала революции идёт между двумя классами, у крестьян все шансы выйти победителями... В течение четырёх лет численность городского пролетариата непрерывно сокращается... В конце концов огромная крестьянская волна поглотит всё... Крестьянин станет хозяином России, поскольку он представляет массу. И это будет ужасно для нашего будущего» (см. [Карр Э. История Советской России. Т. 2. М.: Прогресс. 1990., с. 627]).

Действительно, промышленность обязали передать запасы готовой продукции, чтобы стимулировать деревню торговать продовольствием. Введение действующих стихийно рыночных механизмов при острой нехватке сырья, оборудования и готовой продукции приводило к тому, что любое неравновесие начинало обостряться, порождая цепную реакцию кризиса. Промышленные предприятия, переведённые на хозрасчёт, столкнулись с отсутствием оборотных средств. Чтобы выплачивать рабочим зарплату, они были вынуждены срочно распродавать готовую продукцию, так что цены резко упали. 1 января 1921 г. аршин ситца стоил 4 фунта ржаной муки, а 1 мая 1,68 фунта. В мае 1922 г. хлопчатобумажная ткань продавалась по цене в два с лишним раза ниже себестоимости. Как говорили, начало НЭПа – время «диктатуры ржи и расточения нашего государственного промышленного капитала».

Малые и средние предприятия стали сдавать в аренду. В основном их арендовали кооперативы и рабочие артели, частных было намного меньше половины (в основном это были прежние владельцы). В марте 1923 г. была проведена перепись предприятий. Выяснилось, что 84,5% всех промышленных рабочих были заняты на государственных предприятиях, которые давали в стоимостном выражении 92,4% продукции. На долю частных предприятий приходилось 4,9% продукции и на кооперативы – 2,7%.

Всеобщей тревогой в партии и государстве была нехватка средств для восстановления тяжёлой промышленности. На IV конгрессе Коминтерна Ленин сказал: «Положение тяжёлой промышленности представляет действительно очень тяжёлый вопрос для нашей отсталой страны, так как мы не могли рассчитывать на займы в богатых странах... Мы экономим на всём, даже на школах. Это должно быть, потому что мы знаем, что без спасения тяжёлой промышленности, без её восстановления мы не сможем построить никакой промышленности, а без неё мы вообще погибнем как самостоятельная страна...»

Тяжёлая индустрия нуждается в государственных субсидиях. Если мы их не найдём, то мы, как цивилизованное государство, – я уже не говорю, как социалистическое, – погибли» [Ленин В.И. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции. Соч., т. 45., с. 287, 288].

Эти тяжёлые конфликты интересов и ценностей между рабочими и крестьянами и между промышленностью и сельским хозяйством породили более фундаментальное противоречие в самой партии большевиков. Это противоречие в понимании главных смыслов революции. В острой форме оно проявилось в отношении НЭПа.

Во всех политических партиях, в том числе и в дореволюционной партии большевиков, в представлениях общества господствовал принцип *отношений классов*, оформленный в теории классов и классовой борьбы Маркса. Марксисты считали, что социалистическая революция установит *диктатуру пролетариата*, а до этого, при капитализме, будет существовать гражданское общество – арена холодной борьбы классов.

Маркс, развивая теорию классовой борьбы, сделал такой вывод в «Критике Готской программы» (1875): «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*» [Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 19, с. 27.].

Между ветеранами и социальной базой партии большевиков возникло расхождение в понятиях *государство* и *диктатура*. Ленин в разных формах объяснял марксистам-большевикам, что в реальности общество *гетерогенно*, оно состоит из разных общностей с их интересами и ценностями, и что в государстве *правлящая партия* не может действовать согласно идеалам и интересам одного класса, что задача власти – разные общности соединить в союз. Актив партии воспринимал это с трудом, хотя различия интересов и ценностей были очевидны тогда (и видны сегодня).

Но в тот момент опровергать догму Маркса и его классовую теорию диктатуры пролетариата было невозможно – для многих эта догма была предметом веры. Теоретический вопрос породил политический конфликт.

В 1918 г. возникла и развивалась проблема, которую поставил Ленин в статье «Очередные задачи Советской власти», где он сформулировал эту проблему: «Революция, и именно в интересах социализма, требует *беспрерывного повиновения* масс *единой воле* руководителей трудового процесса». Историк Б.Н. Земцов пишет: «Со стороны одного из членов большевистского правительства – Председателя Высшего Совета народного хозяйства РСФСР Н. Осинского – последовало быстрое и резкое возражение: “Мы стоим на точке зрения строительства пролетарского социализма – классовым творчеством самих рабочих, ... мы исходим из доверия к классовому инстинкту, к классовой самодеятельности пролетариата. Иначе и невозможно его ставить. Если сам пролетариат не сумеет создать необходимые предпосылки для социалистической организации труда, – никто за него это не сделает и никто его к этому не принудит”...»

В среде большевиков с дооктябрьским стажем это [заявление Ленина] вызвало сначала недоумение, а затем протест. Диктатура пролетариата воспринималась ими диктатурой по отношению к другим классам и социальным группам, по отношению же к самому пролетариату она представлялась системой самоуправления. Поэтому в 1919 г. вокруг Н. Осинского и его товарищей Т.Б. Сапронова, Б.М. Смирнова в РКП(б) сложилась группа “демократического централизма” (децисты). В декабре 1919 г. на VII съезде Советов РСФСР децисты получили большинство голосов по вопросу о советском строительстве, и съезд принимает их резолюцию, а не Ленина.

После Гражданской войны фракционная борьба разгорелась с новой силой. Помимо децистов, зимой 1920–1921 гг. в РКП(б) возникла группа “рабочая оппозиция”» [Земцов Б.Н. Дискуссия о сущности пролетарского государства в 1919–1923 гг. // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 2.].

Дискуссии между большинством ЦК и «рабочей оппозицией» не получились и обернулись фракционной борьбой. В 1922 г. возникла «рабочая группа», возглавляемая старыми большевиками-рабочими (Г.И. Мясниковым и др.).

Недовольство отходом от классового подхода возникло не только в РКП(б) – меньшевики и эсеры называли поддержку «отсталого мелкобуржуазного крестьянства», вместо рабочего класса, капитуляцией. И этот спор был

очень длительным и жёстким. М. Горький вспоминал «Апрельские тезисы»: «Когда в 17 году Ленин, приехав в Россию, опубликовал свои “тезисы”, я подумал, что этими тезисами он приносит всю ничтожную количественно, героическую качественно рать политически воспитанных рабочих и всю искренно революционную интеллигенцию в жертву русскому крестьянству». Горькому казалось, что «эта единственная в России активная сила будет брошена, как горсть соли, в пресное болото деревни и бесследно растворится, рассосётся в ней, ничего не изменив в духе, быте, в истории русского народа» [Горький М. Собр. Соч. Т. 17. М.: ГИХЛ. 1952. С. 25.].

Казалось, что суждение Маркса в «Критике Готской программы» можно было принимать только как абстракцию, – даже примитивное общество долго не просуществует под диктатурой одной общности. Но пафос революции у некоторых сужает диапазон мышления. Ленин им писал: «Диктатуру пролетариата через его поголовную организацию осуществить нельзя. Ибо не только у нас, в одной из самых отсталых капиталистических стран, но и во всех других капиталистических странах пролетариат всё ещё так раздроблен, так принижен, так подкуплен кое-где (именно империализмом в отдельных странах), что поголовная организация пролетариата диктатуры его осуществить непосредственно не может. Диктатуру может осуществлять только тот авангард, который вобрал в себя революционную энергию класса» [Ленин В.И. О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибке тов. Троцкого. Собр. соч., т. 42, с. 204.].

Процесс гармонизации идеологии с институтами государства (как НЭП) шёл в СССР постепенно, по множеству направлений образования и культуры, развития экономики и права. Каждое решение вызывало оппозицию и сложные дискуссии – до конца 1930-х годов.

Каждая такая проблема представляла новое и неизученное явление. О них шли дискуссии, и почти всегда первые подходы были *экспериментами*, многие методом проб и ошибок. Отладка НЭПа – ценный учебный материал. Часто каждая проблема требовала отменять прежние решения и резолюции, изменять правовые нормы. Изучали теории и практику царского правительства, привлекали старых специалистов. Так, в 1921 г. требовалось быстро создать финансовую систему для новой и малоизученной экономики, и в начале 1922 г. в правление Госбанка был назначен бывший финансист и промышленник Кутлер, министр при Витте и после 1905 г. кадет. Он сыграл важную роль в стабилизации валюты.

Но даже Ленин с большим трудом убедил и Съезд Советов, и XI съезд РКП(б) продолжить программу НЭПа. Уже результаты 1922 г. показали, что прогноз Ленина был верен: «реанимирующее влияние НЭПа распространилось на все области хозяйства».

Во время НЭПа доля экспорта в производстве зерна снизилась по сравнению с 1913 г. в 4,5 раза. Потом экспорт был ещё сокращен (в 1932 г. он составил всего 1,8 млн. т), а в 1934 г. вообще прекращён – лучше было продать, по крайней необходимости, яйца Фаберже.

В 1922 г. начали выпускать «червонцы», один был равен десяти золотых рублей. Эта устойчивая валюта вызвала большой оптимизм. Но и разные деньги, ходившие в обращении показывали, что экономика выздоравливала. По курсу 1921 г. сумма денег в обращении на 1 сентября 1921 г. была 3 500 млрд., на 1 января 1922 г. 17 500 млрд., на 1 мая 130 000 млрд., а в конце 1922 г. – почти 2 квадриллиона руб. Общий вывод был такой: хотя в перспективе НЭП

неминуемо должен был породить новые стрессы и неудовольствие, эти опасения затмевались общим чувством удовлетворения ростом благосостояния [Карр Э. История Советской России. Т. 2. М.: Прогресс. 1990, с. 677].

В системе права в период НЭПа начался поворот от борьбы с *классовым врагом* и отмена *классового подхода*. Сложные проблемы создали при строительстве институтов права представления о классах в сословном обществе в переходном состоянии. Важную роль в дискуссиях по юридическим вопросам занимала концепция «революционной законности», возникшая в 1921-1922 гг. Она была идеологической основой для перехода от «*революционного правосознания*» к нормальной правовой системе со стабильными юридическими гарантиями, без которых был невозможен НЭП.

Мы говорили о чрезвычайных проблемах, связанных с переходом к НЭПу, но важен и весь контекст этой огромной и стратегической программы. Без фона, на котором сложился образ НЭПа, трудно представить эту программу как большую систему.

Для осуществления НЭПа требовались: обобщение научных концепций модернизации, большие медицинские профилактические программы на обширных территориях, глубокие изменения в системе права и кодификация большого числа законов, создание совершенно новой пенитенциарной системы, «конструирование» комсомола как необычной политической организации «для крестьян», большая философская дискуссия в сфере культуры (преодоление «пролеткульта»). Каждая из этих программ означала проектирование совершенно новых структур и была крупной социально-инженерной разработкой, к которой привлекались все готовые к сотрудничеству научные силы страны. Объём работы, который выполняли тогда российские учёные, по нынешним меркам кажется совершенно невероятным.

Критическим условием для этого была срочная программа ликвидации безграмотности. Она была организована в обществе в состоянии голода и холода, разрухи и гражданской войны. Ко времени II Всероссийского съезда политпросветов (октябрь 1921) было обучено грамоте 4,8 миллионов человек. В Красной Армии число безграмотных было понижено до 5% (в царской армии процент неграмотности доходил до 65), а во флоте безграмотность была полностью ликвидирована. В стране было 88 534 пункта по ликвидации безграмотности, 427 различных губернских и 21 370 уездных курсов. Сама эта работа скрепляла общество.

Проектирование новой пенитенциарной системы – другой из множества примеров. Общее число лиц во всех местах заключения в СССР составило на 1 января 1925 г. 144 тыс. человек, на 1 января 1926 г. 149 тыс. и на 1 января 1927 г. 185 тыс. человек. И это после гражданской войны и всплеска бандитизма. (Для сравнения: в 1905 г. в тюрьмах России находилось 719 тыс. заключенных, а в 1906 г. 980 тыс.). До срока в середине 20-х годов условно освобождались около 70% заключенных.

Во многом благодаря рационально разработанной комплексной программе советская власть за время НЭПа буквально изменила тип общества, ликвидировав «синдром бедняка», что привело к резкому увеличению продолжительности жизни, снижению детской смертности, искоренению массовых социальных болезней.

И.А. Гундаров пишет: «Отсутствие объективных оснований для значительного улучшения здоровья в 1921 г. заставляет предположить действие закона “духовно-демографической детерминации”. Действительно, уровень

ПОЭЗИЯ

Владимир ЯКУШЕВ

преступности, подскочивший в 1914–1918 гг. в два раза, затем в начале 20-х годов снизился от этой величины в четыре раза. В последующие годы продолжалось поразительное улучшение духовного состояния общества. Если в 1922 г. коэффициент судимости по РСФСР составлял 2508 на 100000 жителей, то в 1927 г. он упал до 1080. Уменьшилось число психических заболеваний, что подтверждается сокращением в психиатрических больницах коечного фонда на 31% по сравнению с 1913 г. Годы НЭПа представляют собой удивительную картину резкого улучшения системы медико-оздоровительной помощи и здоровья населения» [Гундаров И.А. Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России. М.: Беловодье. 2001. С. 156–157].

Надо упомянуть и роль учёных в изучении проблемы алкоголизма, и программу по его преодолению, которая была частью НЭПа. Именно в начале XX века в России была заложена тяжёлая традиция семейного пьянства, которая обладала большой инерцией и которую с огромным трудом изживали в 20–30-е годы. В 1907 г. 43,7% учащихся школ в России регулярно потребляли спиртные напитки. Из пьющих мальчиков 68,3% распивали спиртное с родителями (отцом, матерью или обоими родителями)¹. С 1900 по 1910 г., как показали повторные обследования, доля числа школьников, которые потребляли спиртное, сильно увеличилась. В Петербурге доля школьников, которые употребляли водку и коньяк, за это время возросла с 22,7% до 41,5%. В 1911 г. в городе было 35,1 смертных случаев в расчёте на 100 тыс. жителей на почве алкогольного отравления (в 1923 г. таких случаев было только 1,7) [Шереги Ф.Э. Причины и социальные последствия пьянства // Социологические исследования. 1986, № 2.].

Программа преодоления бедности и присущих ей социальных болезней в 20-е годы привела к возникновению того *антропологического оптимизма*, который предопределил и успехи индустриализации, и массовую тягу к знаниям, и победу в Великой Отечественной войне, и быстрое восстановление после войны. А ведь советская власть тогда ещё не располагала для этого крупными материальными ресурсами, успех был достигнут благодаря всеобщему «молекулярному» участию населения в этой программе, ясностью и фундаментальностью поставленных целей и критериев, способу организации действий, созвучному культурным традициям народа.

В 1925 г. посевная площадь достигла довоенного уровня, сельское хозяйство стабилизировалось. С началом НЭПа в советской экономике вводилось *плановое* начало. Была начата разработка перспективного плана электрификации России (план ГОЭЛРО). В 1920 г. был одобрен VIII Всероссийским съездом Советов и через год утверждён IX Съездом. Это был первый перспективный план развития народного хозяйства, который получил практическое воплощение.

За всем этим работал новый духовный двигатель – массовая вера в знание, науку и движение вперёд. Для нашей молодёжи полезно было бы прочесть книги Андрея Платонова, хотя бы «Чевенгур», «Котлован» и «Ювенильное море». Пишут, что его мировоззрение сочетает в себе элементы коммунизма, христианства и экзистенциализма. Надо добавить – русский космизм. Но, кажется, его необычные тексты для многих раскрыли, как в волшебном зеркальце, образ состояния советских людей в 1920-е годы.

¹ В 1926 г. обследование 22617 деревенских детей показало, что в возрасте семи-восьми лет потребляли спиртное 61,2% мальчиков и 40,9% девочек.

Владимир Викторович Якушев – окончил Чердын-ский лесотехнический техникум, филологический факультет Пермского государственного педагогического института, гуманитарный факультет Пермского государственного технического университета. Работал на заводах Перми, преподавал. Член Союза писателей России (2001). С 2010 г. – председатель Пермской краевой организации Союза писателей России. Живёт в Перми.

Дымка мира

Леди

Маленькая леди
На велосипеде
Давит на педали,
Чтобы не догнали.

И звенит у леди
На руле звоночек,
И ласкает леди
Кудри ветерочек.

Даже у автобуса
Дрогнула душа
Оттого, что леди
Больно хороша.

Прыгают от леди
Взрослые и дети,
Потому что леди
Очень быстро едет.

И рыжее меди
Волосы у леди,
У прекрасной леди
На велосипеде.

Кто она? Откуда?!
Маленькая леди...
Ездит это чудо
На велосипеде.

Амфитрион

Марине Вит

В прекрасный век, век Просвещения,
Играл Мольер большую роль.
Он так писал произведений,
Что улыбался сам король.

«Таков Юпитера закон, –
Сказал бы нам Амфитрион. –
Богов не просят, их не ждут –
Они приходят и берут».

Повержен враг. На крыльях славы
Амфитрион спешит домой.
Но у богов свои забавы
С его возлюбленной женой.

Таков Юпитера закон –
Рогатым стал Амфитрион.
Богов не просят, их не ждут –
Они приходят и дают.

Про этот дикий антислучай
Писал Булгаков Михаил.
Юпитер хоть кого проучит,
Кто что бы там ни говорил.

Иная жизнь, иные годы,
Иные дни в иной стране...
Уходят в прошлое народы,
Как будто гибнут на войне.

Нам никогда не быть своими
На этом празднике богов.
Обманут боги и богини –
Не принимайте их даров!

«Таков Юпитера закон, –
Сказал бы нам Амфитрион. –
Богинь не просят, их не ждут –
Они приходят и дают».

Звёздный купол

Добрянке. Пермский край

Когда июльской порой
Горел над нами звёздный купол,
Я на заливе под луной
С друзьями пел и песни слушал.

А там, вдоль Камы, огоньки
Идущих медленно буксиров,
Так ходят наши мужики
От рядовых до командиров.

А там, где лёгкий поворот,
Стоит часовня городская,
Как дочка, смотрит в лоно вод,
Высоким душу занимая.

И можно медленно пройтись
Тут от района Комарово,
Где стариною дышит жизнь
Почти до центра городского.

А там родная жизнь кипит,
Там женщины с такой осанкой,
Что детства друг идёт на вид
С почти античной горожанкой.

И даже дальняя земля
Не вынет родины осколок,
Где спят молодые тополя
Под плеск волны, под шум моторок.

И снова летнею порой
Горит над нами звёздный купол.
Мы на заливе всей семьёй,
И это лучше, чем я думал.

А там, где лёгкий поворот,
Стоит часовня городская,
Как дочка, смотрит в лоно вод,
Высоким душу занимая...

Женщины уходят от мужчин,
Называя тысячи причин.
К ним прибавилась ещё одна
С женщиной, ушедшей от меня.

И теперь за дружеским столом
Я могу подумать о другом:
О друзьях подумать, о судьбе, —
А потом немного о тебе.

Но бывает так, что без причин
И сейчас, как в прежние года,
Женщины уходят от мужчин,
Оставляют раз и навсегда.

И попробуй их останови —
Дымкой мира тают на глазах!
Есть, конечно, логика в любви,
Как прогноз погоды в облаках...

Мутная равнина,
Талые снега.
Каменная глина,
След от сапога.
Россыпью вороны —
Точки да тире.
Да собачий холод
В нашей конуре.

Проводили тупыми глазами
В ночь, вздохнувшую очень уж строго.
Вы плохие друзья, вместе с вами
Вперемешку со ссорой дорога.

Я ушёл, стала ночь холоднее,
Тяжелей и чернее тревога;
Я ушёл, стала вдвое длиннее
Вперемешку с печалью дорога.

Горит душа осенней рощи
Под утомительным дождём.
Она становится всё проще,
Всё молчаливей с каждым днём.

Ей ничего почти не надо,
Но влагу с рыженьких ресниц
Она туманным утром рада
Стряхнуть на заспанных синиц.

Ах, ей вся осень без печали,
А с ней и нам в краю родном.
Мы в жизни всякое видали
И молча всё переживём.

ПОЭЗИЯ

Надежда ОХРИМЕНКО

Надежда Николаевна Охрименко – член Союза писателей России, член Союза журналистов России, член Академии российской литературы. Окончила МВТУ им. Н.Э. Баумана и Народный университет рабочих корреспондентов им. М.И. Ульяновой. Автор пяти поэтических сборников. Шестикратный дипломант конкурса МГО СПР «Галерея избранного стихотворения». Награждена дипломом 1-ой степени и медалью «России верные сыны», памятным знаком «300 лет российской журналистике», дипломом 1-ой степени Международного интернет-конкурса «Страницы семейной славы», памятными литературными медалями: «А.С. Грибоедов», «А.П. Чехов», «М.Ю. Лермонтов», орденом «В.В. Маяковский. «Светить всегда»». Заслуженный писатель России.

Живёт в Москве.

«А судьба своё диктует...»

Почему?

Снилась тройка коней удалая,
Колокольчиков звон заливной.
Ямщика снилась песня хмельная,
И со мной был не ты, а – другой.
Слева поле стелилось, а справа –
Лес дремучий, как в сказке, стоял.
И пугающе верхней октавой,
Этот лес ямщику подпевал.
Сквозь морозную лёгкую дымку
Солнце щедро дарило лучи –
Чисто русская снилась картинка
Мне в холодной январской ночи.

А потом, вдруг, откуда-то волки
За санями, вдогон по полям.
Было множество их! Было столько,
Что ямщик, прокричав что-то нам,
Стал стегать, обезумевши, тройку,
Что и так снежным вихрем неслась.
Всё равно настигали нас волки,
Собираясь насытиться всласть...
Вот с огнём диких глаз сатанинских
Волчья морда прильнула ко мне!
Я вскочила в слезах. Ярким диском
Мне луна усмехалась в окне.

Телефон зазвонил среди ночи.
Еле трубку в потёмках нашла.
Услыхала:
– Люблю тебя! ... Очень!..
Без тебя опустела душа.

И колючая, и злая
Воеет вьюга за окном.
Лес и поле заметая,
Замечает старый дом.
Тихо-тихо, очень тихо
Говорю сама себе:
– Всё пройдёт! Не бойся лиха,
Даже, если по избе
Станет топтать приведенье,
Черти в печке завывать!
Набирайся-ка терпенья,
Дважды – мне не умирать!

Пережду все непогоды,
(Их-то можно пережить),
Вспомню прожитые годы,
Что, – увы! – не возвратить,
И тебя, кто, как ни странно,
Обещал жар-птицу мне;
Кто душе моей желанным
Был, как звёзды в вышине.

Жизнь то радость, то – печали,
То полынь, то – калачи.
Мне всю ночь, ...всю жизнь кричали
Вороны. Тебе – грачи.
...А судьба своё диктует,
Невзирая на года.
На стекле мороз рисует
Сказку дивную – всегда.

Придёт зима – и всё замрёт вокруг.
И сад, и лес застынут сиротливо.
Скучать начну я по весне, мой друг,
Такой весёлой, праздничной, красивой.

Зима, как в сказке: рукавом махнёт –
И спрячется за облака светило.
Завоет зверем ветер у ворот,
И станет на душе – совсем тоскливо.

Метель начнёт колючий снег швырять,
Пытаясь просочиться в окна, двери.
От страха – стану сказки сочинять
И чуда ждать, по-детски в сказки веря.

Когда же солнце осветит снега,
Когда уйдёт ненастная погода,
Засеребрятся поле и река, –
Природе стану сочинять я оды.

И, созерцая эту красоту,
Возникнет мысль, – как образ свечки тонкой, –
Что в мир пришли мы – сеять доброту,
Что жить светлей с душой, как у ребёнка.

А тот, другой...

А в доме свет! А в доме – торжество!
Парадные открыты настежь двери.
И верится, как в детстве, в волшебство,
Но кто-то за окном стоит в шинели...

Мы ждём гостей. Они сейчас придут,
И первым «прилетит» жених желанный.
Где будет бал предновогодний, званный.

А тот, другой, в шинели, под окном
Напрасно простоит весь зимний вечер,
И только дальний колокольный звон
Ему подскажет, что не будет встречи.

И тот, другой, в шинели, отойдёт
От светлых окон праздничного зала.
Сюда ко мне он больше не придёт.
В последний раз он позвонит с вокзала.

Замерзающий странник

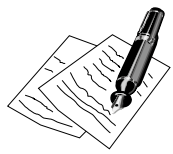
Плывут по небу облака.
Куда? Откуда?
Мороза крепкая рука –
Как сон, как чудо.

Кровавым отблеском закат –
В глаза, как бритвой.
И нет уже пути назад –
Одни молитвы.

А снег лежит среди кустов,
Дрожит травинка,
Но не дойти до огоньков –
Замёрз, как льдинка.

И только грустные глаза,
Как птицы, – в небо.
И только горькая слеза –
Бессильно... к снегу.

ПАМЯТЬ

Евгения ЕРШОВА

Минувшее – настоящее... (фрагменты воспоминаний)

<...> Бабушка по материнской линии, Анна Кирилловна Мединская (урождённая Пенская), родом с Украины. Она родилась в 1866 году в Каменец-Подольском.

Семья у Кирилла Пенского, отца Анны, была большая, Анна старшая. Отец служил присяжным поверенным (адвокатом). Когда его спрашивали, какое приданое он даст дочерям, он говорил: «Я постараюсь дать им хорошее образование...».

Анна поступила в Киевский институт благородных девиц, куда принимали девочек

Евгения Николаевна Ершова (1924-2017) – доктор педагогических наук, профессор факультета русской филологии Туркменского государственного университета имени Махтумкули, автор ряда учебников по русскому языку для вузов и школ. Указом Президента РФ от 4 ноября 2010 г. № 1302 «За большой вклад в развитие культурных связей с Российской Федерацией, сохранение и популяризацию русского языка и русской культуры за рубежом, в сближение и взаимообогащение культур наций и народностей» Е.Н. Ершова награждена Медалью Пушкина.

Анна Кирилловна Мединская (Пенская),
бабушка по материнской линии Евгении Ершовой

дворянского происхождения. Впрочем, Пенский был всего лишь надворным советником (в чине 7 класса), на государственной службе.

<...> Находясь ещё в институте, Анна Пенская, помимо общего образования, стала пепиньеркой (от франц. <periniere> – питомник, рассадник – в дореволюционной России: девушка, окончившая среднее закрытое учебное заведение и оставленная при нём для педагогической практики). В Институте существовали специальные педагогические классы для подготовки будущих гувернанток, наставниц.

При окончании института Анна Пенская была награждена томиком стихотворений любимого немецкого поэта Фридриха Шиллера – с великолепными иллюстрациями «Schillers Gedichte», изданным готическим шрифтом в Лейпциге. Книга была в кожаном коричневом переплёте с золотым обрезом страниц, с виньетками, а форзацы – белые муаровые с тиснёнными узорами.

<...> Бабушка была украинка. Она прекрасно знала украинскую культуру, напевала украинские народные песни (я помню: когда что-то вязала или вышивала). Она мне вышила, как тогда говорили, малороссийско-украинский костюм. К нему была огромная связка бус, вышитый платочек и пр. Но бабушка никак не могла достать у нас, в Ашхабаде, красные сапожки.

Анна Кирилловна ценила свою национальную культуру, при этом прекрасно знала мировую литературу, и прежде всего русскую, часто читала наизусть огромные отрывки из «Сказок» Пушкина и «Евгения Онегина», очень любила Некрасова, перечитывала по многу раз Льва Толстого...

Её русская речь была безупречной. И, тем не менее, она никогда «не ленилась» в спорных случаях посмотреть в словарь.

<...> После окончания Института Анна Пенская получила удостоверение, разрешавшее ей открыть прогимназию – смешанное учебное заведение для младших классов.

Однако это осуществилось значительно позднее. Чтобы поддержать материально семью Пенских, старшая дочь Анна уехала в качестве гувернантки-наставницы детей богатого украинского, как теперь говорят, предпринимателя в Туркестан.

Там она вышла замуж за Константина Викторовича Мединского, тоже родом из Каменец-Подольского. После замужества, она с мужем оказалась в древнем поселении бронзового века Чусте, позднее ставшем городом. Общаясь с местным населением, – узбеками «пополнила свой языковой багаж» и стала говорить по-узбекски.

Анна Кирилловна учила детей и женщин, кроме того, русскому языку, узнала много рецептов узбекской кухни; лечила, показывала, как варить варенье и т.д.

Её муж, Константин Викторович Мединский, переменял по службе ряд мест Туркестана.

Только в Фергане Анне Кирилловне, наконец, удалось открыть прогимназию (учебное заведение для начальных классов). У нас в семье сохранилась истлевшая газета «Ферганская жизнь», где под рубрикой «Театр и музыка» была опубликована обширная рецензия «Детский вечер». В ней говорится об устроенном А.К. Мединской благотворительном детском вечере, который «надолго остался в памяти не только детишек, но и взрослых. От него светло детским душам, от него радостно на сердце родителей» (Ежедневная газета «Ферганская жизнь» за 1916 г., год изд. 2-й, с. 3).

Константин Викторович Мединский и Анна Кирилловна Мединская (Пенская), дед и бабушка по материнской линии Евгении Ершовой. Туркестан, конец XIX в.

В ночь на 6 октября 1948 года в Ашхабаде произошло катастрофическое землетрясение. Мы с бабушкой спали в одной комнате. Обрушились стены и потолок. «Спасли» стоявшие рядом с кроватями шкафы и металлические спинки кроватей. Но травмы у бабушки были очень тяжёлые. Её вытащили не сразу: помогли соседи (разных национальностей!).

Бабушка лежала на огромном ватном узбекском одеяле, сложенном в несколько слоёв – оно и помогло поднять её на поверхность.

Ночи были уже холодные. Нашли крышу от детского домика, который она когда-то, в 1920-е годы, заказывала для своего детского садика. Теперь эта крыша пригодилась!

Бабушку мучили сильные боли. Тем не менее, она старалась отвлечь внука Коку и других детей, которые сидели рядом с ней, – рассказывала им сказки, читала стихи.

Тяжело раненные и больные подлежали эвакуации – так сообщила обходная бригада врачей. Решили отправить в Ташкент, где жила её младшая дочь, Наталья Константиновна. Но в воздухе самолёт изменил курс (Ташкент больше не принимал пострадавших – всё было переполнено).

К 80-ти годам бабушка сильно сдала физически. Сказался возраст, тяжёлая в 1920-е – 1940-е годы, как и у многих, жизнь, но ум и память у неё оставались ясными. Она была прекрасной собеседницей.

Не получая пенсии, бабушка старалась поддержать семью Ершовых – старшей дочери Ольги, у которой она жила в Ашхабаде. Если удавалось, давала уроки немецкого и французского, шила, вязала, а главное, – занималась с отстающими по русскому языку – «из неграмотных делаю грамотных».

<...> В начале 1948 года бабушка, вставая с кровати, упала на коврик – перелом шейки бедра. Лежала в больнице и всё говорила: «Мне уже больше восьмидесяти, а в больнице лежу в первый раз: даже рожала дома!»

На удивление врачей кости срослись. А через несколько месяцев – инсульт. Но что значит сила духа: она начала ходить, сохранила речь.

Наталья Константиновна с сыном – подростком обходила в Ташкенте все больницы, госпитали и даже школы, где были размещены раненные, но безрезультатно. Мы ничего не могли узнать о бабушке.

После многочисленных запросов наконец выяснилось, что эвакуированные из Ашхабада находятся в предместье Баку, Мардакяны. Об этом узнал через Москву муж Натальи Константиновны, подполковник Владимир Андреевич Сапегин, но было уже поздно: бабушка скончалась 4 ноября 1948 года.

Николай Евгеньевич Ершов, мой отец и моего младшего брата Николая, родился в Москве 1 июля 1899 года. Он был потомственным москвичом, из разночинцев. Матери, воспитывавшей троих детей, удалось бесплатно отдать его в классическую Поливановскую гимназию на Пречистенке.

Николай Евгеньевич Ершов. 1915 г.

<...> Ещё в гимназии, в старших классах, отец занимался репетиторством. После окончания гимназии он поступает в Лазаревский институт восточных языков, основанный в 1815 году (первоначально «Лазаревское армянское училище»). Однако моему отцу окончить Лазаревский институт не пришлось.

Перед Первой мировой войной он работает в Москве, а затем в Вологде по контролю за перестройкой железнодорожной линии Вологда – Архангельск.

Живя в Москве, отцу всё время приходилось «подрабатывать». Продолжал давать частные уроки по гуманитарным предметам. Он прекрасно рисовал и лепил. С гордостью говорил, что участвовал в реставрации скульптурных изображений на стенах Храма Христа Спасителя. Эта почётная работа была возложена на известного русского скульптора Сергея Михайловича Волнухина.

Очень жалею, что не просила специально рассказывать отца о его молодости и жизни в Москве. Помню одну из его реплик: «А я ведь какое-то время работал у Ханжонкова...». «Кем?», – спросила я. «Талёром – сопровождал показ немых фильмов, импровизировал...»

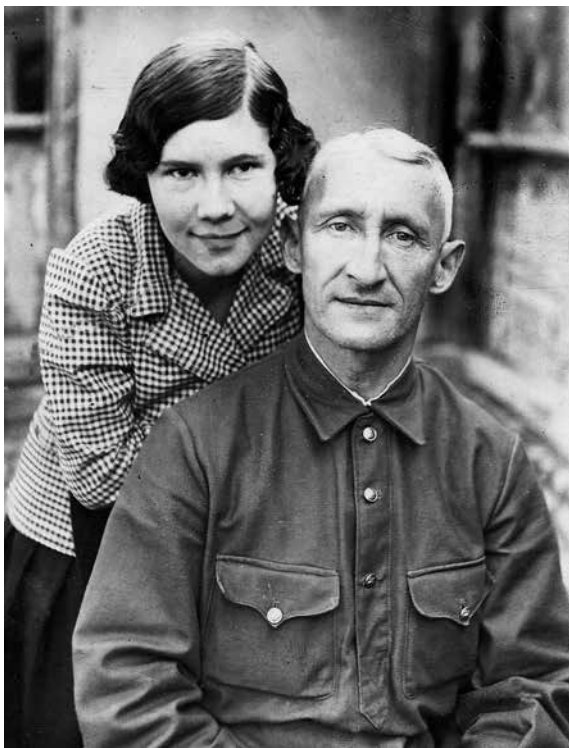
В 1915 г. отец был отправлен на Западный фронт. Он являлся ратником ополчения 2 разряда. Был тяжело ранен в ногу. От ампутации удалось спасти. Помню у него огромный шрам, не меньше 10 см., сбоку, ниже бедра.

Находясь на Севере, папа был очень дружен с Барклаем, как он называл своего товарища, потомка Баркляя де Толли, знаменитого русского фельдмаршала, который в Отечественную войну 1812 года был главнокомандующим русской армией, а позднее – фактически всеми действовавшими русскими армиями.

<...> В 1922 году отец был откомандирован в распоряжение НК РКИ Туркеспублики в Ташкент. Рапорт о прибытии туда, столицу Туркестанской республики, помечен августом 1922 года, но вскоре отца переводят в Народный комиссариат юстиции как юриста-практика на должность помощника прокурора.

11 сентября 1923 года Николай Евгеньевич Ершов женился на Ольге Мединской. Она жила тоже в Ташкенте с матерью, сестрой и двумя братьями.

Ольге было тогда 22 года, а Николаю – 34. Несмотря на, казалось бы, высокий пост жениха и его служебные заслуги, никакой свадьбы практически не было. Для регистрации брака позвали старьевщика (они ходили по дворам – «Стайобиром!») и продали мамину поношенную шубу.

Николай Евгеньевич Ершов с дочерью Женей. Ашхабад. 1940-е годы

Ольга поступила в Туркестанский университет – хотела изучать восточные языки, как когда-то Николай. К тому же и она, и её братья знали разговорный узбекский (у Оли была кормилица – узбечка), но учиться дальше не удалось. Молодые поселились в комнатке на Шахризябской улице в частном доме, в общей квартире. Готовили обед на примусе.

В августе 1924 г. на свет появилась я. Мой брат родился значительно позже, в Ашхабаде: он на 13 лет младше меня.

Семье предстоял отъезд. 27 октября 1924 года произошло (по старой того времени юридической терминологии) национальное государственное размежевание Средней Азии. Было принято решение об образовании Узбекской

ССР и Туркменской ССР. (Статус на подобном уровне других среднеазиатских республик и Казахстана определялся позднее).

Отца переводят в столицу союзной республики – тогда этот город назывался Полторацком (до 1919 г. – Асхабад, а затем до 1927 г. – Поторацк, ныне – Ашхабад). Отец был назначен помощником прокурора Верховного суда Народного комиссариата юстиции, как и в Ташкенте, но уже НКЮ ТССР.

С нами поехала и бабушка Анна Кирилловна: ведь я была её первой внучкой. Нам дали квартиру у частного домовладельца, но по государственной цене.

К своей работе в Верховном суде отец, как всегда, относился очень ответственно. Он всю жизнь был беспартийным, но с ним считались, зная его большой опыт и добросовестность.

Отец работал с 7 часов утра до поздней ночи. Бабушка шутила: «Он соревнуется с уборщицами, кто придёт на работу раньше...».

Он организовал юридическую службу, готовил необходимые материалы, участвовал в подготовке документов для 1-го Всетуркменского съезда Советов, который состоялся 15-24 февраля 1925 года. Участвовал в разработке Конституции ТССР.

<...> Пятнадцать лет, до конца своих дней, папа проработал в аппарате Президиума Верховного Совета ТССР. Он умер в 63 года. Похоронен на старом – Никольском кладбище в Ашхабаде.

Мама, Ольга Константиновна Ершова (урожд. Мединская), была полной противоположностью папе по характеру. Спокойствие, скрытое проявления эмоций тем не менее не позволяют отнести её характер к флегматическому типу (по классической классификации темпераментов), а считать результатом выдержки и воспитания: ведь её мать, Анна Кирилловна, была удивительным педагогом, последовательницей Л.Н. Толстого.

Мама родилась в 1901 году в Намгане, 24 июля (по старому стилю – 11 июля, в день Святой Ольги).

По желанию её матери, Анны Кирилловны, Ольга поступает в тот же институт – Киевский институт благородных девиц. Последний год её обучения, как указывается в выданном аттестате, – 1917/18 уч. год. Вернувшись домой, она оканчивает ещё советскую среднюю школу (тогда ещё гимназию) в Коканде.

После окончания работает педагогом-воспитателем на различных детских площадках и в детском клубе – всюду с хорошими характеристиками.

Ольга Константиновна Ершова (Мединская), мама Евгении Ершовой. Ташкент. 1920-е годы.

<...> Ашхабад моего детства – одноэтажный. Дома из сырцового кирпича, с плоскими крышами, преимущественно частные. На окнах – ставни от жары.

Булыжником вымощены только главные улицы, остальные дороги – в пыли по щиколотку.

Много деревьев: гледичия, шелковица (тутовник), айлантус (в просторечии «вонючка»), местами – платан (чинара). На улицах почти нет цветов.

Но во дворах – много, особенно роз. Почти в каждом дворе фруктовые деревья и виноградник.

<...> Мы жили на улице Крымской (ныне Алишера Навои), всего в квартале от железнодорожных путей. У нас в квартире до середины 1930-х гг., как и в подавляющем большинстве других домов, не было ни водопровода, ни электричества.

Водопровода не было и во дворе. Воду для питья и готовки еды привозил водовоз, причём не каждый день – воду берегли: говорили «живём в пустыне».

А для полива, стирки (после отстаивания) и других нужд пользовались арычной водой, за пуском которой по арыкам строго следили мирабы.

Когда наступала очередь нашего квартала, во дворе происходило необычайное оживление. Каждая семья – от мала до велика, – старалась набрать побольше воды, а у нашего хозяина был даже в земле специальный подвал-резервуар для воды.

Я помню, как в середине 1930-х гг. у нас в квартире «проводили свет». Но электрическое освещение тогда работало с большими перебоями. Керосиновые лампы и «коптилки» всегда были наготове.

Другая бытовая проблема была связана с протекающими крышами. Домов под железными крышами в Ашхабаде было очень немного (а о каких-либо других видах кровли тогда понятия не имели). У нас в семье, как и в других семьях, заранее откладывались деньги на осень, чтобы «мазать крышу».

Приходили два-три человека смазчиков, которые на земле размешивали глину с саманом (соломой), разминали всё ногами, а затем в вёдрах, на верёвке подавали на крышу. Смазывали крыши каждый год.

Ольга Константиновна Ершова (Мединская) с дочерью Женей. Ашхабад. 1925

Начинались дожди. Очень актуальным был вопрос: «У вас ещё не течёт?».

Но эти ежегодные смазки накапливались слой за слоем и имели для некоторых трагические последствия. Люди задохнулись во время землетрясения 1948-го года под толстыми слоями покрытия крыши, оказавшись погребёнными заживо.

<...> Самые яркие воспоминания детства связаны с бабушкиным детским садом.

До отрочества я была единственным ребёнком в семье. И бабушка, Анна Кирилловна, решила открыть детский сад. В 1920-е гг. юридически это было вполне допустимо (регистрация, налоги и пр., и пр.).

Собственно говоря, это была скорее группа из 10-12 детей; из них две-три девочки не только принимались бесплатно, но бабушка с мамой кормили их так же, как остальных, шили им фартучки, делали подарки к праздникам и т.д.

И у бабушки, и у мамы были соответствующие документы о педагогической подготовке и опыт работы с детьми. Отец одного из мальчиков был врачом и регулярно осматривал детей. Никакого «подсобного штата» не было – всего одна помощница, которая помогала маме готовить горячие завтраки, убирать, мыть посуду и пр.

Но главным, конечно, являлась педагогическая работа. У Анны Кирилловны была своя система обучения и воспитания малышей в игровой форме.

Так, я научилась читать, когда мне не было и трёх лет, вместе с другими детьми (они были старше меня, преимущественно пяти-шести лет), рисуя буквы на песке, выкладывая их из камешков, вырезая и раскрашивая слоги и т.д.

В детском саду устраивались костюмированные инсценировки (при этом сценарии писала Анна Кирилловна), проводились различные конкурсы: загадывание загадок, ребусов, придумывание сказок, театральные костюмированные представления и т.д.

Большое внимание уделялось декламации: на правильность не только в логопедическом аспекте, но и выразительность речи детей.

Женя Ершова. Ашхабад. 1928

Женя Ершова в малороссийском костюме. Ашхабад. 1930-е годы. Этот костюм сшила внучке бабушка Анна Кирилловна Мединская (Пенская), родом из Малороссии

народа, каждого человека. Анна Кирилловна считала, что практическая сторона обучения языку (речи) не должна сводиться к заучиванию правил.

В Предисловии к «Весёлой грамматике для малышей» бабушка призвала к тому, чтобы «не задавать уроков по грамматике», а подчёркивала, что «весёлая, живая, плодотворная работа в классе должна развивать зрительную, слуховую, моторную и логическую память». При обучении следует «развивать внимание детей, приучать ребёнка пристально всматриваться в написание каждого слова».

Для развития различных трудовых навыков она заказала сборный «детский домик» из фанеры с раскладывающимися крышей и стенами на крючках, открывающимися застеклёнными двумя окошечками и дверью, через которую мог войти нагнувшись даже взрослый человек. Домик был переносным.

Дети, а в группе были и шестилетки, с удовольствием сами занимались уборкой: мыли стёкла в окошечках, подметали маленькими вениками, расставляли посуду из кукольного сервиза и т.д. Жаль, что не было небольшого самоварчика.

Девочек постарше приучали понемногу шить кукольные платья и вышивать, и вязать.

У бабушки была прекрасная педагогическая библиотека, и прежде всего исследования великого русского педагога К.Д. Ушинского по педагогической антропологии, роли труда в психическом и воспитательном значении. Он автор знаменитых учебников, посвящённых родному слову.

Разделяя идеи Л.Н. Толстого о духовно-нравственном развитии, Анна Кирилловна, конечно, опиралась на знаменитую «Азбуку», «Родное слово», «Русские книги для чтения», журнал «Ясная Поляна» и др.

<...> Анна Кирилловна стремилась установить большую преемственность в обучении и воспитании детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Особое внимание на всех ступенях обучения она придавала работе над словом, говоря, что язык – это лучшее выражение духовной жизни

Детский сад Анны Кирилловны Мединской (Пенской). В окне фанерного домика 2-я слева – Женя Ершова. Ашхабад, улица Крымская. 1930

<...> Между тем приближалось Рождество. Родители интересовались, будет ли ёлка. В эти годы, как известно, «ёлки» были запрещены. Анна Кирилловна загадочно улыбалась, но никаких приготовлений заметно не было.

Запрет Праздника ёлки проходил тогда под девизом «Сохраним леса». Ведь никаких синтетических ёлок тогда, естественно, не было.

Но бабушка готовилась по-своему.

И вот в назначенный день в большой комнате квартиры родителей Муси и Арамчика Джангирьянц (Арамчик погиб во время землетрясения 1948 года, а сестра долгие годы работала врачом) собрались родители в ожидании чего-то неизвестного. Дети были в соседней комнате.

Посередине большой комнаты стояла подставка, видимо, как думали родители, для ёлки.

Бабушка села к роялю и заиграла.

Из смежной комнаты вышла «ёлка» – моя мама. На ней было длинное зелёное платье, увешанное ёлочными украшениями, на лбу – большая ёлочная звезда, а на распротёртых руках, обтянутых зелёными лентами, прикреплены длинные линейки, в проделанные отверстия которых вставлены ёлочные свечи.

Когда из соседней комнаты выпустили детей, они проявили мгновенную находчивость: захлопали в ладоши и закружились в хороводе.

Все были довольны. Единственный, кто остался недоволен, как шутила потом Анна Кирилловна, был мамин муж, мой отец, который ревниво отнёсся к восторженным взглядам мужчин – им понравилась «живая ёлка».

1929 год. В детском саду праздновали 1 Мая. Вечером проходили выступления детей, а потом тут же, на площадке, пили чай. Родители за большим столом, дети – отдельно: кто постарше разливали чай и «руководили» угощением.

И вдруг – землетрясение.

Хотя мне не исполнилось ещё пяти лет, я запомнила, как одной матери стало дурно, и её повели под руки на проезжую часть улицы.

Помню и свои ощущения: я упала с детского плетёного креслица, а затем встала на четвереньки, растопырив ладони, чувствуя, как под ними дрожит земля...

Уже взрослой я прочитала в подшивке центральной газеты республики «Туркменская искра» за 1929 г. следующее сообщение: «1 Мая, в 19 час. 23 мин. произошло землетрясение. Толчки продолжались около минуты. Многие дома дали трещины. Особенно сильно пострадала персидская часть города, отличающаяся крайней непрочностью строений. Зарегистрировано 76 домов с серьёзными повреждениями, 169 – с мелкими, 6 домов разрушено полностью...»

(«Туркменская искра», 1929, 5 мая).

Хотя толчки, кажется, не повторялись, все мы, гости и наши соседи, как и жители соседних домов, довольно долго, как рассказывала мама, стояли на проезжей дороге, опасаясь, как бы не рухнули здания. В квартире кое-где в стенах были трещины.

<...> В школу я поступила в 1933 году, сразу в 3-й класс. До этого занималась дома с бабушкой по действующим программам.

Это был редкий случай, чтобы ребёнок учился дома. В августе предстояло собеседование. Я так волновалась, что когда проверка знаний закончилась, у меня поднялась высокая температура. Комиссия определила: по уровню подготовки я гоюсь сразу в 4-ый класс. Но по возрасту мне следовало быть во 2-ом. Тогда в 1-ый класс принимали детей с 8-ми лет.

Решено было отправить меня в 3-ий – я и так оказалась младше всех в классе.

Школа №1 имени К.Д. Ушинского, где мне предстояло учиться, считалась лучшей в Ашхабаде. Она находилась недалеко от нашего дома в одноэтажном здании.

Как ни странно, в начальных классах тогда было несколько учителей.

Русский язык преподавала Евгения Петровна Гладнева. Её все любили. Очень ласковая, часто читающая нам стихи. Она одна растила своего маленького сына Юрочку, водила его с собой в школу. Он тихо сидел на всех её уроках.

В те годы одной из школьных проблем была «проблема горячих завтраков». Конечно, в 1933 году, при карточной системе, их и в помине не было. Нам приносили на деревянном лотке коржик – каждому по одному. Девочки старались отломить часть своего коржика Юрочке, а некоторые делились с ним принесённым из дома завтраком.

Средняя школа №1. 6-й класс. Женя Ершова первая слева в нижнем ряду.
Ашхабад. 1937

Другая учительница, «арифметичка», одинокая суровая женщина совсем другого склада, – Елена Никаноровна. Всех своих маленьких учеников она называла по фамилиям. Как-то она пришла к нам домой с проверкой «условий быта» и увидела мой кукольный уголок.

Я не очень любила играть в куклы, но тем не менее такой «уголок» был: бабушка считала полезным этим путём приучать меня к домоводству – шить на кукол, создавать соответствующую обстановку «кукольного быта»; например, расставлять кукольную мебель, посуду, делать кукольные тетрадки и книжечки с картинками, карандаши из спичек и пр., и пр.

До сих пор помню восклицание Елены Никаноровны: «Ершова, ты ещё в куколки играешь!».

И я после её ухода сразу же разобрала кукольный уголок.

Кроме основных учительниц, у нас было два учителя по «Труду» (никакого «Домоводства» тогда не существовало): один учитель – по дереву, другой – по металлу.

Мы делали, вернее пытались делать, деревянные линейки, а значит, учились пользоваться рубанком и отвёрткой, что было очень трудно.

Занятия по «Труду» проходили в бывшем костёле. В старом Ашхабаде жили и католики, в основном немцы; были поляки и венгры.

Туркменский язык нам преподавал товарищ Аман (так он приучал нас его называть), но преподавал недолго. Позднее появился молодой, красивый, с блестящими глазами Сапар Мурадович Рахманов. Как выяснилось, потом он стал студентом вечернего отделения пединститута.

Сапар Мурадович был хорошим педагогом. Он пользовался разными приёмами обучения, в частности, сопоставлением туркменского и русского

языков. Однажды он сказал: «По-туркменски местоимение я – мен, а вот по-русски, смотрите: я-меня-мне и т.д.». Запомнить стало легко: корень мен.

Это один из ярких примеров не разгаданных языковых параллелей, которые уходят своими корнями в далёкое прошлое.

Спустя много лет, после войны, я снова встретила с Сапаром Мурадовичем. Он стал заведующим отделом языка и литературы в Туркменучпедгизе, и я принесла своему бывшему учителю подготовленную мной рукопись: «Букварь по русскому языку для туркменской школы», который выдержал потом 28 изданий.

У нас в классе было ещё два учителя по предметам с характерными для тогдашнего периода названиями-аббревиатурами: МУЗО и ИЗО.

Учитель МУЗО, пожилой скрипач, приходил на урок в чёрном костюме и с «бабочкой», что было необычно для того времени. Иногда он играл нам классические вещи, развивая нашу музыкальную культуру.

Но чаще мы пели сами хором. Это были преимущественно революционные песни, причём некоторые из них очень мелодичные.

Преподавателем ИЗО был, правда, недолго, известный художник Рувим Мазель.

В 1986 г. в Москве, на выставке «Искусство Востока», наряду с полотнами таких широко известных мастеров живописи, как Мартирос Сарьян, экспонировались и картины художников Туркмении – Бяшима Нурали «Портрет Халиджи», С. Беглярова «Туркменки» и др.; среди них были представлены также работы Р. Мазеля «Старый Ашхабад» и «Скачки»...

ПОЭЗИЯ

Галина БОГАПЕКО

Галина Петровна Богапеко (Колосенко) – коренная москвичка, поэт, член МГО Союза писателей России, член Союза писателей 21 века, давно и профессионально работает на ниве русской поэзии. Автор шестнадцати сборников. Книги Галины Богапеко неоднократно выставлялись на международных книжных ярмарках и на pop/fiction. Публиковалась в газетах – «Новый Меридиан» (Нью-Йорк), «Новые известия», «Поэтоград», «Московский литератор», «Литературные известия», и др.; в журналах «Молодая гвардия», «Смена», «Юность», «Дети Ра», «Журнал Поэтов», «Новая Немига», «Зинзивер», «Кольцо А», «Великороссы», «Камертон» и др.; в альманахах – «Муза», «Золотое руно», «Российский колокол», «Эолова арфа», «Новый енисейский литератор», «Подольский альманах». Стихи Галины Богапеко переводились на болгарский язык.

Живёт в Москве.

«Неся на себе судьбоносное бремя...»

В нужное время в нужном месте

Тысяча тренингов на удачу,
Десятки – опробованных, ан, нет!
Что-то не так, а это значит –
Неудачный тяну билет...
Вера – верую, надеюсь, еду в Храм!
Двери закрылись, открылись.
На плакате в витрине магазина тамтам,
Иду мимо, в воздухе сырость.

Ну вот – дорога закрыта,
Прокладывают водопровод.
Москва изрыта вдоль и поперёк,
Как в военное время, всюду щиты, траншеи,
Не свернуть бы шею, – ветрено.
Иду по узкому проходу – на переход.

И старушка одетая в стиле ретро –
В шляпке соломенной, букетом
Отороченной на полях крепом,
В тесном блузоне, – пике, с оборочкой,
С ридикюлем на правой руке,
Почти прямая, без радикулита,
(плывёт) стороночкой,
Как листок по тихой реке узкой.

Думаю, она говорит по-французски,
или на английском языке.
Интересно было бы с ней пообщаться
На званном, спокойном суаре
В загородном шале...
И там познакомиться с шевалье,
Поэтом, сыграть бы с ним в буриме...
Размечталась – не «королева».

Старушка плавно свернула направо, я – налево –
В реальную жизнь, в реальное время,
Неся на себе судьбоносное бремя...
Я в Храме – не по часам, оправдались приметы,
Я – байбак – полусонная летом.
Но молюсь с трепетом перед каждой иконой
В вавилонах, бью поклоны,
Прошу прощение за прегрешения, молча плачу,
Прошу отвести незадачу,
Прошу благословения на удачу, на благие вести,
Прошу, чтобы всегда быть в нужное время
в нужном месте!

Бабуля

В метро – поднялись – вышли, вошли – сели.
Вот и бабушка из прошлого – в шляпе с пером,
сесть поудобнее метит,
Присела, вдвинулась аккуратно, – в колыбели!
Достала айПад (дорогой когда-то). Включила!
В сети! На этом свете...
А ей, бабуле, лет девяносто, а может и более!
Она в вагоне, но вне вагона, скорее в космосе!
И зовут её, может быть, Глория,
А может быть – Фрося?

*Виктор Михайлович Кашкин – поэт, член Союза писателей России.
Живёт в Москве.*

«Помолись за отчий кров...»

Я жил себе в семейном мире,
Где кошки, дети и жена,
Шаталось солнце по квартире,
И коротала ночь луна,
Дремали классики на полках,
И неба свод, к окну припав,
Мерцал в серебряных наколках,
Дыша настоем летних трав.
Ну, а теперь за слоем пыли
Застрянет ли в окне звезда?
Где про романтику забыли
Товарищи и господа,
Где место ей на раскладушке,
За недостатком метража,
В подслеповатой комнатухе
У ближних, на правах бомжа.
Я не ищу уже за хламом
Петрониев Сатирикон,
Разглядывая фотки храмов
И литографии икон,
Что в сумерках парят в квартире,
Где кошки, дети и жена,
Где с нами в радиоэфире
Трещит по швам моя страна.

Где берегом вдоль озера дорога
Преследует один и тот же путь,
Там устаёт душить меня тревога,
Которой мне уже не обмануть
Пенальчиком с таблеткой валерьяны,
Что затерялся в недрах пиджака.
И не худые вроде бы карманы,
Да всё впустую возится рука.
Становимся ли мудрыми с годами?
Что до меня, собой не похвалюсь:
Вчерашнее чуть пережив цунами,
И завтрашней волне не поклонюсь.
Не потому ли так самоуверен,
Что на Руси ещё в почёте Бог,
И ей одной и был и буду верен,
Хотя уходит почва из-под ног.
Доколе мне, как в детстве с пацанами,
Глаза зажмуришь, каждый раз водить,
И ледяным ошпарившись цунами
В слепой игре, души не повредить.

Застряли звёзды юга
В пиле кавказских гор.
Как друга ждёт подруга,
Поёт сибирский хор.
Транзисторным приёмником
Играю с миром в прятки.
Когда бы стал паломником,
Дошёл бы до Камчатки.
Там Мекка географии,
Там не было Иуды,
Там кредо биографии,
Когда не до простуды,
Когда болели кубриком
И «крабом» на фуражке,
И доверяли рубрикам
Родной многотиражки...
Не пляжами Афона,
Тропой к монастырю,
Где стану у амвона
Поближе к алтарю,
Уж коль оставил город,
Лечи, Кавказ, меня.
Достаточно был молод,
Чтоб ждать другого дня.

Когда дождём ещё не смочены
Тучнеют небеса свинцом,
Когда авторитет испорченный
Теряет прежнее лицо
И чаще явлена в природе нам
Лишь ряска спящего пруда,
Когда моя болеет родина,
Мне не до шуток, господ.

Тебя не радует природа.
Что прозябала на Покров,
Не сетуй, что не та погода,
А помолись за отчий кров.

За те деревни, где скрипели
Колодезные «журавли»...
Хвалиться родиной умели,
Да вот её не берегли.

А ползимы уже пропало,
Она в полях, как ни гляди,
Не пала белым покрывалом,
Посеяв серые дожди.

И на сочельник не дарила
Свиданья с первою звездой,
Но милость Божью проявила,
Кропя Крещенскою водой.

Не обещает ли природа,
Что на Руси продлится век,
Пока среди её народа
Молиться будет человек?

Рассказы

Если бы да кабы...

Больничная палата в терапевтическом отделении, куда меня определили, – как раз напротив холла. В палате я один, моя койка возле двери, и я хорошо слышал, о чём беседовали две пожилые санитарки, присевшие передохнуть от напряжённой дневной суеты на диван возле стола дежурной.

Разговаривали о детях. На темы вечные, истрёпанные. Мол, дети забывают позвонить, редко навещаются, хотя и живут почти рядом. Автобусом – не более получаса езды, а маршруткой – и того меньше. А если нежданно и посетят родительский очаг, то долго не задерживаются. Ссылаются на неотложные дела, на бесчисленные проблемы.

– Потом, когда погрём, быть может, спохватятся и пожалеют нас, да поздно будет, – произнесла с огорчением одна из женщин.

– А может, мы сами такими были? – вздохнула в ответ другая. – Не раз обижали родителей, а сами просто не замечали этого за своими заботами. Мы не замечали, а родители нас не попрекали, только печалились да дожидались от нас участия и сердечности. Вот вернуть бы время! Взгляда бы с родителей не сводила, день и ночь лаской их одаривала!

Женщины помолчали, потом поднялись с дивана и разошлись по своим рабочим местам.

Я достал из тумбочки общую тетрадь в потёртом переплёте, стал её перелистывать.

Дневниковые записи принадлежали моей старшей сестре Фросе, которая проживала за тысячи километров от меня, умерла в прошлом году. Мы виделись редко, общались письмами и по скайпу.

Смерть Фроси не была для меня неожиданностью: она тяжело болела. Однако ни разу не пожаловалась на жизнь, сообщала, что окружена заботой. Особенно тепло отзывалась о дочери Марусе и внучке. Маруся со своей семьёй жила на одной

Виталий Николаевич Белоусов – член Союза журналистов РФ, член Союза писателей РФ, дипломант IV международного конкурса детской и юношеской литературы имени Алексея Толстого. Около 40 лет проработал в районной газете, в настоящее время пенсионер. В местных издательствах выпустил несколько книг: сборники юмористических рассказов, сборники детских рассказов, фантазии, три повести для юношества. Живёт в г. Дмитрове Курской области.

улице с мамой, и я не сомневался, что моя сестра Фрося обласкана вниманием родных и близких людей.

Откуда у меня общая тетрадь? Её мне прислала Маруся, вложив в посылку между книгами по здоровью, которыми я снабжал сестру, надеясь, что она воспользуется советами знаменитых лекарей и ещё на долгие годы поддержит своё здоровье.

Понятно: книги Маруся решила мне вернуть. Но зачем прислала мне тетрадь с личными записями Фроси? На память о сестре? Возможно. Дневниковые записи, как ничто другое, раскрывают внутреннюю сущность человека, решившего, как на исповеди, выложить на бумагу свои мысли и чувства, рассказать о своих радостях и огорчениях.

Фрося вела записи нерегулярно, но тетрадь была почти заполнена. С кем, в котором часу и о чём разговаривала по телефону, кто заходил в гости, какой интересный фильм посмотрела по телевизору, десятки рецептов, описания лекарств – это и многое другое можно было найти на исписанных мелким почерком страницах.

Среди обилия разнообразной информации, криком души, набатом, звучали слова отчаяния, в которые мне не хотелось верить. Сестра меня уверяла, что изнежена родными, а тут, в тетради, писала совершенно обратное:

«Плохо себя чувствую. Целый день прождала дочь. Обещала, что с утра зайдёт, но так и не зашла. Не могу к ней дозвониться. И у внучки телефон отключен. Неужели у них самих что-то случилось?»

На следующей странице:

«Сама позвонила дочери, не удержалась... И получила на орехи: мол, потревожила поздно, хотя на часах 22.30. Понятно, устала, но зачем на мне злость срывать? Очень досадно».

Через несколько страниц:

«Внучку не видела более недели. Скучаю по ней. На звонки отвечает, что занята. И чем там занята? И зачем ей купили смартфон? Даже ко мне придёт – не до общения, уткнётся в телефон да на кнопки нажимает».

Чуть далее:

«Позвонила дочери, но опять не вовремя. А мне очень плохо, таблетки не могу найти. Как ей теперь звонить? Боюсь. Ой, как стыдно, что болею и нуждаюсь в помощи!»

Я горько вздохнул и захлопнул тетрадь. Ах, милая Фрося!.. И зачем ты уехала далеко от родительского дома? Знал бы я, что тебе плохо! Я бы писал тебе чаще. Я бы общался с тобой по скайпу каждый вечер. Да и съездить к тебе раз в год во время отпуска – не было бы для меня затруднительно. Почему мы, люди, начинаем дорожить кем-то или чем-то, когда потеряем кого-то или что-то?

Я вспомнил родителей. А уделял ли я им достаточно внимания? Так хочется встретиться с ними, поговорить, поделиться радостями, получить совет, но родителей уже нет в живых. Смотрят они на меня с любовью и ободряюще с фотографий в альбоме... Однажды, в детстве, мама попросила меня прополоть грядки в огороде, но мне очень хотелось поиграть с ребятами. И я убежал на улицу. Потом мне совестно было посмотреть маме в глаза. Я до сих пор не могу простить себе тот проступок. Пустячный случай, казалось бы, так нет – осадок на душе на всю жизнь.

В больничном коридоре послышались знакомые шаги, и в палату ко мне зашли жена и внучка Танюшка.

Когда я отведал их угощений, жена покосилась на тетрадку в потёртом переплёте.

– Звонила Маруся, – сказала. – Плачет по матери... Я не могла её успокоить, сама разрыдалась. Жалко Фросю, замечательная она была... С Марусей так и не поговорили. Только плакала да причитала: «Если бы мама была жива, я бы для неё...» Грустно...

От двери послышалось:

– Если бы да кабы во рту выросли грибы, тогда бы был не рот, а целый огород.

– Танюша! – взорвался я, уставившись на внучку, которая, кружась по палате в известном только ей танце, невозмутимо напевала, как мне показалось, обидную и нелепую песенку.

Жена успокоила меня:

– Ребёнок ещё... Подурочится и перестанет... – и добавила: – Я заберу тетрадь домой, чтобы ты меньше тревожился... Мне стыдно за Марусю. И потому, что с дневниками матери легко рассталась. И потому, что не удосужилась их прочитать... Я бы так поступить не смогла...

– Не читала, – согласился я с женой. – Иначе, зная содержание записей, не прислала бы нам тетрадь...

Через несколько дней я поправил здоровье и выписался из больницы.

Подошёл к дому, а навстречу внучка со слезами на глазах.

– Малыш пропал, – заявила. – Совсем пропал...

Оказывается, пёс куда-то исчез ещё два дня назад, но мне об этом не говорили – боялись, что расстроюсь, а это на здоровье скажется.

С Танюшкой я обошёл все ближайшие улицы, расспрашивая прохожих. Заглянули в парк и на рынок. Окликавая собаку, облазили все кусты вдоль ручья за нашим огородом. Когда-то Малыш уже пропал, и я случайно наткнулся на него именно здесь, в лозняке. Он безмолвно лежал, положив голову на передние лапы, и едва переводил дух. Заметив меня, только вильнул хвостом, в глазах были тоска и печаль.

Я дважды приносил его домой, но каждый раз, отказываясь от воды и пищи, он, как только я отвлекался по своим делам, возвращался обратно. Помню, долго сидел рядом с ним и плакал, не зная, чем ему помочь. Но к радости всей семьи наш любимец вскоре поправился и уже через два дня звонко лаял на надоедливую сороку во дворе.

– Хоть бы Малыш был жив! – повторяла Танюшка, когда мы возвращались после напрасных поисков, когда за ужином делились своими предположениями. Мне почему-то казалось, что он опять позарился на лакомый с виду, но напичканный отравой, кусок мяса. Жена посчитала, что Малыш попал под одну из машин, которые прожогом носятся по улицам. И лишь Танюшка надеялась, что пёс или заблудился, или где-то загулял с братьями, и обязательно вернётся. Наш безобидный пёс не представлял никакой опасности, а потому мы не держали его на привязи, предоставив ему полную свободу.

– Бабушка, можно, я не буду есть сосиску, а оставлю её Малышу? – попросила Танюшка.

– Ешь, внученька... Я не пожалею ему и две сосиски. Самые большие, самые жирные...

– А я сделаю ему на зиму новую будку, – не удержался я. – Просторную, утеплённую... Был бы он жив!..

Малыш объявился через два дня. Где он был, какая история с ним приключилась – мы, конечно, не смогли выяснить. Да и совсем не об этом мой рассказ.

Мы увидели пса возле нашего дома, когда возвращались из магазина с покупками.

Малыш с радостным визгом бросился к нам.

– Нашёлся! – Танюшка, раскинув руки для объятий, кинулась к Малышу. Но пёс увильнул в сторону и опрометью бросился к хозяйке. Та поставила сумку на землю, чтобы протянуть руки, но Малыш увернулся от неё и ринулся ко мне. Я попытался схватить его, но он и от меня уклонился и вновь рванул к Танюшке. Пёс растерялся, не зная, кому же первому отдать предпочтение! Как он нам радовался! Как он по нас соскучился!..

Мы подошли к калитке.

Кто-то позвонил по сотовому Танюшке.

– Ой, Малыш, погоди, – она отстранила от себя собаку. – Да, Даша, я дома, – закричала подружке. – Приходи!.. Я прямо сейчас достану прибор для плетения, – внучка, опередив меня, забежала во двор и заскочила на крыльцо. – Дедушка, открывай дверь скорее!.. У тебя ключи?..

– Уймись, Малыш! Уймись! – цыкнул я на пса. – Тебе нельзя в дом! – и схватился за голову. – Да как же я забыл, что сегодня футбол по телевизору?! Неужели матч уже начался?..

Наступил вечер. Я не находил себе места, досадуя, что проиграла любимая команда. Жена готовила ужин на кухне. Танюшка пошла проводить подружку.

– Дедушка! Бабушка! – прибежала она с улицы всполошенная. – Малыш опять пропал! Нигде нет...

– Да куда он денется? – отмахнулся я. – Крепко уснул от усталости, вот и не отзывается...

– Он обиделся на нас, – обронила девочка.

– За что?.. Не выдумывай, – усмехнулся я.

И вдруг, словно током меня прошибло! Да как же так! Когда Малыша искали, то крепко печалились, без конца твердили, что если вернётся, гораздо лучше будем к нему относиться... А сами вот, занялись своими делами, а про обещания и позабыли... Если бы да кабы...

Лекарство от страха

Ко мне на две недели привезли шестилетнюю внучку. Жил я один, а потому сразу почувствовал праздник. Мы сходили в ближайшую рощицу за грибами, поплавали на лодке и порыбачили, а потом взяли в библиотеке хорошие книжки с картинками.

Поздним вечером, когда укладывались спать, внученька высунула нос из-под одеяла и встревожено спросила:

– Дедушка, а ты дверь закрыл на засов?

– Спи, – успокоил я девочку. – Ничего страшного не случится.

– А вдруг?.. Вот в нашем доме, в городе, грабители залезли ночью в соседскую квартиру... Страшно как!..

Я погладил внучку по головке, улыбнулся.

– Ты, правда, не боишься? – вытаращилась она на меня. – Мы же крепко уснём, и не услышим, как кто-то зайдёт...

– Пусть только попробует! Такой каши отведаст!..
 Девочка прыснула в кулачки.
 – И ничуть не страшно? – удивилась она.
 – Не страшно, – я поправил на ней одеяло. – Ты же со мной...
 – Де-душ-ка, – девочка вскинула бровки. – Я же совсем ещё маленькая...
 – Ну, и что? – ответил я. – Мало ли что маленькая...
 – Ты шутишь?..
 – Ни капельки...
 И я рассказал девочке историю, которая случилась со мной давным-давно, когда я только начал учиться в школе.
 – Я жил с мамой в одном селе, а наша бабушка – в другом, соседнем. Наши сёла разделяли два ручья, между которыми расстилался широченный луг.
 – И вы ходили в гости друг к другу?
 – Да, очень часто...
 – Ты, конечно, собирал бабушке букетик цветов...
 – Нет, внученька, на том лугу цветы не росли...
 – Почему? Не может быть!..
 – Луг заболотился, зарос лозняком. Нам приходилось шагать по тропке, которая петляла между кустов... А в дождливую погоду там только в сапогах и можно было пройти – по лужам и грязи...
 – Мрачное место, – передёрнулась внучка. – Лягушки да пиявки под ногами... Как в царстве Коцея...
 – Ну, не совсем... Порхали мотыльки, щебетали птицы... Какие-то невзрачные цветочки попадались...
 – Ну, хоть так...
 – Мне, вообще-то, нравилось там... Но только днём... А ночью – лучше не заходи... В темноте в собственной комнате не пройдёшь, не наткнувшись на что-либо... А на местности и подавно – не ведаешь, куда шагаешь, под каждым кустом страхи мерещатся...
 – А зачем ночью на луг ходить?
 – Просто так ходить – и не за чем... А по делу – хочешь не хочешь, а надо... Пока мама поможет бабушке по хозяйству, уже сумерки наступают... Сама знаешь, осенью вообще рано темнеет.
 – И часто ходили в потёмках через луг?..
 – Часто...
 – Так можно б было у бабушки переночевать...
 – Ну, иногда ночевали... Но у самих дома было хозяйство, да и мама рано на работу вставала...
 Внучка притихла.
 – Ты уснула? – спросил я.
 – Да нет, – ответила. – Тебя слушаю.
 – Когда мы уходили от бабушки, та всякий раз тревожилась за нас, но мама спокойно и весело отвечала: «А мне не страшно. Я не одна, со мною сын».
 Внучка подкатилась ко мне под бок, обняла меня ручонкой.
 – Она, правда, не боялась? – спросила. – Или тоже шутила, как ты со мной?..
 Я покачал головой.
 – Нет, она не шутила... Да и я, дружок, над тобой не подтруниваю...
 – Но какой прок от малышни?..
 Я не стал отвечать на вопрос.

– Однажды, – продолжил, – мне одному пришлось возвращаться домой...
 – Ночью? В темноте? И бабушка тебя отпустила?..
 – От бабушки я ушёл ещё засветло. Ходу-то через луг – полчаса, не больше...
 – Заблудился?..
 – С ребятами заигрался на краю села. Оглянуться не успел, как сумрачно стало.
 – И вернулся бы к бабушке...
 – Я побоялся, что заругает...
 – Позвонил бы маме, она бы и встретила... Или тоже испугался, что ругать будет?..
 – Тогда, миленькая, сотовых телефонов не было... Мама думала, что я у бабушки заночевал, потому за меня не волновалась... А бабушка, в свою очередь, понадеялась, что я уже давно дома...
 – И...
 – Я пошёл...
 – Не испугался?
 – А что оставалось делать?..
 – Было страшно?.. Расскажи...
 – Не помню уже... Давно это было... Сначала, конечно, жуть обуяла... Кромешная тьма, ничего не видно... Потом глаза привыкли, стал различать кусты, тропку под ногами...
 – Я б одна не пошла... Я недавно ужастик смотрела... Знаешь, деда, как страшно!.. И что дальше?..
 – Вдруг, слышу...
 – Что?..
 – Шорох чуть в стороне...
 – В кустах?..
 – Нет, в траве...
 – И что это было?..
 – Ёжик... Я сразу догадался, что это он шуршит... Кинулся с тропки и успел его схватить...
 – Но он же колючий!..
 – В иголках... Немножко меня исколол...
 – А почему не убежал?
 – Не знаю... Он просто свернулся в клубок... Когда я осторожно подсунул под него руку, он и развернулся у меня на ладони...
 – Расскажи, какой он?.. Я только на картинке ёжика видела...
 О ежах я совсем недавно читал в журнале. Девочка с интересом слушала, а потом спросила:
 – Ты его отпустил, или домой принёс?..
 – Домой...
 – Наверное, молочком угостил?..
 – Попотчевал... Мы спать улеглись, а он всю ночь по дому из комнаты в комнату шаркал...
 – А мы можем поймать ёжика?..
 – Ну, если встретится...
 – Ой, дедушка, а как же ты через луг прошёл?.. Я представляю, как тебе страшно было!..
 – И ничего не страшно...

- Почему?..
- Я же не один был...
- А с кем?.. Неужели, ребята тебя догнали и провели через луг?..
- Не ребята...
- А кто же?..
- Ёжик...
- Не смейся, дедушка... Опять шутишь?

Я разговоривал с ним, и все ужасы ночи куда-то отодвинулись... Я не заметил, как прошёл по шаткому мостику через первый ручей, как шагал между кустов лозняка, как ступил на хлюпкий мосток через другой ручей...

– Правда?..

– Конечно, правда...

– Я всё поняла, дедушка! – девочка приподнялась в постели. – Получается, что я сейчас для тебя как тот ёжик для тебя в детстве и как ты для мамы в те годы...

– Выходит, что так...

– Извини, дедушка... Я ведь, честное слово, подумала, что ты надо мной потешаешься, – она опять улеглась и прикрылась одеялом. – И всё же, знаешь, закрой дверь на засов. На всякий случай...

Мы весело провели две недели. Я ни разу не запираю дверь на ночь, и даже распахиваю окно на улицу в палисадник, чтобы в комнате, где мы спали, не было душно.

За девочкой приехали её родители. Вечером я проводил гостей на поезд, посидел на крылечке, посмотрел телевизор.

Укладываясь спать, я запер дверь, плотно закрыл на шпингалеты окна. Я долго не мог уснуть, прислушиваясь к звукам во дворе и на улице... Может, там кто-то ходит? Не те ли грабители, что месяц назад забрались к одинокому пенсионеру через четыре дома по соседству?.. И опять обострилась навязчивая мысль: «А не завести ли мне котёнка?».

Тамара Викторовна Потёмкина – член Союза писателей России, член Российского союза писателей, кандидат исторических наук, доцент. Автор четырёх сборников стихов и двух музыкально-поэтических альбомов. Победитель московских литературных конкурсов (2014-2016), Фестивального движения русского мира «Осиянная Русь» (2017), лауреат Всероссийского конкурса «Герои Великой Победы» (2016), лауреат Международной Бунинской премии (2017). Награждена знаком «Серебряный крест» и орденом «Золотая осень» им. С. Есенина. В 2017 году МГО Союза писателей России присвоено почётное звание «Заслуженный писатель».

Живёт в Москве.

«И услышим весть благую...»

Как я скучаю по зиме

Как я скучаю по зиме,
По снегу и морозцу,
Когда позёмкой по земле
Печаль мою уносит.

Когда деревья в серебре,
И реки – словно сталь,
Когда сосульки во дворе
Сверкают, как хрусталь.

Когда морозный воздух чист.
Хоть холодно немножко,
Когда расписано, как лист
Узорами окошко.

Когда кругом – белым-бело,
Вокруг – родные лица,
Когда душе моей светло,
И по ночам не спится.

Когда на лыжи можно встать,
Бежать куда-то вдаль,
Когда любовь моя опять
Нужна тебе, как встарь.

Берёзка

Опять Зима царицей снежно-белой
Вошла легко, неспешно в нашу жизнь.
А во дворе девчонкою несмелой
Берёзка от мороза вся дрожит,

Она, словно невеста, в белом платъице,
Нарядном, стильном, лёгком, кружевном.
К берёзке той синичка нежно ластится,
Щебечет песнь о чём-то неземном.

А солнца лучик на ветвях причёски
Короною сияет золотой.
Хоть хороша, тревожится Берёзка:
Что ждёт её холодною зимой?

Ты не грусти, невестушка-Берёзонька,
Зима – не злая мачеха, поверь –
Она обует снегом корни-ноженьки
И в мир чудесных снов откроет дверь.

Пускай мороз пугает снежной бурей,
Ты «Спящую красавицей» заснёшь.
Придёт весна, и нежно поцелуями
Тебя с утра разбудит тёплый дождь.

Накануне Нового года

В миг, когда жизнь свернула не закат,
Когда не вверх, а вниз уже кривая,
Как странно вдруг поймать влюблённый взгляд,
Почувствовать, что ты – ещё живая.

Не зная, вновь сведёт судьба иль нет,
Благодарю нежданную ту встречу
За трепет сердца и улыбки свет.
Как будто в сумраке зажглись надежды свечи

И детской веры в то, что Дед Мороз
Подарки даже взрослым принесёт...
А может, рано ехать под откос,
И что-то доброе ещё произойдёт?

Рождество Христово

Снегом замело избушки,
На окошках – кружева.
Деревенская церквушка.
Где-то далеко Москва.

Чуть потрескивают свечи,
Лик с иконы смотрит строго,
У души здесь – с Богом встреча,
И народу в храме много.

Ладан, золото и смирна –
Это всё дары волхвов,
И звучат молитвы мирно
В ожиданье важных слов.

«Отче наш» и «Аллилуйя!»
Запоют, взойдёт звезда,
И услышим весть благую
О рождении Христа.

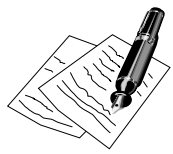
Метель

Снова метель за окном завывает,
И белым снегом укрыта земля.
Годы уходят и забирают
Время, когда была счастлива я.

Тайные мысли, «случайные» встречи.
Взгляды смущённые, смелые руки,
Жаркие ночи и страстные речи.
Вспышки блаженства и горечь разлуки.

Дни, когда весело, радостно было
Лишь от того, что ты есть, что живёшь,
Дни, когда сердце пылало, любило,
И было неважно – придёшь, не придёшь.

А за окошком сугробы всё выше,
Как на погосте метель голосит.
Не запугает, я чувствую, слышу:
Где-то весна, и дождь моросит.

ПАМЯТЬ

«Учителя с Большой Буквы»

Больше 50 лет прошло со дня окончания мной школы, но глядя на теперешнее среднее образование, я всё чаще вспоминаю своих учителей. Ведь среди них были в основном люди, прошедшие многие битвы Великой Отечественной войны и самоотверженно трудившиеся в тылу, приближая Победу над фашистскими захватчиками. Так что прекрасными педагогами они становились не ради диплома о высшем образовании, а по призванию. Поэтому многим в своей жизни я обязан именно таким учителям. Мой рассказ посвящён светлой памяти Ивана Михайловича Лазарева и его жены Галины Михайловны Васильевой.

Получив аттестат о неполном среднем образовании, я начал думать – где же учиться дальше. Хотелось найти школу недалеко от дома и, чтобы специализация была интересная. По рекомендации своего приятеля, который уже учился в 632-й школе на Красноказарменной улице, я остановил свой поиск на этой школе. Там было много разных специальностей, но самым интересным мне показался математический класс, который готовил будущих программистов.

Как я считал, математика мне давалась хорошо, и с несколькими друзьями из нашего 8-го «А» мы подали документы в этот класс. Оказалось, чтобы попасть в этот «привилегированный» класс, надо сдать письменный экзамен по математике и пройти собеседование. Всё закончилось благополучно, и мы четверо были приняты в 9-й «Е» класс 632-й школы Калининского района г. Москвы. Позже узнали, что желающих попасть сюда оказалось довольно много, и конкурс составил 4 человека на одно место.

Лето пролетело незаметно, и начались занятия в новой школе. Математику преподавал Иван

Александр КУЩ

Александр Андреевич Куш – родился в 1949 г. в Москве. Окончил МВТУ им. Баумана. Трудовая деятельность была связана с вычислительной техникой, ветеран труда. По итогам 1989 г. был признан лучшим по профессии Министерства радиоэлектронной промышленности СССР и награждён Почётным дипломом. Победитель и призёр конкурсов профессионального мастерства Минрадиопрома СССР. Член МГО СП России. Награждён дипломами за участие в конкурсах МГО СП России, регулярно печатается в газете «Московский литератор». Участник 4 Фестиваля славянской поэзии в Варшаве в 2011 г. Лауреат конкурсов МГО СП России «Лучшая книга 2011-2013, 2012-2014» (книги «Такая жизнь», «Перестал удивляться плохому», «Его Величество Случай»). Живёт в Москве.

Михайлович Лазарев¹, классный руководитель 10-го, а затем 11-го «Е», который нас и принимал. Вот тут-то я понял, что моих знаний по математике катастрофически не хватает. С «5» и «4», которые получал в 405-й школе, я быстро скатился на «3» и «4», т.к. всё основное время уходило на изучение математики.

Учились мы тогда 6 дней в неделю, включая субботу. Каждый день у нас было по два урока математики, а если вдруг заболел кто-то из других учителей, то Иван Михайлович не упускал случая лишний раз позаниматься с нами, т.к. сам он практически не болел. Пришлось покупать кучу вспомогательных учебников и справочников по его советам, чтобы по возможности облегчить свою жизнь. Поэтому редко когда удавалось лечь спать раньше часа ночи. Отчасти спасало, что заниматься начинали с 9 часов утра.

Школьные учебники по математике мы приносили в класс примерно 1 раз в месяц. Тема закреплялась так: Иван Михайлович говорил, на какой странице надо открыть учебник и... начиналось ускоренное прохождение материала. Начиная с первого стола от двери надо было устно решать примеры и выдавать сразу ответ. Сначала приходилось тяжело, но потом мы привыкли, и стало интересно. Те же спортивные тренировки, только для мозгов.

В результате такого обучения мы запоминали большие объёмы информации, много формул и типовых решений. Иван Михайлович всеми возможными способами старался привить нам навыки ускоренного устного счёта. Ведь в то время не было калькуляторов, мобильных телефонов, ПК, смартфонов и прочей «ерунды», которая в настоящее время многим заменяет мозги. Мы должны были наизусть знать таблицу квадратов чисел до 40, уметь со знанием дела пользоваться таблицей Брадиса, считать на логарифмической линейке и т.д.

Когда я сейчас вижу, как беспомощны многие молодые люди без всех этих чудес электроники, мне становится за них страшно. Такое впечатление, что убери все эти игрушки из обращения, и они не найдут даже дорогу домой. Хотя и много ребят среди «технарей», которые намного умней нас тогдашних. Но... мы в десятом классе сдавали 7 выпускных экзаменов по разным предметам и 5 экзаменов при поступлении в институты, а сейчас экзамены по выбору и надо найти правильный ответ из 4-х предложенных.

Нашему классу приходилось учиться намного трудней, чем 10-му «Е», из-за реформы общеобразовательной системы, проведённой под руководством

¹ Лазарев Иван Михайлович родился 24.01.24 в селе Дмитровская Слобода Муромского р-на, Владимирской обл. Его мать – Пелагея Андреевна, работала в яслях, отец – Михаил Осипович, крестьянствовал. Старшего брата Дмитрия в армию не призывали, т.к. отец рано умер, и он стал заботиться о младших братьях и сестре Анне. Михаил – погиб в конце ВОВ. Николай – воевал на флоте. Иван Михайлович – призван в 1942 г., сент. 1942 – май 1943 г. – ученик учебного отряда, май 1943 – 1950 гг. – командир отделения быстроходного тральщика охраны водного бассейна Кронштадтской военно-морской базы Балтфлота. В действующей армии с ноября 1942 г. по май 1945 г. 10.06.43 г. – осколочное ранение в ногу, инвалид II группы. В КПСС с октября 1950 г. После демобилизации в 1950–1953 гг. работал слесарем путей Курского отделения МЖД и заочно учился в МОПИ (Московский областной пед. институт), который закончил в 1953 г. 1953–1963 гг. – преподаватель математики и физики, школа №411. 1963–1985 гг. – преподаватель математики, школа №632. С 1985 г. на пенсии. Награждён 13 орденами и медалями СССР, знаком «Ударник 9-ой пятилетки», «Отличник народного просвещения». Умер 14 мая 2008 г.

тогдашнего 1-го секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущёва и окончившейся в 1966 году двойным выпуском 10-х и 11-х классов.

Сами понимаете, что ребята из 11-го «Е» за 3 года знаний получили намного больше, чем мы. Поэтому не все из наших в 1966 году поступили в институты, особенно на дневное отделение. Тем более что выбирались, как правило, технические: МехМат МГУ, ФизТех, МИФИ, МВТУ им. Баумана, МЭИ.

Но надо было хорошо знать Ивана Михайловича. Он любил свою работу, любил своих учеников и сделал всё, чтобы мы подтянулись как можно ближе к 11-му «Е» к окончанию школы.

Но это всё было потом. А пока «каторжный» труд по изучению математики, математики, математики.

Иван Михайлович был человеком разносторонним. Поэтому, несмотря на то, что он являлся классным руководителем другого класса, наш журнал им тоже периодически просматривался. И если какие-то отметки по другим предметам не нравились ему, то начинал нас стыдить, говоря, что мы *должны* быть широко образованными людьми. Эту истину я быстро усвоил. В те школьные времена Иван Михайлович чем-то напоминал мне нашего тренера по лёгкой атлетике Анатолия Антоновича Селивёрстова, который нас тоже временами не жалел, но благодаря всем этим трудностям вырабатывался «бойцовский» характер.

Вообще спорт в жизни Ивана Михайловича играл важную роль и в его молодые годы, и в годы работы в школе.

Когда у него было свободное время после наших уроков, Иван Михайлович с удовольствием оставался с нами в спортзале поиграть в настольный теннис или в волейбол.

Как хороший математик он прекрасно играл в шахматы и на переменах зачастую устраивал блиц-турниры с Александром Биргером, который к 11-му классу уже имел 1-й взрослый разряд.

Я всегда поражался, как наш учитель азартно сражается в любом виде спорта. Позже я понял – хорошая спортивная закалка с молодости помогает успешно идти по жизни.

Иван Михайлович очень гордился нашими спортивными достижениями, но... поблажек в учёбе всё равно не давал, видимо продолжая испытывать нас на прочность. А мы крепились!

Но вернёмся к нашей учёбе. Никогда ни один день не был похож на другой. Когда Иван Михайлович приходил чем-то расстроенный и остатки волос стояли дыбом, то мы знали – жди повального опроса, пощады не будет. Разложив по периметру стола с трёх сторон книги из своего знаменитого чемоданчика, Иван Михайлович внимательно оглядывал класс. Если он не успевал открыть журнал, то мы пытались разыграть свой сценарий дальнейших событий.

У нашей старосты Маши Мацьяк всегда наготове был какой-нибудь интересный вопрос на математическую тему. Касалось это, как правило, биографии известного математика или его работ. Если срабатывало, то два урока пролетало незаметно, мы даже не выходили на перемену. Правда, к концу второго урока Иван Михайлович спохватывался, говорил, что много времени потеряно впустую, а этого допустить нельзя. И за 10 минут до звонка давал контрольную работу по полной программе. Но всё равно это был лучший выход из создавшейся ситуации. Естественно, с этой контрольной мы сидели всю следующую перемену.

Если же наш фокус не удавался, то действие разворачивалось по сценарию Ивана Михайловича. Раскрывался классный журнал, в классе стояла «мёртвая» тишина, и явственно ощущалось приближение грозы. Затем раздавалось: «У кого тут больше всех пятёрок? Гусева – к доске». И Нина с обречённым видом направлялась к доске. А поскольку на стене было три доски – одна большая и две поменьше, то три жертвы занимали свои места за спиной Ивана Михайловича. Остальные писали очередную контрольную работу повышенной сложности.

Одной из любимейших тем Ивана Михайловича были всевозможные графики. Он их чертил самозабвенно, как хороший художник, получая от этого большое удовольствие. Иногда казалось, что он летает над всеми тремя досками, перепачканный мелом. Временами я думал, что утону в этих бесконечных графиках различных функций, которые начали сниться по ночам. Но... «железная» рука нашего математика не давала этого сделать. Не скажу, что я полюбил графики, но понемногу начал в них разбираться.

Но за что мы любили и уважали нашего Учителя – он всегда откликался на просьбы исправить полученные двойки и тройки. Ответ был один – приходи после уроков. Поэтому в отличие от всех остальных классов школы, у каждого из нас в полугодии было не менее 20 различных оценок по каждому разделу математики. Но наши сбой во время учёбы Иван Михайлович никогда не ставил во главу угла. Он всегда оценивал реальные знания.

С высоты прожитых лет я всё чаще ловлю себя на мысли, что в то время напоминал солдата-первогодка, для которого всё в новинку, непонятно и страшно. Но к окончанию 9-го класса усилия Ивана Михайловича и мои собственные стали давать результат – учёба налаживалась, хороших отметок становилось всё больше, и начало появляться свободное время.

Окончание 9-го класса у всех проходило по-разному. У одних настало время практики, а у нас по 6 часов математики, в том числе и программирование, которое нам читали преподаватели из МЭИ. На улице ярко сияло солнце, а мы сидели в душном классе.

Иван Михайлович был хорошим психологом и, объединившись с 10-м «Е», мы под его руководством на несколько дней ушли в поход в Подмоскovie. После возвращения открылось второе дыхание, и с чистой совестью мы разошлись на каникулы.

Снова спортлагерь, и теперь уже уверенный взгляд в будущее. В 10-м классе учиться стало и легче, и тяжелее. Мы уже привыкли к стилю работы

Ивана Михайловича и его требованиям. Мы достаточно хорошо узнали всех учителей нашей школы. За счёт спортивных достижений нашей команды по лёгкой атлетике, которая заняла 3-е место по Москве, некоторых из нас не так «терзали» на других предметах. Но... стремительно надвигались выпускные экзамены, «двойной» выпуск и взрослая жизнь.

Иван Михайлович, как мог, старался нам помочь в этом. Мы делали контрольные работы на основе билетов вступительных экзаменов всех ведущих вузов Москвы, районных и городских олимпиад.

И только поступив в 1967 г. на вечернее отделение МВТУ им. Баумана, я в полной мере оценил титанический труд нашего математика, вложенный в каждого из нас. Было очень приятно, проходя по коридорам Бауманского училища, встречать ребят из нашей школы.

Эти капитальные знания очень пригодились мне по жизни и дальше. В армии я помогал нач. связи бригады делать контрольные и курсовые работы, т.к. он заочно учился в Академии связи.

Когда дети пошли в школу, то, несмотря на многочисленные изменения программ, мои знания остались востребованы. Их хватило и на помощь старшим внукам, особенно когда пришлось помогать внучке – за полтора года по выходным пройти всю математику заново.

Спустя некоторое время начались встречи одноклассников, окончивших 8-й «А» в 405-й школе, а затем мы решили, что неплохо бы навещать и наших любимых учителей.

И только тут я узнал, что наша классная руководительница, преподаватель русского языка и литературы Галина Михайловна Васильева является женой Ивана Михайловича Лазарева.

Мы с удовольствием приходили в эту семью, и всегда получали большой заряд бодрости. Ведь по сути меня как личность формировали оба этих замечательных педагога.

Детей у них не было, и всю душу они отдавали своим ученикам. Поэтому, рассказывая про Ивана Михайловича, нельзя не посвятить несколько строк Галине Михайловне.

Она была не менее строгим и требовательным учителем, чем Иван Михайлович. Помимо своих предметов, Галина Михайловна ходила с нами в театры, музеи, на выставки.

Когда у нас в школе в коридорах повесили репродукции картин известных русских художников, она из лучших учеников подготовила группу экскурсоводов по нашей «мини-Третьяковке».

Сначала было страшно выступать перед своими товарищами и перед младшими классами, а потом мы освоились, начали избавляться от слов-паразитов, а это в свою очередь помогало нам в русском языке и в написании сочинений и изложений.

Когда кто-то болел, Галина Михайловна обязательно находила время навестить нас. К праздникам родители хорошо учившихся ребят получали от неё поздравительные открытки.

Во время наших совместных посиделок Иван Михайлович раскрывался с разных сторон. Он любил исполнять романсы, сопровождая себя на гитаре, прилично играл на мандолине и постоянно хотел кого-нибудь из нас научить играть на этих инструментах, утверждая, что это очень просто и элементарно.

Когда мне понадобились старые советские учебники по математике для 8-10 классов, чтобы помочь детям, он полез в «закрома» и без всякой жалости поделился своими несметными «сокровищами».

А затем сделал мне неожиданное предложение. «Давай, говорит, я с тобой немного позанимаюсь, и из тебя получится хороший учитель математики».

Не чувствуя в себе задатков этой нелёгкой профессии, мне пришлось отказать.

Даже выйдя на пенсию, Иван Михайлович и Галина Михайловна помогали своими знаниями всем нуждающимся в этом.

До последних своих дней Иван Михайлович живо интересовался политикой, нашими делами на работе, а когда развалился Советский Союз, не раз предлагал материальную помощь, от которой мы естественно отказывались. Он всегда говорил: «У меня большая пенсия, я ведь участник войны и инвалид». На это я всегда отвечал, что они с Галиной Михайловной как «старая гвардия» у Наполеона и в бой пойдут только в самом крайнем случае.

Не забывал Иван Михайлович и последние новинки математики. Он постоянно покупал интересующие его издания и штудировал их, сравнивая со старой литературой. Приходя к ним в очередной раз, мы всегда узнавали что-то новое.

Иван Михайлович всегда гордился тем, что его ученики успешно участвовали в районных и городских олимпиадах по математике, больше 10 человек стали кандидатами наук. И это была заслуга, прежде всего, нашего Учителя, его отеческой любви к нам и ежедневного самоотверженного труда.

Я считаю, что достиг определённых успехов в жизни во многом благодаря тому, что на жизненном пути мне повстречалась такая замечательная семейная пара **Педагогов** с большой буквы.

Жалею только об одном – долгое время писал в «стол» и поздно начал печататься. Поэтому порадовать своих учителей напечатанными книгами не смог. Хотя на наших встречах я постоянно читал свои новые стихи, а Галина Михайловна давала мне свои профессиональные советы. Потом по жизни было много разных учителей, но основы всего заложила мне эта славная семейная пара **Учителей с Большой Буквы**.

Лазареву И.М.

Учитель, Воин, Человек,
Любовь привил к себе навек.
Проходят годы чередой,
А он не старится душой.

Всё также в мыслях голова,
Ей не мешает седина.
Всё также он берёт аккорд
И, спев романс, бывает горд.

И хоть сейчас он за других
В огонь и в воду – не затих.
Для нас всегда он молодой.
Боец, Учитель и Герой.

2004

Лазареву И.М.

Достойно постареть
Не каждому дано.
И встретить свою смерть
Спокойно и светло.

Он умер на бегу,
Не завершив дела.
Он жил сквозь «не могу»,
И жизнь прожил сполна.

Он щедрым был душой
И не жалел себя.
Он многих воспитал.
Пусть строго, но любя.

И мы благодарим
Его за то, что был.
Учитель, Гражданин,
Никто Вас не забыл.

2008

*Галине Михайловне
(умерла 05.05.09)*

Она была для нас как мать,
Здоровья вовсе не жалела.
Больных ходила навещать
И до всего ей было дело.

Пугала строгостью порой,
Любила нас, оберегала.
А мы по дурости молодой
Помучили её немало.

Потом, закончив обучение,
Понятно стало нам одно.
Должны мы попросить прощенья
За всё, что сделали давно.

ПОЭЗИЯ

Инна Юрьевна Мухина – по профессии металлург и металлург, кандидат технических наук, ведущий специалист в области авиационного материаловедения. В течение многих лет стихотворения И. Мухиной постоянно появляются на страницах периодической печати, в коллективных сборниках и альманахах. Автор трёх поэтических книг и лауреат многих литературных конкурсов. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Инна МУХИНА

«Я странствую по странам и музеям...»

Впечатление о Париже

Цепями галльскими звеня,
Прослыл Париж вандалом дня,
Монархам головы рубил,
В крови и роскоши он был.
Но ужас страшных мятежей
Он спрятал в блеске площадей,
Построил эйфелев ажур
И дарит всем свою «лямур»,
И белый купол Сакре-Кер,
И Нотр-Дам с лицом химер,
Эклектикой веков и вер,
И акварелевый Монмартр.
О, Иль де Франс,
Виват! Виват!

Дефанс

(город будущего под Парижем)

Не впечатлил меня Дефанс
Остекленело-отстранённый,
Квадраты в кубе монотонны,
Зеркально-чёрные анфас.
Параллелепипедами в небо –
Как иноземной жизни шанс!
Он в этом мире был и не был.
Пришельцев ждали, а не нас.
Не впечатлил меня Дефанс ...

В Сеуле

Неоновый город
За окнами мчится,
Восточный орнамент
Корейской столицы.
Мы в этой стране,
Как песчинки простые,
Когда б не стояла
За нами Россия,
Но мы из Москвы
И вернёмся обратно.
Радужны корейцы,
Встречают по-братски,
Креветками, крабами
Нас угощают
И суп черепаший
Подать обещают.
Капуста ким-чи
И салат из колибри,
Десерт из сырой
Необжаренной рыбы.
Так надо,
Мы всё благодарно съедаем
И молча о хлебушке
Чёрном мечтаем
В Москве синеглазой,
Москве снежнолицей.
Прости нас, Сеул!
Ты – чужая столица.

В Эмиратах

Мозаика дня в Эмиратах ярка
Из солнца и моря, и света.
И тянется пальмы сухая рука
К заливу с обломком корвета.

Здесь в мареве башен плывут паруса,
Их блики стеклянно игривы,
Пропитана зноем уходит коса
В лазурные воды залива.

Ракушки, которые ты собрала,
Так розово светятся утром.
А днём нас мечети зовут купола
Постичь мусульманскую мудрость.

Идём по ступеням. Арабская вязь,
Иные молитва и вера,
Накинув абаи¹, оставив боязнь,
Мы входим в открытые двери.

Здесь всё необычно, ковры и хрусталь
Сваровски хвала воздаётся.
Как вечности знак, наполняя Грааль,
Молитва неспешная льётся.

Но вот и закат. Устремления дня
Поющий фонтан завершает,
Торжественны звуки, победно звенят,
Сахару Дубай покоряет.

Эйлат. Израиль

Здесь лики солнца
В первозданном жженье
Проникнут вновь
В моё воображенье.
Эйлатский камень,
Копи Соломона
И моря мёртвого
Целебные затоны.
Пустыня Аравá
И пальмы веер,
И иорданский
Раскалённый ветер
Приносит нам
Предания о Пётре,
Дворце карминном
В этих скалах алых
И омертвевших
Сказочные кораллах.
Но снова душу
Будоражит память
Руси моей
Заснеженная замять.

¹ Абаи – национальная женская чёрная одежда,
без которой в мечеть заходить не дозволено

Петербург-Ленинград

Всё Петербург: твои музеи,
Твои кумиры и холсты.
Каналы, сфинксы и аллеи,
В чугунном кружеве мосты.
Всё Ленинград: твои знамёна,
Блокады мёртвая петля,
Дорога жизни, оборона,
Отцов священная земля.
На Пискаревском нет изгоев,
Там весь военный Ленинград.
И Площадь Мужества героев
Всё ждёт, придут с войны назад.
С любовью снова я листаю
Твои страницы – пусть звенят
Твоей истории литавры,
Мой Петербург, мой Ленинград.

«Дедушка русской революции»

Нравственное начало в человеке есть не что иное, как дальнейшее развитие инстинкта общительности, свойственного почти всем живым существам и наблюдаемого во всей живой природе

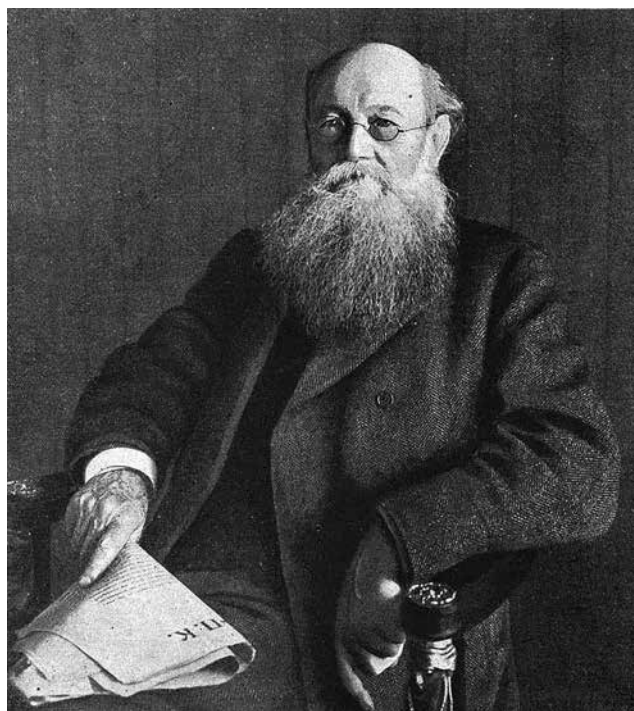
П. А. Кропоткин

Так называли одного из самых влиятельных теоретиков анархизма Петра Алексеевича Кропоткина (1842-1921), чья судьба поистине необыкновенна: князь из древнего рода и потомственный военный, путешественник и учёный-энциклопедист с мировым именем, награждённый золотой медалью Императорского Русского географического общества, чиновник, веривший в возможность улучшить общественный строй, и революционер, выступавший против его основ. Он

Николай Алексеевич Головкин – поэт, эссеист, публицист. Член Союза писателей России. Член Международного клуба православных литераторов «Омилия» (Украина). Родился 4 ноября 1954 г. в Ашхабаде (Туркмения) в семье потомственных москвичей. Литературной деятельностью занимается с 1968 г. В 1977 г. окончил факультет русской филологии Туркменского государственного университета имени А.М. Горького. Автор книг: «Поэтическое излучение» (стихи, 1994), «Свет в конце тоннеля» (стихи, эссе, рассказы, 1999), «Иванчай. Диалоги о России» (публицистика, эссе, рассказы, 2005), «Февральская лазурь» (стихи, 2010), «Троицкий иконописец» (эссе, рассказы, 2010), «Рябина» (стихи и поэма, 2013).

Живёт в Москве.

Пётр Алексеевич Кропоткин (1842-1921)

никогда не шёл на сделки с совестью, отрицал любую власть, верил во взаимопомощь и людей.

«Анархия не означает беспорядок, – повторял он, – нет! Анархия – это власть самодисциплины».

Его жизненные принципы учёного-подвижника, интеллигента-печальника о судьбе народа, по мнению исследователей, послужили Ивану Сергеевичу Тургеневу при создании образа Базарова («Отцы и дети»).

В эмиграции Кропоткин познакомился и даже сотрудничал с Жюлем Верном.

«Интересно, откуда француз так точно и тонко знает географию Восточной Сибири и тамошние нравы? Говорят, ему помогал знаменитый русский анархист», – писали о романах Жюль Верна.

А Оскар Уайльд, вдохновлённый жизнью и многообразной деятельностью Петра Алексеевича, написал сказку «Счастливый принц».

9 декабря (по новому стилю) – 175 лет со дня рождения П.А. Кропоткина.

Семья Петра Алексеевича принадлежала к древнему роду князей Смоленских, Рюриковичей в тридцатом колене. Фамилия происходила от прозвища князя Дмитрия Васильевича Крапотки (Кропотки), современника Ивана III, внука Ростислава Удалого. Пётр Кропоткин, как и его предок, всегда и во всём шёл наперекор судьбе. И делал это достойно, честно.

Среднее образование Пётр получил в 1-й Московской гимназии, а в 1862 году окончил с отличием Пажеский корпус и был произведён в офицеры.

Будущее в столице могло быть блестящим, однако Пётр Алексеевич добровольно избрал военную службу в Сибири в казачьих частях. Служа в Амурском казачьем войске, Кропоткин занимался и различными исследованиями.

Во время многолетнего путешествия по Сибири Пётр Алексеевич сделал множество открытий и наблюдений в области географии, биологии, этнографии и других наук.

Трудно переоценить его вклад в географию. Он стал первым европейцем, побывавшим в Маньчжурии.

После долгих лет исследования восточных регионов России он сделал несколько карт Сибири и Азии. Кропоткин доказал существование ледника на месте Сибири и Северной Европы. Ещё до открытия обосновал существование Земли Франца-Иосифа.

Его научные заслуги были замечены. И Кропоткину предложили стать почётным секретарём Императорского Русского географического общества, но Пётр Алексеевич отказался: ему, как считал он, казалось неправильным мчаться вверх по научной карьерной лестнице: ведь в мире столько голода, нищеты и несправедливости...

В начале 1870-х годов Кропоткин делает мучительный выбор: решает оставить науку ради революции.

Но какую же странную жизнь он отныне ведёт!

Утром Кропоткин мог выступить с докладом на заседании Русского географического общества. Днём обедал в Зимнем дворце со старыми товарищами по Пажескому корпусу.

То, что было потом, и было весьма странным. Пётр Алексеевич отправлялся на окраину столицы в невзрачный дом, где переодевался крестьянином, затем шёл в соседний дом – там рассказывал собравшимся о существовании Интернационала рабочих.

21 марта 1874 года его сенсационный доклад о Ледниковом периоде был встречен с восторгом в Русском географическом обществе.

А на следующий день Петра Алексеевича арестовали за участие в подпольном кружке.

Два года он провёл в одиночной камере печально знаменитого Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Его ждала каторга.

В заточении он пишет свой фундаментальный труд «Исследования о ледниковом периоде», обосновывающий ледниковую теорию.

Условия тюремного заключения, напряжённый умственный труд подрывали здоровье Кропоткина. Его перевели в арестантское отделение Николаевского военного госпиталя, откуда 30 июля 1876 года – единственный арестант в истории Петропавловки! – он совершил побег.

После своего дерзкого побега Кропоткин отправляется в Европу. Начнутся 40 лет жизни в эмиграции. Он стал первым среди равных в обществе европейских анархистов.

Продолжает он работать и как учёный. Из-под его пера выходят книги по истории («Великая французская революция»), социальным наукам («Поля, фабрики, мастерские»), монография «Идеалы и действительность в русской литературе» – обзор развития российской словесности от народных преданий и «Слова о полку Игореве» до Льва Толстого и Максима Горького.

Социальные и политические взгляды в своих трудах Кропоткин строит на собственных открытиях в области биологии.

Так, полемизируя с социал-дарвинизмом, Кропоткин пишет работу «Взаимная помощь как фактор эволюции». Он сформулировал социальный вывод – в отличие от марксистов во главу угла ставит не классовую борьбу, а общечеловеческую солидарность. Широкую известность получили его «Записки революционера».

Постепенно Кропоткин становится «опасным» не только в России, но и во всей Европе. Швейцарские власти поэтому, когда он жил в этой стране, избегают от опасного гостя.

А во Франции Кропоткина сажают на пять лет по подозрению в соучастии организации взрывов в Леоне.

За Петра Алексеевича вступаются Герберт Уэллс, Виктор Гюго, Герберт Спесер, Чарлз Суинберн...

Однако эти протекции долгое время не будут иметь веса. Лишь через три года, в январе 1886-го, Кропоткина досрочно освобождают.

Перед самым возвращением на Родину Кропоткин жил в Лондоне.

После Февральской революции в России Керенский отправил письмо Петру Алексеевичу, предлагая должность в любом из министерств.

Однако теоретик анархизма отказался, аргументируя это тем, что ремесло дворника или же чистильщика сапог считает более честным и полезным, нежели служба государству.

12 июня 1917-го Кропоткин вернулся из эмиграции в Россию. Его ждала торжественная встреча – присутствовал почётный караул, оркестр играл «Марсельезу».

А спустя несколько дней, 24 июня 1917 года, Пётр Алексеевич написал письмо украинцам. В эмоциональном, богатом образами послании он просил их не порывать с Россией, а ориентироваться на новую жизнь в рамках федерации свободных народов.

Вот фрагменты из этого послания Кропоткина, которое так и не дошло до адресата и которое так актуально сегодня:

«...Позвольте сказать вам, братья, что всё, чему учит нас история и чему научил меня долгий жизненный опыт, ведёт к заключению, что самую сильную помехою расцвету народной жизни, которую мы все желали, было бы образование независимых государств из народностей и областей, входивших в состав Российской Империи. В таких государствах повторилось бы, но в больших размерах то, что мы видели в балканских и скандинавских государствах, а также в соперничестве Германии и Австрии.

Каковы бы ни были политические планы и ошибки отдельных лиц, нельзя допустить мысль, чтобы большинство украинского народа, видя, каковы планы Германии и Австрии на порабощение – экономическое и политическое – русского народа, зная, каковы были бы последствия германо-австрийской победы на востоке, и понимая, что такая победа была бы только началом новых претензий на порабощение и русского, и украинского народа, и всех других народов, обитающих в России, – нельзя допустить, чтобы, зная и предвидя это, мыслящие люди Украины не подумали о том, что нанести такой удар в такую минуту русскому народу было бы одним из тех преступлений, которые потом тяготят как проклятие народы, совершившие такое преступление. История знает несколько таких преступлений. Но она уже говорит нам, какой тяжёлой ценой расплачивались потом народы, допустившие такую ужасную ошибку.

Братья, не рвите вековой связи! С обновлённой Россией вы сможете жить по-братски. А сливая воедино творческую организующую работу жизни двух столь близких народов, вы достигнете великих результатов в мировом строительстве Свободы, Равенства и истинного Братства».

К Октябрьской революции Пётр Алексеевич отнёсся неоднозначно. Он приветствовал сам факт свержения буржуазии и формальное установление власти в форме Советов.

Кропоткин даже спорил с Лениным, но понимал, что переломить ситуацию уже не способен. Пётр Алексеевич оправданно опасался, что партия большевиков, обладающая властью, не желала её ни с кем делить, в то время как революция должна была стать делом всенародным, всеклассовым.

Большевики предложили Петру Алексеевичу квартиру в Кремле. Однако Кропоткин от помощи твёрдо отказался.

Но как жить?! В России голод, разруха, идёт Гражданская война. Даже в Москве, вновь ставшей столицей, в домах холодно. Одним словом, для учёного с мировым именем никаких условий для работы.

В июле 1918 года Петр Алексеевич принимает предложение друга Льва Толстого – графа М. Олсуфьева пожить за символическую плату в его дмитровском доме.

И вот весной 1918 года Кропоткин с женой переезжает в графские «хоромы», имея при себе «охранное» удостоверение, подписанное Председателем Совнаркома В.И. Ульяновым–Лениным:

«дано сие удостоверение... известнейшему русскому революционеру в том, что советские власти в тех местах... где будет проживать Пётр Алексеевич Кропоткин, обязаны оказывать ему всяческое и всемерное содействие... Представителям Советской власти в этом городе необходимо принять все меры к тому, чтобы жизнь Петра Алексеевича была бы облегчена возможно более...».

В Дмитрове его сразу же очень заинтересовала деятельность местных активистов по созданию краеведческого музея. Об этом он говорил в своём выступлении 30 августа 1918 года на съезде учителей Дмитровского уезда:

«Третьего дня я осматривал зачаточный музей в нашем Дмитрове и радовался, видя, как разумно отнеслись к своему делу наши три молодые сотрудницы музея: геолог, ботаник и зоолог, в какой интересной и поучительной форме сумели они представить собранный материал... И я порадовался за новое поколение... Пусть только будет у нас несколько лет свободы, и во множестве городов у нас вырастут такие же и ещё лучшие музеи...».

В феврале 1919 года в письме своему другу Александру Атабекяну Кропоткин так описывает их жизнь в Дмитрове:

«Мы живём понемногу. Здоровы. Воздух здесь чудный зимой. Небо подчас чисто италийское, в безветренные морозные дни – просто восхитительные прогулки, особенно с тех пор, как ношу валенки, в которых нога не скользит. Каждый день выходим часа на полтора... Работаю недурно – два с половиной часа утром и столько же после обеда. Больше не могу...».

В Дмитрове Кропоткин писал главный, как он считал, труд своей жизни – «Этику»:

«Управление людьми через власть обязательно заменят добровольным соглашением, где будут учтены интересы всех». Последним записанным им словом было «совесть».

В начале 1921 года Кропоткин тяжело заболел воспалением лёгких.

Ленин экстренно направил в Дмитров группу лучших врачей во главе с народным комиссаром здравоохранения Н. Семашко и В. Бонч-Бруевичем.

Кропоткину предлагали усиленное питание, спецпайк. Но Пётр Алексеевич не признавал никаких привилегий и от пайка отказался. Он умирал незаметно, «скромно», стараясь никому не доставить хлопот этой своей «процедурой».

Пётр Алексеевич скончался в ночь на 8 февраля 1921 года.

10 февраля в Дмитров прибыл специальный траурный поезд, на котором гроб с телом был доставлен в Москву и установлен для прощания в Колонном зале Дома союзов.

13 февраля «дедушку русской революции» с большой торжественностью хоронила вся Москва. Петра Алексеевича похоронили на Новодевичьем кладбище.

После его смерти вдова Софья Григорьевна бережно сохраняла обстановку в доме.

15 февраля 1921 года пленум Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов принял постановление «Об увековечении памяти товарища Петра Алексеевича Кропоткина».

В доме Кропоткина был открыт музей, на его фасаде появилась памятная доска с барельефным портретом революционера, выполненная известным советским скульптором-монументалистом Сергеем Меркуровым.

Во время Великой Отечественной, когда немецкие войска подошли к Москве, мемориальные вещи из дома-музея Кропоткина были переданы в городской музей.

В доме Кропоткина размещался штаб противовоздушной обороны, а после войны – райисполком, торговый отдел, детский сад, управление культуры... В 2004 году было принято решение о воссоздания дома-музея, но открыт он был только через 10 лет в канун 860-летия Дмитрова.

Ныне в доме-музее Кропоткина в самом центре Дмитрова – деревянном особнячке с крыльцом, что стоит в городском дворе, в окружении жилых многоэтажек – возрождена обстановка дворянского дома конца XIX века, размещены документы, повествующие о жизни и деятельности выдающегося учёного и философа.

В честь 175-летия Петра Алексеевича Кропоткина 8 декабря 2017 года музей-заповедник «Дмитровский кремль» провёл юбилейное мероприятие «Сквозь призму Октябрьской революции».

Для участников праздника была организована экскурсия по кропоткинским местам Дмитрова и по дому-музею Кропоткина.

Были возложены цветы к бронзовому памятнику великого мыслителя возле его дома-музея.

ПОЭЗИЯ

Лариса НАЗАРЕНКО

Лариса Ивановна Назаренко – родилась в Москве. По образованию экономист. Стихи стала писать серьёзно с 1995 г., посещая клуб им. Н. Рериха при Литературном институте им. М. Горького. В настоящее время является членом МГО СП России, Академии Российской Литературы. Выпустила три сборника стихов: «Осень лет» – 1999 г.; «Пока держу связующую нить...» – 2008 г.; «Принимаю бурю и покой...» – 2013 г. Печатается в различных поэтических сборниках: «Поэзия», «Московский Вестник», «Московский Парнас» и многих других. Награждена медалями: «А.П. Чехов», «А.С. Грибоедов», «М.Ю. Лермонтов», дипломом с вручением медали «60 лет Московской городской организации СП России». В 2016 г. отмечена наградным знаком: «Заслуженный писатель» МГО СПР.

Живёт в Москве.

«Лишь Высшей Воле поддаётся...»

Провинция

Эх, бедная Провинция моя,
Дорог разбитых и дворов убогих,
Ты служишь вечной бабой для битья –
Мужей запойных и свекровей строгих.
На чём стоишь и держишься на чём? –
Уму заезжему непостижимо!
И всё равно – встречаешь калачом,
Кто бы ни шёл тебя сердешной мимо.
Хранительница нив, лесов и рек,
Небес бездонных, храмов и погостов.
Здесь испокон селился человек,
Сдаваясь в рабство преданно и просто.
Поди, пойми, за что любима ты? –
В платке, в фуфайке, в стоптанных калошах,
Весь твой наряд – неброские цветы,
И тот в поту от непосильной ноши.
К таким, как ты, навстречу шёл Господь –
Страдающим, но кротким и смиренным...
Не умирай, терпи, ещё погоду,
Ещё к мощам приложимся нетленным.

Уповать на Вечность

Знакомый умер человек...
К известью сразу не привыкнуть –

Оно, как на голову снег,
И нужно время пообвыкнуть,
Понять, принять, переварить,
Ну, и, в конце концов, смириться
С тем, что порвалась жизни нить.
И снова это повторится!
Словами чувств не передать.
Собою Смерть являет чудо...
Раз Время предаёт Иудой –
На Вечность станем уповать!

Раздумья о Времени

Со Временем всегда проблема –
Оно является дилеммой
С рожденья:
Быть или не быть.
Его порою не хватает,
Порою хочется убить.
Короче, Время, что змея –
То вытянется, то свернётся.
Лишь Высшей Воле поддаётся,
Не человеческому Я.

Не благодаря, а вопреки

Я Времени не доверяю –
Оно обманчиво, двулично:
То торможу, то догоняю
По правилам эгоцентричным
Игры, рассчитанной на рабство
Греховного сосуда-тела,
С ним может Дух один тягаться,
Ему нет никакого дела
До всех условностей тотальных.
В открытиях Духа гениальных
Лежат совсем простые трюки:
Сердец горячих устремленье,
Где, не благодаря науке,
А вопреки, придёт спасенье!

На земле египетской

Имя Андрея Николаевича Муравьёва сейчас практически предано забвению. Иногда оно всплывает в связи с язвительной пушкинской эпиграммой о «Бельведерском Митрофане». Между тем это одна из наиболее выдающихся личностей отечественной культуры XIX века: камергер императорского Двора, секретарь при обер-прокуроре Святейшего Синода, православный духовный писатель и историк Церкви, паломник и путешественник. Заметим попутно, что отец его – фактический основатель Генштаба русской армии; три родных брата также оставили след в истории.

Андрей Николаевич Муравьёв.
Портрет работы М.Ю. Лермонтова. 1839

Александр АЛИЕВ

Александр Газанфарович Алиев – родился в Москве в 1964 г. в семье учёных-филологов, сотрудников Академии наук СССР. В 1988 г. окончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, работал в Радиокomitee на Пятницкой (радиостанция «Надежда»), с 1991-го и по настоящее время занимает должность редактора отдела истории и культуры в одном из специализированных изданий МЧС России. Сотрудничает с рядом столичных и областных газет и журналов. Член Союза журналистов Москвы (с 1993 г.), МГО СПР Союза писателей России (с 2008 г.)
Живёт в Москве.

«Муравьёв был исполинского роста и приятной наружности. При всей набожности своей он был нрава весёлого, сердца доброго, обходителен и любим всеми товарищами, хотя постоянно удалялся от весёлых компаний. Он в жизни был весьма воздержан, не пил ни капли никакого вина, любил порядок, чистоту, лошадей и верховую езду», – вспоминали об Андрее Николаевиче современники.

Кстати, именно благодаря Муравьёву, в Петербурге, на Университетской набережной появились знаменитые древнеегипетские сфинксы. А после выхода в свет его книги размышлений «Русская Фиваида на Севере» термин «Русская Фиваида» стал поэтическим названием северных земель, окружающих Вологду и Белозерск.

Впрочем, начинал Муравьёв литературную стезю со стихотворчества. Его первый (и последний) сборник «Таврида» был напечатан в 1827 году.

Тщеславие несло молодого офицера в те литературные салоны, где он мог услышать лестные отклики о своих сочинениях. Таким местом оказался московский салон княгини Зинаиды Волконской, «русской Коринны», на углу Тверской и Козицкого переулка. Здесь, кстати, в марте 1827-го и произошла та история, благодаря которой Муравьёв получил свою кличку. На одном из вечеров он случайно обломил руку гипсовой статуи Аполлона Бельведерского, стоящей в театральной зале, да ещё и начертал на пьедестале некое оправдательное четверостишие.

Присутствовавший при сём Александр Сергеевич Пушкин вскорости отреагировал:

*Лук звенит, стрела трепещет,
И, клубясь, издох Пифон;
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон!
Кто ж вступился за Пифона,
Кто разбил твой истукан?
Ты, соперник Аполлона,
Бельведерский Митрофан!*

Андрей Николаевич между тем старательно переводит Вергилия и Тита Ливия, француза Фенелона, пишет одну за другой монументальные пьесы: «Владимир», «Князя Тверские в Златой Орде», «Битва при Тивериаде, или Падение крестоносцев в Палестине». Но успеха, увы, не добивается.

И совсем иное дело – муравьёвское сочинение «Путешествие ко Святым местам в 1830 году», наиболее отделанное и совершенное. Да и немудрено, ведь рукопись просматривали такие столпы, как В.А. Жуковский и митрополит Московский Филарет (Дроздов). Они собственноручно внесли в текст значительную смысловую и стилистическую правку. Помог и цензор О.И. Сенковский, особенно по части истории и обычаев Востока.

Тот же Пушкин проштудировал книгу «с умилением и невольной завистью», а Михаила Юрьевича Лермонтова она вдохновила написание стихотворения «Ветка Палестины»; впоследствии он исполнил маслом портрет этого доброго своего приятеля.

Книга и сейчас представляет увлекательнейшее чтение. Давайте же немного «попутешествуем» вслед за Муравьёвым и «побываем» в Египте.

Старая Александрия. Корнелиус де Бруин, 1681 г.

В 1829 году А.Н. Муравьев состоял при Штабе главнокомандующего русской армией графа И.И. Дибича-Забалканского, был свидетелем заключительного этапа войны с турками и подписания Адрианопольского мира. Но с окончанием боевых действий он не спешит домой. Получив дозволение самого императора Николая I, Андрей Николаевич отправляется в своё первое паломничество по Святым местам.

Из Адрианополя он едет в Бургас, а оттуда на фрегате «Пармен» прямоком в Константинополь.

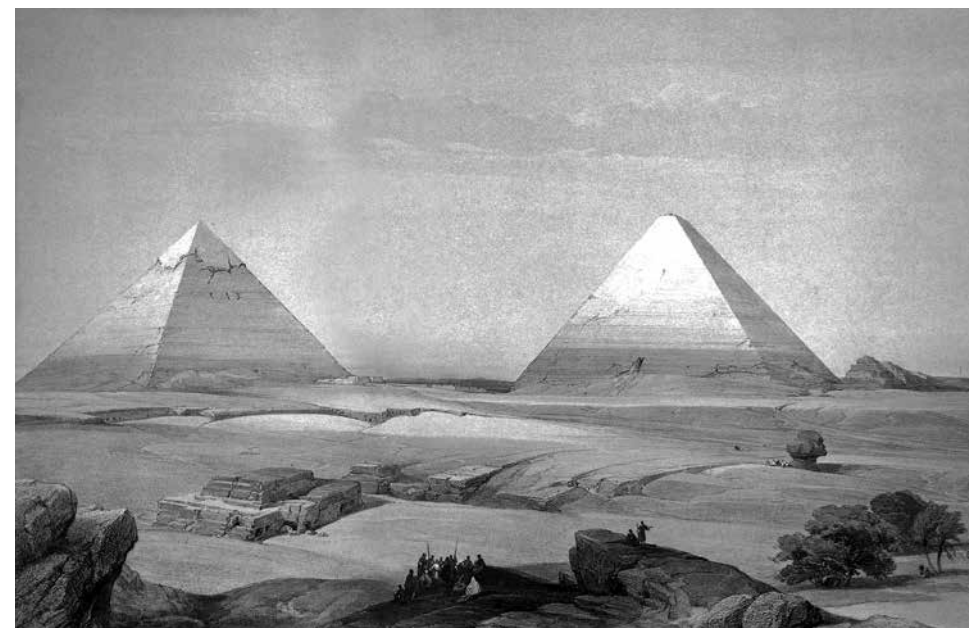
Дальнейшим его намерением было двигаться сразу в Сирию, но как на грех не оказалось ни одного попутного судна. Случай свёл Муравьева с французским консулом в Александрии Россетти, и тот предложил плыть вместе на его корабле. Хотя Египет и не входил в планы нашего паломника, он радостно согласился. Восьмого февраля 1830 года путешественники оставили бывшую византийскую столицу.

И вот корабль несёт их через пролив Дарданеллы, далее мимо бесчисленных островов греческого Архипелага и мимо берегов легендарной Трои, и после двух суток плавания в открытом море причаливает у порта Александрии.

Город этот, бывший когда-то в числе наиболее значительных в античном мире, долгие века потом находился в упадке и лишь с 1820-х годов при умном и энергичном египетском правителе (паше) Мохаммеде-Али вновь начал развиваться. От былой историко-архитектурной славы Александрии практически ничего не сохранилось – лишь два обелиска из розового гранита времён царицы Клеопатры, один стоящий, другой на земле, да ещё исполинская колонна Помпея, одиноко возвышающаяся посреди пустыни...

А внутри старой каменной ограды Муравьев заметил некие гигантские катакомбы с остатками изваяний, затем греческий монастырь во имя Святого Саввы Освящённого, внутри которого показывали место убийства великомученицы Екатерины и большую мечеть, бывшую прежде православным храмом Святого Афанасия Великого.

«Между остатками древнего Египта, которые видел я в Александрии, меня поразила колоссальностью гранитный сфинкс, покрытый иероглифами и привезённый из Фив, где вместе с другим ему подобным лежал ещё недавно близ Мемнонимума. Оба сии памятника уже украшают северную столицу нашу».

Примерно такая картина предстала перед А.Н. Муравьевым в Гизе

Чез несколько дней Андрей Николаевич поместился на небольшую барку и поплыл вверх по реке жизни – Нилу – до Каира. Путешествие это он описал с известной долей иронии: на крыше задней каюты сидит с трубкой в зубах кормчий и, не видя за большими треугольными парусами направления берегов, беспрестанно спрашивает о том стоящего на носу араба; если вдруг начинает дуть встречный ветер или он вовсе стихает, кормчий посылает тянуть бечеву. Очень часто из-за его неопытности барку бросало на мель, и слабосильные арабы, тщетно подбадривая себя криками, по три часа не могли сдвинуть её с места. «Один русский может смело взять на себя труд десяти человек», – замечает Муравьев.

Наконец показался Каир. Он произвёл на нашего героя неизгладимое впечатление. Настоящая столица Востока! Андрей Николаевич представлялся паше Мохаммеду-Али, получил от него разрешение осматривать в стране всё и вся, главное же, охранную грамоту от нападений диких бедуинских племён.

Теперь надобно немного отдохнуть от шестидневного плавания по жёлтым водам Нила, а после – куда? Конечно же, к «рукотворным горам» – Великим пирамидам, на плато Гиза.

Путешественнику хорошо было ведомо, что в древности эти сооружения покрывала гладкая гранитная «одежда», которая не позволяла любопытствующим насладиться панорамой, открывающейся с их высоты. Но со временем местные жители проникли во внутренность пирамид, а заодно сняли и облицовку. И ныне примерно двести ступенек представляют трудный, однако, вполне возможный восход наверх. Чем Муравьев и не преминул воспользоваться, поднявшись на самую знаменитую и самую высокую пирамиду Хеопса (Хуфу).

«Египет открывается с её вершины, – восхищённо пишет Андрей Николаевич, – я говорю Египет, ибо достаточно одного отрывка из его однообразной картины, чтобы иметь понятие о целом; а здесь, в самой огромной раме, является живописнейший из всех его видов, ибо в других нет Каира и пирамид». Особенно поразительно смотрелась та резкая грань, где плодородная нильская долина с её зелёными полями и финиковыми рощами сменялась жгучими песками мёртвой Ливийской пустыни (на левой стороне) и голой цепью гор Моккотама (на правой). «Нил и Египет – одно и то же. С вершины пирамид можно постигнуть, что был бы Египет без благодатного полноводья Нила».

Муравьёв не преминул, разумеется, забраться и в недра пирамиды, воспользовавшись для сего коридором, пробитом в 820 году по приказанию багдадского халифа аль-Мамуна. Длинная галерея вводит сперва в тесные сени, а из них в погребальную камеру фараона, ради каковой собственно, и выстроена вся громада. Но саркофаг Хеопса давно уже пуст...

Две другие пирамиды также не ушли от внимания нашего путешественника. Пирамида Хефрена (Хафра) единственная сохранила «шапку» облицовки, но та находится в крайне ветхом состоянии, поэтому восхождение на вершину теперь не разрешается. А пирамида Микерина (Менкаура) наиболее поздняя и наиболее низкая из всех – едва 66 метров.

Наконец, Муравьёв поспешил к Сфинксу, который в ту эпоху был ещё завезён песками по самые плечи. «Огромное лицо его обращено к востоку, оно обезображено людьми, отбившими нос его, и временем, от которого камень растрескался и весь в глубоких морщинах, как будто бы и сие чудовище почувствовало свои годы и состарилось в кругу пирамид. Глаза, уши и рот сохранились, хотя и повреждены...» Арабы называют сфинкса Абу эль-Хол (Отцом Ужаса). Наисильнейший страх он внушает им ночью, освещённый яркой луною, когда глубокие тени придают его чертам особую выразительность.

Некоторое время спустя Андрей Николаевич отправился из Каира на юг, вдоль рубежа возделанных полей и голой пустыни, к селению Саккара, где расположены ещё девять пирамид.

Самая крупная среди них, известная ныне как пирамида Джосера, выделялась своими шестью широкими уступами. «...В неё спускаются у самой её подошвы и с трудом, потому что тесное отверстие занесено песками; должно лечь навзничь, и прежде взошедший в оную араб втаскивает за ноги любопытного... Выход ещё труднее; надобно выползая на груди, беспрестанно укатываясь вниз по осыпающемуся песку, и, наконец, бедуины за руки вытаскивают из отверстия утомлённого посетителя». Передвигаясь внутри сооружения, Муравьёв и его спутники в какой-то момент едва не рухнули во мраке в огромную залу, ибо арабы не знали хорошо всех замысловатых коридоров этой редко посещаемой тогда пирамиды.

...Древний Мемфис в течение нескольких тысячелетий был культурным, административным и торговым средоточием Египта. Но что осталось от прежнего его величия? Лишь необъятный некрополь фараонов и знати, протянувшийся от Гизы и вплоть до Дахшура. Множество погребальных колодцев для мумий и священных птиц.

А значительнейший религиозный центр – Гелиополь, Город Солнца? И он не устоял перед ветрами перемен. Единственный свидетель славного прошлого – высокий обелиск Сенусерта I.

Пирамида Джосера (Саккара)

Но разве мог Муравьёв обойти вниманием христианские святыни Египта? В старой части Каира он посетил древнейшие монастыри – греческий мужской во имя Святого великомученика Георгия и соседний с ним, одноимённый, женский, принадлежащий Коптской Церкви. Внутри последнего, как пишет Муравьёв, «есть в полу отверстие; несколько ступеней сводят в подземное святилище, где грот, обращённый в церковь, украшен малыми столбами. Там Святое Семейство четыре года спасалось от вражды Ирода, и там протекли первые младенческие лета Спасителя».

Монастырский комплекс сохранился и поныне, хотя насельников тут практически не осталось. (К слову, греческая Георгиевская обитель изначально тоже была женской, о чём прямо говорят записи русского путешественника XVI века Василия Позднякова: «А в старом Египте [Каире] большая церковь святой страстотерпец Георгий, монастырь девич; а в церкви на левой стране... написан образ Георгий страстотерпец, за решеткою медяною. Много же чудеса и исцеления бывают от того образа».)

В селении Аль-Матария Муравьёву показали ветхую смоковницу – под ней, говорят, укрывались от жары Иосиф, Мария и маленький Иисус. То дерево сейчас, разумеется, засохло, однако рядом в 1906 году посадили новое.

С большим почётом гость из далёкой России был принят Александрийским Патриархом Иерофеем, который по его желанию служил две обедни – во второе воскресенье Великого поста и в неделю Крестопоклонную.

Одна из древнейших Восточных Церквей переживала в ту пору бесконечную вражду с коптами, и под управлением её оставались лишь два монастыря: каирский Святого Георгия и Святого Саввы в Александрии, искони пользовавшиеся подавниями наших царей. «Я нашёл в архивах патриарших подлинные грамоты государей: Алексея Михайловича, Петра и Иоанна и императрицы Анны – и списки, скреплённые впоследствии Св. синодом».

Три недели провёл Муравьёв в Египте, а после двинулся через Синайскую пустыню в вожделенную Палестину, дабы встретить светлый праздник Пасхи в храме Гроба Господня.

Между тем получила своё счастливое продолжение история со сфинксами, замеченными Андреем Николаевичем в начале своего путешествия.

Давным-давно эти чудовища в двойных коронах Верхнего и Нижнего Египта стерегли заупокойный храм фараона Аменхотепа III в Фивах. А потом всё оказалось разграбленным и заброшенным, толстый слой песка и ила занёс руины некогда блистательной столицы.

Протекли столетия. И вот в конце 1820-х годов в районе Фив англичанами велись археологические раскопки, и первой находкой оказалась та самая пара прекрасно сохранившихся сфинксов. Одного из них британский консул отправил на продажу в Александрию, где его и увидел А.Н. Муравьёв. Увидел и загорелся желанием приобрести уникальные изваяния для России.

Но статуи были оценены в 100 000 франков, и на покупку нужно было получить разрешение непосредственно у Николая I. Пока письмо Муравьёва, сообщавшее о редкой находке, дошло до Петербурга, пока о нём доложили императору, а тот передал его на рассмотрение в Академию художеств, пока совет Академии одобрил муравьёвское прошение, пока нужная бумага догнала путешествовавшего государя и он наложил окончательную резолюцию, скульптуры едва не купила Франция. И не стоять бы сфинксам на невольской набережной, если бы не июльская революция. Французскому правительству стало не до покупок исторических ценностей, и тут, уж не мешкая, Россия купила сфинксов за 64 000 рублей ассигнациями.

Машины, весом 23 тонны каждая, погрузили на специально зафрахтованный итальянский парусник «Buona Speranza» («Добрая Надежда»), при этом была выпилена часть палубы. К сожалению, не обошлось без накладок. При погрузке одного сфинкса лопнули тросы, и он упал, расколов в щепки мачту и борт судна. На лице статуи остался глубокий след от каната, который позднее заделали.

Так или иначе, сфинксы с величайшей осторожностью отправились с берегов Нила к берегам Невы и прибыли на место в конце мая 1832 года – 185 лет назад. До 1834-го они находились в саду Академии художеств, а когда была готова большая гранитная пристань с пологим спуском к воде (архитектор К.А. Тон), скульптуры установили по её краям на массивных постаментах. Надписи, высеченные на них, известны, полагаем, многим:

Таманский сфинкс (Эрмитаж)

Вид Невы у спуска Академии художеств. Фердинанд Виктор Перро, 1841 г.

«СФИНКСЪ ИЗ ДРЕВНИХ ФИВЪ ВЪ ЕГИПТЕ ПЕРЕВЕЗЕНЪ
ВЪ ГРАДЪ СВЯТАГО ПЕТРА ВЪ 1832 ГОДУ».

С той поры сфинксы так и стоят над Невой, провожая серьёзными взглядами проплывающие по реке корабли, и вспоминают своё долгое каменное бытие. А когда наступает зима, Нева замерзает и сфинксов заносит холодным белым снегом, они думают о знойном египетском солнце, вечных пирамидах, божественном фараоне и о том, как бесконечна жизнь.

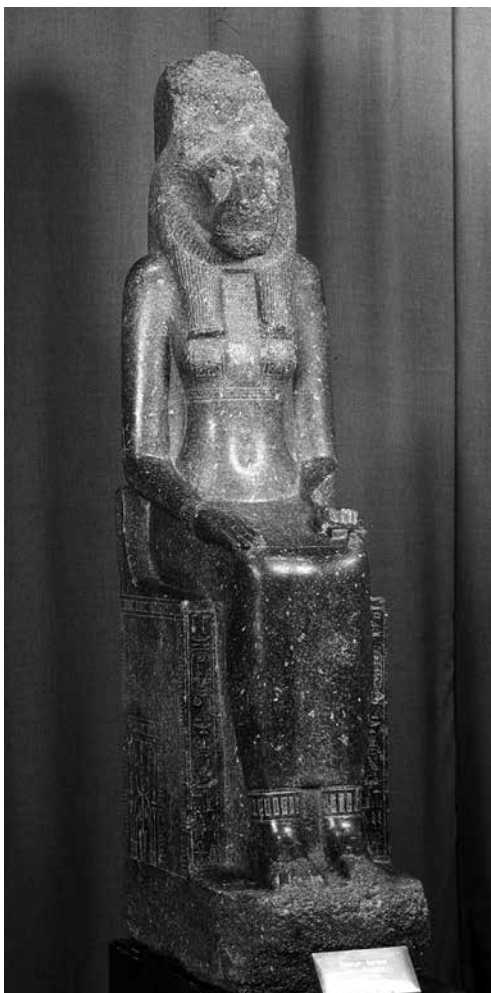
Недаром об этом писал ещё Валерий Брюсов:

*Глаза в глаза вперив, безмолвны,
Исполнены святой тоски,
Они как будто слышат волны
Иной торжественной реки.*

*Для них, детей тысячелетий,
Лишь сон – виденья этих мест...*

*.....
И, видя, что багряным диском
На запад солнце склонено,
Они мечтают, как – давно –
В песках, над падшим обелиском,
Горело золотом оно.*

Выход «Путешествия ко Святым местам...» послужил иным современникам стимулом для аналогичных поездок. Одним из них в 1834–1836 годах стал Авраам Сергеевич Норов – государственный деятель, учёный и литератор. Семнадцатилетним прапорщиком-артиллеристом он лишился половины ноги в Бородинском сражении, что, впрочем, не помешало ему теперь даже взобраться на вершину пирамиды Хеопса.

Мут-Сохмет (Эрмитаж)

В Фивах, в развалинах Карнакского комплекса храмов путешественник увидел откопанную гранитную статую Мут-Сохмет, страшной львиноголовой богини войны и палящего солнца, дочери Ра. Когда-то подобных изваяний, вырубленных по приказу Аменхотепа III, здесь было почти 600 (!), но уцелела только вот эта. Норов, как и Муравьёв, пленился своеобразной красотой египетской пластики и тотчас купил скульптуру у местных властей за шесть тысяч франков, чтобы «перевезти на родной Север, не во гнев Изиде и Озирису, но из сожаления к драгоценным остаткам великих Фив, поруганных варварами». Правда, Авраам Сергеевич поначалу ошибся с идентификацией, приняв божество как раз за Исиду.

В момент транспортировки статуи по Нилу, в Дендерах, произошёл любопытный случай: «Одна молодая арабская дама в сопровождении нескольких саисов проезжала на роскошно убранном лошаке возле берега, где была причалена моя дагабия; она была поражена видом приобретённой мною в Фивах статуи богини, которая

занимала почти всю палубу. Остановясь, она послала просить позволения войти на дагабию, и мои люди поспешили пригласить её. Подойдя к статуе, она долго смотрела на неё в задумчивости, потом стала на колени, набожно поцеловала её в грудь и удалилась со слезами на глазах. Мой кавас сказал мне, что образованный класс в Египте приписывает чудесные силы древним изваяниям Египта, полагая, что они сделаны руками гениев. Одна старая женщина из свиты этой дамы сказала, что её госпожа молилась о прекращении её неплодия... Другие местные женщины приходили толпами прощаться со статуей, пели вокруг неё, и какой-то старик говорил речь».

Из Александрии скульптуру морем доставили в Одессу, а оттуда, на санях, в Петербург. Сие вместе вылилось ещё в шесть тысяч.

Уже в столице Норов поведал обо всём А.С. Пушкину. Сильно впечатлённый поэт промолвил: «Какую чудную поэму можно было бы создать из этого эпизода...» и специально пошёл взглянуть на «Исиду», находившуюся тогда под лестницей в Академии художеств. И если верить мемуарам, Александр Сергеевич высказался однажды, что лица сфинксов на набережной «часто

стоят перед ним, как загадка, которую нужно разрешить, с их странною улыбкою и повелительным взглядом».

Спустя пятнадцать лет двухметровая Мут-Сохмет «перекочевала» в только что открытый для публичного доступа Императорский Эрмитаж, где и обрела вторую жизнь в окружении близких ей по духу экспонатов. Заметим, что это один из самых старых в России памятников искусства далёкой страны фараонов.

P.S. Кстати, когда «муравьёвские» сфинксы добрались до Петербурга, город уже несколько лет украшали их, если можно так выразиться, собратья – на цепном Египетском мосту через Фонтанку, у теперешнего Лермонтовского проспекта. (Ведь после похода Наполеона в Египет интерес к этой древнейшей цивилизации стал всеобщим.) Но, несмотря на название сооружения, тамошние сфинксы уже из греческой мифологии – отсюда их мягкий, женственный облик, холодная красота лиц, высокая полуобнажённая грудь. Автор четырёх чугунных статуй – известный скульптор П.П. Соколов.

А в эрмитажной коллекции есть удивительный по сохранности «Таманский сфинкс» – античный фигурный флакон-лекиф для ароматических масел.

Впрочем, это уже совсем другая история.

Сфинкс на Египетском мосту

ПОЭЗИЯ

Вячеслав ДУЛИКОВ

Вячеслав Захарович Дуликов – родился в 1943 г. в ближнем Подмосковье, сейчас – район Воронцово на Юго-Западе Москвы. В 1960 г. окончил Семёновскую среднюю школу №55, в 1965 г. – Московский государственный институт культуры (МГИК). Служил в Армии, работал в Доме культуры. После окончания аспирантуры, с 1972 по 2015 гг. – во МГИКе. Кандидат педагогических наук, профессор. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, член Союза писателей России. Выпустил около 20 сборников стихов и прозы. Среди них: «Моё Воронцово» (книга воспоминаний), «Неостывшими искрами» (дневниковые записи), «Листок багряный клёна» (избранные стихотворения), «Васильковое лето» (малое избранное). Лауреат третьей Артиады России (1997 г.). Лауреат Всероссийского музыкального фестиваля «Поклонимся великим тем годам» (2015 г.).

Живёт в Москве.

«Куда-то летит в завихреньи эпоха...»

*Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.*

С. Есенин

Как скоро забыли Есенина,
Под тряску негданных лет,
В погоне за пайкой несейной –
Чем больше, тем радостней свет.

Как скоро поверили в праздное,
Отринув естественность дня,
Тотчас возлюбя несуразное,
В котором и жар без огня.

Как скоро забыли недавнее,
Как будто былое не в счёт,
Уроки заветного – бранное,
Уроки высокого – гнёт.

Вот только страна без Есенина –
По сути, другая страна,
Как утро без гула весеннего,
Как сказка без вещего сна...

Сергею Есенину. Юбилей на Тверском бульваре

*Ты вернулся в Москву навсегда,
Видно, так твоё сердце велело...*

(из неоконченного стихотворения)

На Тверском
вполукруг
на площадке
поэтовой
две торговые точки...

Налетай-покупай,
раскупай – не зевай...

Вот те на!

Застревают в зубах
драгоценные строчки –
вот страна,
так страна...

Мне б чуть-чуть
тишины –
искупленьем вины.

Но не тут-то...

Из динамика
запредельный поток
децибел..
То ли музыка,
то ли...

Ничего,
будешь цел,
не оглохнешь.

Налетай-покупай,
раскупай – не зевай..

Ну а в самый разгар
разведём самовар –
не засохнешь...

Где-то сзади
поэт,
как помеха...

Вот такой
Ю б и л е й,
не до смеха...

Тупик

Из тупика, из тупика,
скорей из тупика...
Довольно
в толчее
нам мучиться...
При этом
надобно наверняка...
Но скоро
не получится...

Обезлюдившая Россия
и бескрайний простор,
красота и бессилие,
запоздалый укор.

По Москве окраинной блуждаю,
О минувшем, как обычно, вспоминаю.

Убежало моё давнее куда-то,
И с хорошим, и с не очень,
без возврата.

Я о нём не слишком-то жалею,
Жизнь, она, как сказка
про Емелю.

Рядом рёв моторов запредельный,
Что-то в нём от радости
поддельной...

Дом героев

*«...некая коммерческая структура
каким-то образом приобрела
цокольное помещение знаменитого дома
на ул. Грановского (Романов переулок),
создав проблемы для его обитателей...»*

Вроде бы пустычок –
полуподвальчик
с трубами и узлами...
Так и Россию
под корешок
рубим –
не кто-то,
сами...

Горельефы

Юрию Николаевичу Столярову

Случайно узнал, что горельефы с изображением
великих учёных и писателей, украшающие
основное здание Библиотеки им. Ленина,
изготовлены из колокольной бронзы московских
церквей – в 1930-ые годы XX века...

Я-то думал:
отчего они
потускнели,
эти лики
из бронзы,
когда-то
певучей
и звонкой...

Возможно,
от гари,
возможно,
от пыли,
возможно,
от того,
что давно
их не мыли...

А они
потускнели...

Было что-то
важное-преважное,
без которого
не жить.

Стало важное –
не так уж важное.
Как же быть?

Памятник Бунину в Грассе

Ледяная ночь, мистраль (Он ещё не стих).

Иван Бунин, 1952

Памятник Бунину
в Грассе.
Две тысячи
семнадцатый
год.

Нету ни белых,
ни красных.
Просто есть
русский народ.

Есть и французский,
конечно.
Тоже немножко
не тот.
Тоже совсем
не безгрешный.
Лучшее –
всё же
в зачёт.

Нам бы
друг к другу
поближе.
Гордым
вражда –
не сестра.

Нам же,
Москве
и Парижу,
в пику –
нечто
опять
про
м и с т р а л ь...

Чем хорош Интернет (вопрос для пишущих стихи)

Чем хорош Интернет?

Все на равных.
Открыта Вселенная
каждому.
Сколько хочешь –
держай и твори.

Всем хорош Интернет.
Всем хорош.

Есть, однако,
одно,
с чем нельзя
не считаться –
в Интернете
легко
затеряться.

Перечитывая биографию А.А. Фета

Сколько лет
добивался дворянства.
Не сдавался.
Метался.
Трудился.

Добился.

Дворянин.
Первоклассный помещик.

Кто-то помнит
сегодня
об этом?

А остался,
всё тем же –
поэтом
Афанасием
Фетом.

Фраза

Сегодня забыли Есенина,
завтра забудем страну.

О, как далеко мы ушли от сохи!

Куда-то летит
в завихреньи эпоха,
туда, где, возможно,
не так всё и плохо,
туда, где, возможно,
хорошее снится,
туда, где
журавль,
всё равно,
что синица.

Другая эпоха,
другие стихи,
плохое – не плохо,
грехи – не грехи.

О, как далеко
мы ушли
от сохи!

Вот только
поверить,
что будут стихи,
хотя и другие,
но всё же
стихи,
не просто,
не просто...

Эпоха другая,
грехи – не грехи.

Такое бывает.

Ушли
от сохи.

ПРОЗА

Антон ЛУКИН

Рассказы

Беседа

Как только солнце красочным пожаром разгоралось на горизонте, старик Афанасий выходил выгуливать собаку. Тёмно-рыжая дворняга Динга свободно носилась по пыльной дороге. Никто не держал её на поводке, не приказывал куда идти. Старик шёл следом, наслаждаясь прохладой тихого утра. Собака старалась не ускользнуть из виду и потому далеко не убегала. Да и маршрут был хорошо известен обоим. Вдоль улицы, на которой стоял их дом, мимо старой школы и до оврага, где старик поставил скамью. Поначалу смастерил лавочку, но потом пригвоздил спинку, и получилась весьма добрая скамейка. Присядет Афанасий, поставит рядом клюку, передохнёт. Пока Динга ходит по нужде и игриво носится туда-сюда, можно полюбоваться пейзажем. Вид в этих местах открывался необыкновенный. Вдали сосновый бор, а внизу узенькой тропинкой петляет река. Обычно в это время от реки шёл туман. В небе ярким костром полыхают облака, а внизу веет прохладой. Забавно.

Этим утром Афанасий так же вышел из дому чуть свет и не спеша поковылял по улице, опираясь изредка на клюку. Проходя мимо школы, где когда-то учились его дети, остановился. Как и каждое утро, доброй волной нахлынули тёплые воспоминания. Старик улыбнулся, передохнул и пошагал дальше. Сейчас школы нет, и детей возят в соседнее село за семь километров. А когда-то, ещё лет восемь назад, в этих местах, где пустует двухэтажное здание, стоял неутолимый весёлый гам. Жизнь шумела вовсю. Где дети, там и жизнь. Рядом с юностью и старики чувствуют всегда себя моложе.

Приближаясь к оврагу, Афанасий заметил ещё издали чей-то силуэт. Кто-то сидел на скамье. Подойдя ближе, старик узнал гостя. Это был Егор Колюшкин.

Антон Евгеньевич Лукин – родился 2 декабря 1985 г. в селе Дивеево Нижегородской области. С 2005 по 2007 гг. проходил воинскую службу в городе Курске. Автор 8 книг прозы. Печатался в периодических изданиях: «Наш современник», «Молодая гвардия», «Север», «Дальний восток», «Южная звезда», «Огни Кузбасса», «Огни над Бией», «Литературная учёба», «Алтай», «Литературная газета», «День литературы», «Московский литератор» и др. В 2012 г. за рассказ «Жених из райцентра» стал лауреатом премии им. Андрея Платонова «Умное сердце», в 2013 г. за книгу «Самый сильный в школе» – дипломантом Всероссийской премии «Золотой Дельвиг». Гранпризёр литературного конкурса «Хрустальный родник», который проходил в 2014 г. в Орле. ЛангЛистер премии «Ясная поляна» 2014 г. С января 2015 г. Член Союза писателей России.

Живёт в Дивеево.

– Утро доброе, – поздоровался Афанасий и присел рядом.

– Привет! – отозвался Егор.

– Чего скучаем?

– Да-а, – Конюшкин мотнул головой. – Не будет закурить?

Афанасий достал из переднего кармана рубахи «примачка» и протянул собеседнику. Егор прикурил, поблагодарил, сделал глубокую затяжку.

– Продрог весь, как бирюк, – прохрипел мужчина. Затянулся. Сплюнул. Перевёл взгляд на собаку, что гуляла рядом. – Очнулся у реки – ни живой ни мёртвый. Трясусь, тела не чувствую.

– У себя чего не спалось?.. Повздорил?

– Повздоришь тут, когда она окаянная даже слушать меня не желает. Слова лишнего не скажи, ноздри раздует, – Егор затянулся, стряхнул толстым мизинцем пепел. – Ей слово, она десять. Что за ушлая баба. Нет бы помолчать – что ты! – потёр щетинистый подбородок, вздохнул. – Из трюма я.

– Опять?

– А чего? Я там теперь чаще, чем дома бываю. Зараза.

О том, что последнее время Егор не уживался с супругой, старик знал. Знали многие. Бранились, как на войне – с выбитыми стёклами, с разбитой мебелью, с приездом полиции. Ссоры, конечно, бывали и раньше у них, но чтобы так... Никогда дело не доходило до «обезьянника». Последние полгода в семействе Конюшкиных это стало частым явлением.

– Башкою своей не думает, на что жить будем. Гоже ещё, что Прохор терпит. Отца покойного уважал и любил. Но и у него нервы не каменные. Пошлёт на три советских сегодня, и куда я пойду? Сама нигде не работает и меня последнего заработка лишает, ведьма.

Прохор Гаврилович имел свой малый бизнес. Всю жизнь, прожив в селе, и не собираясь покидать родную землю, ещё в девяностые годы скупил за бесценки колхозные земли и теперь успешно разводил свиней и коров. Большими партиями сбывал мясо, молоко и овощи. Целым гектаром выращивал картошку и капусту. Дело у фермера потихонечку, но шло. Многие односельчане трудились вместе с ним, хоть какой-то имея заработок. Прохора Гавриловича Егор знал с малых лет. Тот дружил с отцом и нередко захаживал к ним в гости. И когда с работой в селе стало трудно, Конюшкин один из первых обратился к тому за помощью.

– Пытайся сдерживать себя. В любом конфликте соглашение найти можно.

– Как же, поговоришь с ней, со змеюкой такой. Так она и послушает.

– Ну а руки распускать каждый раз – это тоже не дело.

– Я её пальцем ни разу не тронул, – Егор бросил окурочок на землю, растоптал ботинком. – Ни разу. Всю мебель побил, а её... Кричать кричал, но чтобы силой обидеть. Никогда.

– Просто так забирать не станут.

– Свояк у меня там работает. Подкаблучник поганый. Так моя чуть что, сразу сестре – помощи, убивают. А с самой волосок ни один не упал. Они приедут, я на нервах. В избе всё переворошил. Так они меня, голубчика, под белые рученьки – пожалуйста. Не впервой я у них.

– Действительно второй дом нашёл, – с досадой протянул старик. – Ну и как там?

– Чего как? А-а, да ничё. Кормят, кстати, неплохо. Есть время подумать, поразмышлять о жизни. Только вот относятся, как к скоту последнему, словно

человек и оступиться не может. Первые разы ещё не замечают. А когда уже зачистил, и обматюгать могут, и дубиной приложить по спине, запросто, – Егор провёл ладонью по небритой щеке. – Весной этой утопленничка вылавливали. Вода прохладная была, но уже купались. А тут дожди пошли, колотун стоял несусветный. Так нас пятерых в «буханку» покидали и вперёд. Тоже вот, не каждого попавшего взяли. Пьянчуг всяких да бродяг. И меня к ним сунули, гады. Привезли к пруду и велют нырять. Эти-то сразу одежду с себя побросали и в воду, а я ещё копошусь. Получил по загривку. Обматюгали с ног до головы. Голос злой. Видно не до шуток им – жмурика найти надо. Пришлось раздеться. А вода холодная. Промёрзли до посинения.

– Нашли?

– Нашли. Куда он от нас денется. Потом неделю соплями харкались, – Конюшкин для убедительности покашлял в ладонь. – Так что, вот так. А вчера вечером выпустили, домой решил не идти. Обида таилась. Выговориться хотелось. Чего доброго, опять упекла бы. Дай, думаю, самогоном душу вылечу. Пошёл к Клавке, у ней хорошая. Взял в долг, нарвал яблок и на реку. Ноченька какая была, а! Звёздная, тёплая. Всю душу истеребил, пока размышлял о жизни. А поутру очнулся, себя не чувю, – Егор сморщил лоб, опустил голову. Немного помолчал. – Вот так и живём, дед.

– Н-да, – протянул Афанасий. – Что тут скажешь... Ничего хорошего.

– Кто бы спорил. Да только как её, жизнь-то, лучше сделать, а? Да никак. Не по любви сошлись, вот и мучаем друг друга. Раньше хоть какая-то малость уважения была, сейчас и её нет.

– Тогда и жениться нечего, коль не по любви.

– Легко сказать. А, поди, найди её, любовь-то. Она за каждым углом что ли прячется? Полюбишь какую-нибудь кокетку ещё, потом в петлю залезешь. Нет уж, спасибо. Да и кому я нужен с такой работой и заработком. Смолodu не набрался ума, теперь вот кусай локоть. Рядом, а фигушки. Дураком был, что в армии не остался. Другая жизнь была бы, думаю.

– А так по трюмам лучше мотаться? – спросил Афанасий. – Это не жизнь.

– Одному жить тоже не дело. Одиночество быстрее сгубит. А то, что не по любви... Да больше половины так живут. То ли, как и я, не любя сошлись, то ли потом узнали, что не та она оказывается единственная. И ничего же, живут. Можно же жить и притворяться, что всё хорошо.

– Нельзя.

– Да можно, можно! Ещё как можно! – Егор встал на ноги, нервно прошёлся взад вперёд. – Живут же люди. Живут, я знаю, – опустил голову, провёл ладонями по лицу. – Всем охота семью. И юным, и сорокалетним. Всем. Никто не желает быть один. Так почему бы не притворяться, что всё хорошо. Ведь так?

– Нет, Егор, не так.

– Да как же не так-то?! Всё так. Так. Можно же и на притворстве счастье построить. Ну... – Конюшкин приумолк, перевёл дыхание, жалобно произнёс. – Ну, ведь можно же, дед?! Можно.

Афанасий склонил голову. Что говорить не знал. Да и что тут скажешь. В голосе Егора чувствовалась боль, что невозможно было сейчас спорить и опровергать его слова. Но разве есть в них правда? Разве можно на притворстве счастье обрести? Ведь они с Евдокией сорок семь лет прожили вместе и через всю жизнь пронесли любовь друг к другу. А ведь тоже и ссоры были, и обиды, и недопонимания... Как без этого. Но всегда были открыты друг перед другом,

жили с правдой. Никакого притворства, никакой лжи. Не мог Афанасий, как бы и не старался, понять, как можно жить с человеком без уважения и доверия, который стал тебе чужим, притворяться, что всё хорошо. Не мог.

– Допустим, – кивнул старик. – Но что же тогда у тебя не всё ладно? Что же не счастлив, раз всё хорошо?

– У меня... Я... – Егор зажмурил глаза, помолчал, открыл, сдвинул брови. – Я детей хочу. Дочку. Сына. Хочу малышкой. Тридцать восемь лет прожил, дед, а сказать нечего. Как один день пролетела жизнь. Ничего путного не было. Вся жизнь в двух словах. Сядешь, бывает, вечером на крыльце, закуришь, и до того одиноко и тоскливо становится, что хоть волком вой. В груди всё от боли сжимается, так и хочется вырвать сердце и растоптать. Для чего живу, зачем? Были бы дети, хоть какой-то смысл появился. А так... Ведь во мне доброта есть, я знаю. Только вот за одиночеством, за недопониманием и за злобой спряталось глубоко внутри, что не найти. Я ведь, когда к Прохору в избу захожу, так у меня сердце в радостях бьётся как шальное, когда внучка его встречать выбегает. Возьмёшь на руки, прижмёшь к себе, а она за нос тебя схватит и смеётся. Самой всего три годика, а столько радости, мне, взрослому дураку, приносит. Начну с ней играть, а сам чувствую, как внутри меня всё хорошее просыпается. Так охота весь мир приобнять и сделать, что-нибудь доброе. Так... – у Егора задрожал подбородок, он ещё сильнее нахмурил брови и отвернул взгляд.

– Так в чём же дело? – спросил Афанасий.

– Не хочет она детей.

– Почему?

– Не знаю. Не хочет и всё, – Егор снова попросил закуришь. Афанасий достал сигарету, отдал. Конюшкин прикурил, сделал глубокую затяжку, выдохнул носом. – В прошлом браке, говорит, натерпелась. Хватит. Привязанной быть ни к кому не хочет. Поначалу как-то откладывали всё на потом, теперь и вовсе не желает. Не нужны ей дети.

– Детей воспитывать в любви и гармонии нужно. А если как у вас – то мир, то война... Сам должен понимать. Нехорошо это.

– Я всё понимаю, дед. И ей об этом же не раз твердил. Родил ребёночка, да я тебя на руках носить буду, ноги целовать, слова грубого не скажу... У нас ведь последнее время только на этой почве ругань и происходит. Я ей про детей, она – отстань. Да какое отстань! Скоро на кладбище место выбирать, а ей всё отстань. Всё хихоньки да хахоньки, – Егор поднялся на ноги, нервно перебирая губами сигарету. – Придёшь с работы, на столе пусто. В холодильнике остатки вчерашнего супа. Чем, спрашиваю, весь день занималась? Ничем. На диване пролежит, а мужа с работы встретить по-людски не удосужится. Трудно на стол накрыть, чтобы, как у всех – зашёл в избу, а тебя аромат свежего борща встречает. Сама нигде не работает... Согласен, у нас тут с работой непросто. Но хотя бы по дому занимайся, по хозяйству. Женщина ты или не женщина, в конце концов! Какого поросёнка и того завести не можем.

Егор бросил окурок под ноги, растоптал каблуком. Присел на скамью.

– Родил ребёночка, слова лишнего не скажу. Сиди хоть до старости дома. Только воспитывай. До ночи работать буду, – Конюшкин посмотрел на старика. – Только и знает нос воротить. Это не так, то не то. Извини, министром не стану.

В небе в сторону реки пронеслась утка. Где-то на задах пропел песню петух. Поглядывая на макушки сосен, Афанасий вспомнил Евдокию и сыновей.

Жену схоронил, дети давно разъехались по городам, но каждое лето и в новогодние праздники навещают старика. Не забывают, кто перед сном целовал им ручки и рассказывал сказки. Приятно с возрастом осознавать то, что и ты внёс в этот мир частичку себя, из маленького комочка воспитал таких орлов, которые, пусть и далече от дома, но всегда будут славить родного отца и нести людям свет. В этом большой смысл. С годами осознаётся это особенно.

– Начнём с Настенькой в прятки играть...

– Что, прости? – Афанасий задумчиво перевёл взгляд.

– Я говорю, когда у Прохора в гостях бываю, с внучкой его в прятки играем. Больно уж ей нравится. А тут как-то спряталась, значит, за занавеской, я нашёл. А на подоконнике у них кактус стоит. Она мне – дядь, погладь цветок. Я – зачем? Она – надо. А я-то знаю, что он колется. Коснулся пальцами иголок, сделал вид, что укололся, машу ладонью, а Настя смеётся. Ах, ты, говорю, хитрюнька такая, – Егор впервые за всю беседу улыбнулся. И сказано из его уст было и вправду смешно, что и Афанасий расплылся в доброй улыбке. – Обманула, говорю, дядю. Обманула.

– Дети они такие. Лишь бы пошалить, – согласился Афанасий. – У меня же парни росли, сорванцы ещё те. Прихожу домой как-то раз, уселся обедать, слышу, под столом Барсик песни распевать стал. Глотку тянет, голос противный. Ну и пнул я его разок тапкой. А он, бедный, с боку на бок переваливается, а на лапах устоять не может. Не пойму сначала, в чём дело, заболел, думаю, может. Потом выяснилось, что валерьянкой его напоили. Вот архаровцы. Сами, спрашиваю, додумались или услышали от кого да решили попробовать? Сами – смеются. Вот и скажи... соображалку какую иметь надо, а?

Егор тоже тихонько закричал, засмеялся. Весело мотнул головой, глаза сузились. Старик было приятно, что из задумчивой, грустной беседы перешли на лёгкий разговор. О детях и, правда, было интересно поговорить. Смешных и весёлых историй он знал много. Да и Егору, как ему показалось, захотелось послушать и поговорить о чём-то более оживлённом и веселом. Ну её, печаль, к такой-то бабушке. Погрустили и хватит. Всё наладится. Обязательно наладится. Не всегда жизнь идёт белой полосой, понимать это тоже нужно.

– Ты голодный, наверное? – спросил Афанасий.

– Есть немного.

– Вот что, пошли-ка ко мне, перекусим малость, – сказал старик, и они с Егором не спеша вышли на улицу. Динга бежала впереди, указывая дорогу и виляя весело хвостом. – А тут ещё случай был...

Засмеялся Афанасий, и Егор, глядя на старика, тоже улыбнулся.

Дядя Вася

– **П**осмотри, какой он маленький и голодный, давай оставим его у нас, – просила сестрёнка. Я стоял рядом и держал в руках котёнка, который только недавно открыл глаза.

– А куда мы Базьку денем? – спрашивала мама.

– Никуда. Будут жить вместе. Он станет ему папой, – отвечала Валюша.

Мама вздыхала. Мы с сестрой смотрели на неё с таким лицом, словно нам только что показали игрушку, но играть ей пока не велят. Мама шла на хитрость:

– Тогда придётся Базилио уйти жить на улицу.

– Ничего, – заявляла Валюшка. – Он не пропадёт.

– И тебе его не будет жалко?

Валя молчала. Я постарше сестрёнки и знаю, что никуда Базьку не выгонят. Ага, так он и ушёл.

– Не будет, – утверждал я.

Котёнка оставляли до поры до времени. И пока мы с сестрой по очереди тискали и кормили живую игрушку, мама размышляла, кому бы его отдать. Как правило, долго котята у нас не задерживались. Но на смену одним приходили другие. И мы всё так же упрашивали маму оставить этот дрожащий пушистый комочек у нас. Не представляли мы детским сердечком, как можно такого кроху бросить одного на холоде и под дождём. Мама понимала это. Но так же знала и то, что если каждый раз поддаваться нашим уговорам, квартира в скором времени превратится в звериный приют. И потому котят всегда оставляли до первого хозяина, который, правда, появляться не спешил.

Из всех котов, что у нас жили, мне хорошо запомнились Базилио и Васька. Хотя много их было. Только отчего-то все не уживались подолгу. Базилио прожил с нами семь лет. Любимец отца. Папка любил кошек. Когда вечерами смотрел телевизор, Базилио всегда лежал рядом. Стоило отцу уйти на кухню, кот шёл следом. Раздавалось громкое просящее мяуканье. Иногда слышался папин крик:

– На! На! Когда же ты лопнешь.

Наш кот имел одну странную и раздражавшую всех привычку. Он постоянно хотел есть. Был жадным на еду. Сколько ему ни дай, всё будет мало. Уже и не лезет, и не хочет, а всё равно орёт. От меня всегда получал тапочкой. Наверное, поэтому шуточки свои со мной такие не выкидывал. Только папка шёл на поводу у избалованного Базьки. Но и он иногда срывался и кричал на наглую кошачью морду.

А вот кота Ваську я любил. Он был такой же в полоску окраски, как и Базилио, только не ленивый. Васька был грозой птиц. Ловко карабкался по деревьям, быстро бегал и умело охотился на голубей и воробьёв. Любил подраться. Всех котов побил в нашем дворе. Забегал и в чужие дворы схлёстываться с местными котами. Мальчишки прогоняли его то палками, то камнями, но тот всё равно забегал в их двор и хозяйничал. Я уважал Ваську.

– Эх, Васёк-Васёк, не умрёшь ты своей смертью, – говорила бабушка. Мама забинтовывала побитому хулигану лапы, мазала зелёной уши, лоб и соглашалась с бабушкой.

Бывало и в нашем дворе доставалось ему от соседей. Поймает голубя, распотрошит – одни перья кругом. Кому это понравится? Особенно доставалось ему от старика Василя, который часто мешал охоте. Заприметит кота, крадущегося к воробьям, что беззаботно трепыхаются в пыли, щёлкнет кнутом. Васька в одну сторону, птицы в другую.

– Чаво глазами рыщешь? – спрашивал меня дядя Вася. – Разбойника своего любимого потерял? Не ишшы. В крапиве он.

– Как?

– Так. Сколь раз говорил, будет озорничать, пришибу.

Я заглядывал в крапиву, обжигался, топтал ногами жгучую траву и никого там не находил.

– Нету? – ухмылялся дядя Вася. – Ничё. Не седня завтра там будет. Ушибу чем-нибудь.

– Только попробуй.

– Поговори мне ишо. Заступничик нашёлся. Я ему за голубя... Божью птицу губит.

– А чего они здесь разлетались?

– Ишь ты! Тебя забыли спросить. Мал ишо так рассуждать.

Старик Василий присаживался на лавку, поправлял кепку, смотрел на меня добрыми глазами.

– Зачем кота Васькой назвал? Рази можно животному имя человеچه давать? Антоном, небось, не кличешь. А чаво? Вышел из дому и кричи, чтоб все слышали: «Антошка! Антошка!» А я посмеюсь.

Дядя Вася шутя бранился. Я отмахивался рукой, молчал. Любил он порой без злобы за что-нибудь меня проучить. Я, как правило, не молчал и тоже говорил в ответ что-нибудь умное. Дядя Вася в шутку сердился, щурил глаза, но кончики губ его улыбались. Я видел это и потому отчаянно спорил. Но так бывало не всегда. Если случалось где набедокурить, тут уж держись. Мог и по спине огреть. Старик не был злым, но озорства не терпел. Только вот кто не озорует мальчишкой? Но дяде Васе это не объяснишь. Был он большим тружеником. С раннего утра и до позднего вечера всегда чем-нибудь занимался. Небольшого роста, ходил в зелёной рубахе, рукава которой заворачивал по локти, и синем трико. При работе на руках его взбухали толстые вены. Очки, которые он надевал, когда что-нибудь делал, крепились обычной резинкой. Во дворе, перегородив небольшой участок забором под огород, трудилась его супруга – тётя Нина. За деревянным общим туалетом стоял их хлев с огромными сушилами наверху. Живность у дяди Васи имелаась. Свины, козы, овцы, куры, и даже телёнок, которого выгонял поутру и привязывал к иве. Коз и овец пас, а чтобы те не разбегались кто куда, у дяди Васи висел на плече настоящий пастуший кнут. Щёлкнет им, аж в ушах звенит. Тут поневоле по струнке заходишь. Я тоже научился бить кнутом. И даже неплохо у меня выходило. Но не сразу он стал слушаться в моих ладонях. Бывало, махнёшь разок – как розгой ударил по земле. Полоса длиннючая.

– Кто так бьёт? – говорил дядя Вася. – Выше задирай. Сильней лупи.

И я лупил. Старался как можно резче и сильней хлестануть о землю. Но ничего не получалось.

– Э-э, – кивал головой дядя Вася. – Это не со старшими пререкаться. Гляди суда!

Дядя Вася брал кнут. Тот оживал в его крепкой ладони и вытворял чудеса. И со спины, и с боку щёлкал по земле и, не касаясь её, над головой разрезал воздух. Только пыль клубилась у ног. Я восхищался и с жадной завистью смотрел на волшебные руки старика.

– Ну, чаво здесь сложного? Дурак и тот смогёт.

Мне было обидно. Раз уж дурак сможет так же, то почему у меня не выходит. Я брал кнут и пробовал снова. Но ничего не получалось. Дядя Вася посмеивался:

– Руки, они ить тоже не только из плеч растут.

Я сердился и всеми силами хотел доказать, что и я могу, что ничем не хуже. Обида душила, слёзы навораживались на глаза, рука уставала. В тот момент, когда я готов был уже сдаться, раздался долгожданный щелчок. Сердце моё дрогнуло. Я оглянулся. Дядя Вася одобрительно кивнул. Я расплылся в улыбке. Попробовал снова, не получилось. Но теперь-то я не отчаивался. Я знал, дело пойдёт. И, правда, ничуть не хуже научился потом. Так же умело хлестал, рассекая воздух и пыль поднимая столбом.

Рано утром дядя Вася с косой уходил к парку Победы, что располагался неподалёку от нашего дома, рядом с храмом, косить траву. Под вспотевшей рубашкой играло красное, жилистое его тело. Он любил работу, и работа его любила. Потому всегда с какой-то блажью и восторгом было наблюдать за ним, когда он брался за дело. Всё в его маленьких скрюченных ладонях ожидало и работало как часы. Будь то пассатижи, наждак, топор или коса. Умел всё. Затем на самодельной тачанке привозил скошенную траву в наш двор и расстилал для сушки возле своего гаража.

Мы, детвора, любили во что-нибудь поиграть и всячески подурочиться. Одной из забавных игр была игра «двенадцать палочек». Смысл игры был таков – на какое-нибудь полено или кирпич ложилась доска, и на один её край укладывали двенадцать палочек. Разбивали. И пока тот, кто водит, собирает палочки, другие разбегаются кто куда и прячутся. Водящий начинает искать. И если даже найдёт кого, не факт, что отыгрался и передал эстафету другому. Нужно ещё первым успеть прибежать и разбить «палочки», не забыв крикнуть во всё горло имя того, кто будет водить. А бывало и такое. Нашёл водящий игрока, бежит с ним наперегонки к заветной доске, а там её уже кто-нибудь разбил. Чья-то нога постаралась. И вновь собираешь палки, прикусив от обиды губу. Особенно так любил делать Санька Коробов. Убежит на другую сторону дома вместе со всеми, оббежит его, спрячется у арки и выглядывает, пока ты не уйдёшь. Вот и крутишься у доски, как встревоженная наседка. Только зазеваешься или отойдёшь на минуту – бац! Собирай по-новому. Санька-негодник постарался. Любил этот Санёк всю малину испортить. Исплюёшься весь, пока водишь. Но тут неожиданно и к большому счастью для «водилы» приходил на помощь дядя Вася. Несёшься, как слонопотам угорелый, вдоль стены дома и сараев, и нет-нет, да угодишь туда, где у старика трава сушится. Заприметит дядя Вася озорство и давай хаять, как только может. И сразу каким-то новым, щемящим сердце азартом, воплощалась игра. Вроде бы тебя, как и прежде, ищет водящий, но в то же время опасно было попасться на другой стороне дома сердитому старику. Как бы уже два игрока следили за каждым твоим неверным шагом.

Обычным осенним невзрачным днём, взрослые, непривычно для них, начинали суетиться. Дядя Вася точил на наждаке огромный нож, тётя Нина носилась с тазами, а Сергей, их сын, настраивал паяльную лампу, которая фырчала и сердито плевалась огнём. Я прижимался спиной к углу дома и ждал – что-то будет. Появлялись и другие ребяташки. И всех нас не покидала догадка, что что-то сейчас произойдёт. Все в предвкушении ожидали чего-то жутко интересного. Детское предчувствие нас не подводило. Минутами позже раздавался громкий свинячий визг. Свиное тело подвешивали за ноги, и жёлтые языки пламени ласкали его бока. Мы подходили ближе, но нас прогоняли. Ругались, чтобы мы не мешались. Но мы всё равно стояли рядом и с интересом наблюдали за происходящим. Чернее чёрного обугленное свиное тело со скрежетом скоблили ножом. Дядя Вася подзывал нас к себе, желая угостить палёными свиными ушами и хвостом. Мы не спешили принимать такое угощение.

– Ну, чаво испугались? – улыбался, глядя на нас, старик. – Кто смелый?

Знал дядя Вася, как нас подзадорить. Мы брали из его рук горячие чёрные уши и пробовали на вкус, по очереди передавая друг другу. Ухо приходилось подолгу жевать, так просто оно не откусывалось. Не хватало только горсточки соли. Но и без неё это лакомство мы оценивали достойно.

– Ну вот, а ишо брать не хотели, – расплывался в улыбке старик. – Лучше всяких конфет.

Чтоб не обидеть доброго соседа, мы смеялись и кивали головой.

Иногда дядя Вася ходил на реку удить рыбу и несколько раз брал меня с собой. Удочки были его. Я только выносил из дому ведро под улов, чем сильно веселил старика.

– Ты так всю рыбу изловишь, – подшучивал дядя Вася.

Я улыбался и хвастался, что так оно и будет. На берегу Вичкинзы каждый рассаживался, как ему было удобно, насаживал на крючок червя и забрасывал леску. Поплавок лениво качался на лёгкой ряби воды. У меня не клевало. Поплавок мой только и знал, что привлекал какую-то одичавшую стрекозу. И как бы я её ни прогонял, она всё равно возвращалась. По воде забавно носились водомерки, и мне было любопытно за ними наблюдать. Как ловко они бегают и не тонут. У дяди Васи клевало, и он умело вылавливал тёмно-зелёных ротанчиков и серебристо-зелёных гольянов. Снимал с крючка и запускал в моё ведро, которое, не успев ещё прийти, я наполнил речной водой.

– И как потом рыбу делить будем? – спрашивал я.

– Как и положено, – подмигивал дядя Вася. – Та, что побольше, моя.

Я понимал шутку старика, но всё равно с досадой жаловался, что не клюёт совсем. Дядя Вася велел мне сменить червя и обязательно на него плюнуть. Я делал всё, как он велел – плевал на наживку.

– Ишшо! Не жалеяй, – подбадривал меня старик. А потом советовал забросить ближе к кустам, а ещё лучше в самую лунку крышки колеса, которое лежало на дне. Я так и делал. И удача мне улыбнулась. Одного за другим я стал вылавливать ротанов. Но не любил я эту рыбу тем, что уж больно глубоко заглатывала она крючок. Дядя Вася огромными пальцами умеючи освобождал рыбину и бросал в ведро. Старик знал, где клюёт хорошо и куда нужно закидывать леску, но я своим детским доверчивым сердцем верил, что всё это благодаря плевкам. Ведро наше потихоньку пополнялось хвостами. Даже парочка небольших окуньков составила компанию нашему улову. Радости моей не было предела. Но каково же было моё удивление, когда, придя домой, дядя Вася отдал всю рыбу мне.

– Душой отдохнул, и то хорошо, – сказал тогда он.

Тёплой ноченькой любил старик заночевать на улице под открытым небом. Укладывался на деревянной лежанке, что сам смастерил когда-то, и укрывался какой-нибудь старой телогрейкой или одеялом. Иногда принимал немного на грудь и, разговаривая вполголоса сам с собой, любясь ночным небом, погружался в сон. Я хорошо помню то осеннее утро девяносто восьмого года. Ночью шёл дождь. Опавшая жёлтая листва прилипла к сырому асфальту. Я, как обычно, с портфелем, ещё полусонный, шагнул в школу. А по возвращению узнал, что дядя Вася умер. Похороны прошли быстро и тихо. В первую очередь помянуть старика позвали детей. Потом поминали взрослые. Со временем живность, которую держал старик, пустили под нож. Некому стало обихаживать, привозить поутру на тачанке только что скошенную траву и стелить у гаража для просушки. С уходом дяди Васи испарилась в нашем дворе частичка чего-то старого и доброго из далёкой жизни. А немного погодя, все мы шагнули в двадцать первый век. И моё весёлое звонкое детство перешло незаметно в зелёную, полную мечтаний юность. Но я по-прежнему помнил старика. Его упорства, приткности, жизнелюбия и трудолюбия не хватало. Долго ещё очень многое напоминало о нём в нашем дворе. Кругом и

всюду оставались поделки, сделанные золотыми руками простого трудящегося человека.

Зимний праздник детства

Как бы ни говорили, что зима холодная, суровая и лютая, а лето – зелёная красавица, солнышком греет, всё же и зимой для меня всегда было и остаётся одно волшебное и сказочное время. И время это предновогоднее. Когда за долгие дни так соскучишься по снегу, что белый пух, укутавший землю, приносит столько неопишуемой радости, словно его ты увидел впервые. Особным подарком всегда было, если снег выпадал ночью. Проснёшься утром в школу, лениво пройдёшь к раковине, умоешься, глянешь в окно, а там всё белоснежным покрывалом устелено. Зимняя сказка пришла. Радости, восторга... сна, как и не бывало. Что для мальчишки снег? Это, в первую очередь, игра. Коньки, лыжи, снежки, горки, крепости, царь-горы и сальто с крыш сараев в сугробы. Всё это было. Начало зимы приносило с собой неопишуемый восторг чего-то нового. Но пролетали недели, месяц, другой, и снег уже так не радовал, как раньше. Даже нас, детвору, не говоря уже про взрослых, для которых зимние забавы остались в далёком прошлом.

Для меня начало зимы всегда ассоциировалось с двумя праздниками. Во-первых, это день моего рождения. А какой ребёнок не любит это торжество? Это только с возрастом всё меньше и меньше приносит радости ещё один прожитый год, приближающий к старости. А когда тебе восемь лет – это праздник подарков, игрушек и прочего-прочего, вплоть до того, что не идти в школу. Сейчас я хорошо понимаю, что не все дети могут порадоваться своими именинами, как и любимым другим весельем. И в этом, в первую очередь, заслуга взрослых. Спасибо маме и бабушке за то, что у меня было детство. С морем любви, нежности и заботы.

Другим праздником был Новый год. Ожидания этого дня всегда неугомонно теребило сердце. Снег давно уже выпал и преобразил улицы, дома, дворы, деревья пушистыми хлопьями маленьких кристаллов. Под ногами приятно хрустывают снежинки и перемигиваются в лунном свете озорными звёздочками. Красота! День рождения тоже давно уже позади, и хочется ещё чего-то нового, восторженного, прекрасного. И оно есть. Новый год на носу. И все готовятся к нему кто как умеет. Мы с сестрёнкой вырезаем из бумаги узорные снежинки. Каждый из нас старается, чтобы его рукоделие оказалось лучшим. Но мама хвалит нас обоих, и мы радостные берёмся за ножницы и вырезаем новые. Бабушка зимой к нам приходит часто. Довязывает то, что не успела у себя. И тот, кому она вяжет, частенько подходит примерять начатую кофту. Печь натопилась, и в комнате тепло, хоть и огромная она у нас. Постройка дома старая. Потолки высокие, аж под четыре с лихвой метра. Окна широкие, полукруглые. Попробуй прогрей такую громадину. Хорошо, что была печка, и она выручала. Батареи тоже были. Но тепла от них было немного. Видимо зарплату кочегарам платили такую, что они лишней раз ленились бросить лопату угля. А некоторые и того, не выходили из хмеля. Взрослые всем домом ходили ругаться, но это не всегда помогало. Тогда набирали в ведра уголь, который, к счастью, был, и топили им печь.

– А у меня больше снежинок, – радуюсь я, сосчитав свои и сестрёнкины изделия.

– Не хвастайся, – говорит мне мама. – Много, это ещё не показатель качества.

– Они у тебя некрасивые, – утверждает Валюша, и я тут же хмурю брови.

Мама подходит к нашему столу и, разглядев внимательно снежинки, уверяет нас, что таких красивых она никогда и нигде не видела. Всё-таки хорошая у нас мама. Знает, как сказать, чтобы мы с сестрой больше не спорили. И мы идём вешать бумажные узоры на окна. Я взбираюсь на подоконник и на влажное стекло наклеиваю бумагу, которая ложится, как на клей. Окна у нас в квартире двойные. Весной, когда становилось тепло, запасные рамы снимали и убирали за шкаф, где те послушно дожидались морозов. Осенью они снова приходили в пригодность. Их ставили, и мама, заложив щели ватой, промазывала вокруг пластилином. И если мне нужен был вдруг пластилин, я знал, где его брать. Но место добычи липкой игрушки быстро находили. Я получал подзатыльник и старался больше не совать туда нос.

– Вот теперь и у нас с улицы видно, какие нарядные окна, – радуюсь я и зову бабушку. Баба Зоя откладывает вязание, подходит к окну и одобрительно кивает головой.

– Молодцы! – по-генеральски хвалит нас она, и мы с сестрёнкой расплываемся в улыбке.

Теперь ещё ближе ощущается приход долгожданного праздника, к которому готовились все. А уж я и Валюша особенно. На кровати полёживал кот Базилио, единственный, пожалуй, в квартире, кому не было дела ни до чего. Хоть увешай всё гирляндами, он и усом не поведёт. Летом его редко можно было застать дома. Как барин, приходил только обедать и вновь уходил по делам. Зимой же никакой метлой на мороз не выгонишь. Хотя, если признаться, никто и не выгонял. Отец покупал ему мойву и ливерную колбасу, и тот за долгую зиму набирал такой вес, что с трудом вкарабкивался на диван. И во-все не был похож он на того старого, истрёпанного и слепого кота Базилио из «Приключения Буратино». Разве что оттенком и полосами.

Зима у нас, как я помню, всегда была щедрой снегом. Не то, что сейчас. В Крещение морозы ударяли такие, что трещало всё вокруг. Февраль тоже выпадал студёным, и по несколько дней сидели дома. В школу в холода бегали только те, кому нужно было исправить двойки. В классе три-четыре ученика, и учителя, занимаясь пройденным материалом, понимающе кивали и ставили пусть не всегда заслуженную, но положительную оценку. Хорошие у нас учителя. Всех вспоминаю с тёплой улыбкой и нежностью. Особое уважение и благодарность несусь в своём сердце перед моим классным руководителем, Сергеем Ивановичем Ерёминим. Натерпелся он всё-таки с нами, с сорванцами. Но что бы ни было, всегда за нас заступался и стоял горой. Какой же это большой и порой неблагодарный труд. Только с годами понимаешь это.

Ежели с сестрёнкой во дворе начинали что-то лепить из снега, то пока не промокнем до нитки, домой ни шагу. Щёки пылают огнём, по спине катится пот, а мы, два карапуза в шубах, катаем комки. Снеговик получался никудышный, но он был наш и потому казался нам милее всех снеговиков на свете. Я вставлял ему ветви, и тот с растопыренными руками важно поглядывал на нас.

– Антош, я краски принесу, разукрасим пуговицы ему? – предлагала сестрёнка.

– Давай, – соглашался я.

Валюша убежала домой, а я, пока её не было, утаптывал валенками снег, не зная чем же ещё себя занять. Что ни говори, а одному не так весело играть.

Пока её ждёшь, успеешь сто раз замёрзнуть. Сестра появлялась с красками и в новых штанишках.

– И чего так долго?

– Чай с вареньем пила, – не желая меня обидеть, сообщала она.

– Чай пила?

– Мама и тебе велела идти переодеться.

Я ворчал, забирал акварель и пытался разукрасить снеговика один. Но это не ком катать, тут я и, правда, как бы ни старался показать, что мне не холодно, быстро зяб и бежал домой. И как приятно было скинуть с себя сырую одежду и присесть у горячей печи. Если бабушка была в гостях, то по всей квартире стоял аромат свежееиспечённых пирогов. Уж чего-чего, а пышными ватрушками, блинами и пирогами она любила нас побаловать. Больше всего мне нравились пироги с картошкой – других я не признавал. Особенно с повидлом, потому как однажды сильно обжёт губы и язык этой самой начинкой. Уже с возрастом полюбил я и другие пироги, но только не с повидлом. Видимо, детская неприязнь глубоко запряталась где-то в подсознание. Пусть так. Не всё же уплетать за обе щеки.

Как только в гости заглядывала зима с метелью и стужей, мама вывешивала за кухонным окном кормушку. И пусть она была не такой правильной и красивой, всего-навсего вырезанная из пластиковой бутылки, но птицы были рады и этому. Хоть во дворе и росли две рябины, и одна под самым нашим окном, всё же птахи были рады каждой лишней крошке. На нитке подвешивали кусок сала, и им тут же спешили полакомиться синицы. Как только появлялись пернатые гости, мы с Валюшей бежали к окну. Но птицы, приглядевшие нашу кормушку, разлетались, и мы их долго не видели.

– Не пугайте, – говорила мама. – Пусть привыкнут.

– Мама, а птичкам холодно? – спрашивала сестрёнка.

– Холодно.

– А давай одну домой возьмём, – предлагала Валюша. – Ту, с жёлтым животиком.

– Они у нас, милая, жить не будут. Им свобода нужна. Они не ручные, – мама обнимала сестрёнку и объясняла, что, если бедных птах покормить, то сытым им никакой мороз не страшен. И когда к кормушке вновь прилетали птицы, мы с замиранием любовались ими, чтобы не спугнуть. Пусть кушают. Со временем пернатые привыкали к нам и переставали бояться.

Отворялась входная дверь, в прихожей слышался шум и веяло холодом. Вот она драгоценная минута, которую мы с сестрой так ждали. Вернулся папа. И не один. Приволок с собой настоящую лесную красавицу, без которой не обходится ни один новогодний праздник. Мы бежали в прихожую посмотреть и, может, даже помочь, если нам позволят. Но нас отгоняли в сторону.

– Не мешайтесь, – говорила бабушка и провожала нас в зал. Но и оттуда нам было всё видно. На полу лежала живая ёлка, с осыпающимися иголками, зелёная и колючая. На ветвях её оттаивали остатки снега, превращаясь в большие капли. Отец подмигивал нам и начинал раздеваться. Красные щёки его всё ещё пылали от мороза, и рыжие усы красовались на добром лице. Ох уж эти его усы! Такие смешные. Сам он брюнет, а усы рыжие. Бывает же так.

– Мы можем игрушки доставать? – спрашивал я.

– Доставайте, – разрешали нам.

Мы с Валюшей спешили в комнату. Я взбирался на табурет, затем на стол, на котором стоял телевизор, и только после снимал со шкафа старую

деревянную коробку, где хранились год от года, дожидаясь своей участи, новогодние украшения. Вот они. Яркие. Красочные. Разноцветные. Только и любоваться ими. Моя любимая игрушка это часы. Позолоченные, большие, круглые. Их покупала бабушка, когда мама была совсем маленькой. Даже сейчас, через много-много лет, эта игрушка украшает собой нашу искусственную ёлочку, которую теперь наряжают мои племянники – Ксюша и Саша. А тогда, лет двадцать с небольшим назад, это ответственное задание не обходилось без наших детских рук. Ёлку ставили в нашей комнате у телевизора в деревянную крестовину, и всей семьёй преображали её зелёные ветви шарами. Голубыми, оранжевыми, красными... всякими-всякими. Сверху посыпали всё серебристым дождём и включали гирлянды, которые, весело играя огоньками, отражались в стеклянных игрушках. Как же было красиво, весело и тепло от того, что мы всей семьёй играем в общую игру, и большие и маленькие, все вместе притронулись к сказке.

– Ну вот, и наша ёлочка теперь как принцесса на балу, – улыбался папа.

– Настоящая красавица, – соглашалась бабушка Зоя.

– А ты её прям из леса принёс? – мне всё про всё нужно было знать. Отец, соглашаясь, кивал, хотя на самом деле купил её на рынке. Я любовался нарядным деревцем и представлял, как папа, один, с топором, как дровосек, пробирался по лесу, утопая в сугробах, в поисках маленькой ёлочки. Но кругом были только большущие с лохматыми лапами ели и сосны. И отцу, утирая перчаткой лоб, приходилось идти дальше, ни капельки не страшась медведей и волков. И кто знает, может быть, даже под нашей ёлочкой прятался заяц-беляк или белочка. От такого воображения дух захватывало. Ведь в нашей комнате сейчас находилось лесное сокровище, частичка чего-то другого, совсем не домашнего. Аромат хвои наполнял комнату приятными новыми вкусами. Иголочки колотятся, осыпаются – настоящее дерево проросло в нашей комнате со своими запахами и целой лесной жизнью. Неведомо какие птицы садились на его ветви, неведомо какие звери любовались его красотой.

Скоро, совсем скоро под ёлочкой окажутся подарки. Мне давно известно, откуда они берутся. Я уже не маленький. Но я не открываю тайну. Разве можно, чтобы сказка заканчивалась? Ведь пока мы верим в чудеса, сказка живёт вместе с нами. Я помню свой первый новогодний подарок. Мне годика три-четыре. Мы тогда жили у бабушки. Утром я с мамой заглянул под ёлочку, где прятались резиновый щенок и котёнок. Валюша ещё спала. Я аккуратно достал игрушку, и мама рассказала мне о добром волшебнике с северного полюса, который дарит детишкам подарки. Эх, сколько раз мы с сестрёнкой пытались подкараулить деда Мороза, лёжа в кроватках, но, не дождавшись, засыпали, а утром под ёлкой находили то куклу, то крепость, склеенную из картона, то машинку, то рубашку... Много чего оставляли добрые руки волшебника. Именно волшебника. Кто бы это ни был, он дарил нам, детишкам, радость. Мы верили в чудеса. А это самое главное.

Рыбаки

Дедушка мой, Квитко Николай Михайлович, заядлый рыбак. Пожалуй, нет в нашем районе пруда или речки, где бы он ни забрасывал леску. Рыба, наверное, таких рыбаков чует за версту, уважает, старается никоим образом не обидеть и угодить именно в их руки. И ведь действительно сколько раз замечал – один с удочкой просидит весь день, поплавок не шелохнется. Другой

же, в двух шагах, только и успевает таскать карасей на жарёху. Вроде бы и наживка одна, и всё то же самое, ан нет, не обманешь рыбу. Знает она, где, у кого и когда клюнуть.

В свои семьдесят четыре года дед по-прежнему выезжает на реку и не расстаётся с удочкой. Правда, тяжело уже с годами и в гору подняться и лишний раз согнуться, но всё же великий азарт рыболовства берёт своё и с невидимой силой манит к водоёму. Зимой Николай Михайлович рыбачит редко. И потому в студёные январские холода за чашечкой горячего чая вспоминаются ему тёплые летние деньки, утренние сумерки, рассветы и туманы, тишина прохладного утра... Но стоит только весне-красавице распустить косу, заглянуть в наши края и прогнать стужу, как дед начинает готовить снасти. Своего не упустит. Ни один день не пройдёт даром.

Несколько раз дедушка брал и меня с собой удить рыбу. На большую реку – Оку или Волгу, куда частенько отправляются многие рыбаки из нашего села, дед не большой охотник выезжать. Душевное удовольствие приносит не сам таковой улов, как его процесс. Приятно понаблюдать за поплавком, когда он игриво пляшет на воде. Ничто тебя не тревожит, ничто не отвлекает – ни крик очумевшей чайки, не проходящая мимо баржа. Только ты и приroda. Вот где действительно отдых для души, которые немногие поймут.

– Рыбу мы и у нас с тобой наловим, – говорил мне дед. – Рыба есть.

– Большая?

– Какуюймаешь, такая и будет.

В начале лета, как только рыба откладывает икру, мы собирались на рыбалку. Утром дед заезжал за мной на красной «Оке». Каждый раз минут на пятнадцать раньше назначенного времени. Договаривались вроде бы к четырём, но уже без четверти машина дожидалась меня у дома. Со временем я стал привыкать к такому ненарочному подвоху и вставал раньше. Каждый раз дед встречал меня с бодрой улыбкой, внушая тем самым, что рыбы мы сегодня наловим весьма не мало.

– Позавтракал? – всегда интересовался он, как только я усаживался в машину.

– Без этого никак, – кивал я.

– Вот и хорошо. Вот и славно, – соглашался дед, и мы отправлялись за щуками.

До реки Сармы километров пятьдесят. Добирались быстро. За разговорами время летит незаметно. Сама по себе река, на первый взгляд, не внушает большого доверия. Узкая, местами заросшая травой и кустарником. Но рыба водится. И весьма разная. А что нам ещё нужно?

Первым делом ставим жерлицы рогульки. Не спеша идём вдоль берега. Подыскиваем нужное место. Чтобы было как можно меньше травы. А иначе забьётся живец в зарослях и спрячется там. Дед знает куда идти. Не впервой здесь. Я иду рядом, несу бочонок с рыбёшками и жерлицы. Находим место, где внизу под небольшим склоном вода не затянута тиной. Неподалёку кусты. Рыбное место. Но слишком близко ставить нельзя. Схватит добычу, уплывёт под корягу, и не выловишь потом. Уйдёт.

– Здесь рыба есть, – уверяет меня дедушка. Я ему верю. Если дед говорит, что рыба есть, значит, так тому и быть. Где ж ей ещё плавать, как не тут?

Мы начинаем ставить жерлицу. Жерлица весьма хитрая задумка. Берётся обычная палка, у деда она двухколенная, чтобы умещалась в машине. При помощи крепкой бечёвки закрепляем рогульку (рогатку) к верхней

части палки, на которую крест-накрест наматывается леска и закрепляется в расщепе, чтобы преждевременно не размоталась. Достаём из бочонка живца (дед заранее наловил мелких карасей), через жабры просовываем поводок и надеваем крючок. Забрасываем рыбёшку в воду, а заострённый конец палки крепко втыкаем в берег. Вот и весь фокус. Пока карасик плавает туда-сюда, заманивая серебристой чешуёй тётушку щуку, мы с дедом идём дальше расставлять жерлицы. И каждая ставится в подходящем месте, которое мы с дедушкой тщательно подыскиваем. Пока рыбные ловушки делают своё дело, мы начинаем ловить уклейку. Рыбёшка эта чем-то очень напоминает голяна, только крупнее размером и светлее.

– Уха из этой барышни получается отменная, – говорит дедушка. – Я тебе расскажу, как правильно готовить её. Приготовишь, с матерью пальчики оближите.

Мы располагаемся вдоль дороги, у моста. Здесь и река пошире, и удобно забрасывать катушкой. Из машины берём всё, что нам нужно. У деда всё самое необходимое и что может понадобиться в любую минуту, всегда под рукой. Удочки, ведра под улов, ведро с прикормкой, банка с червями, с опарышами, с перловкой, тесто. Два стула. Набор крючков, грузила, поплавки, лески. Рогатины для удилица и тряпка для рук. Складной нож всегда при дедушке. Привязан верёвочкой к куртке и хранится в кармане.

Усаживаемся поудобнее, разматываем удочки и начинаем рыбачить. Ловим на опарыша. На эту маленькую козюльку уклейка берёт особенно хорошо. Клюёт так, что только успевай забрасывать удочку. Такую рыбалку я люблю. Пусть и мелкая рыбёшка, а всё же. Крупная тоже от нас не уйдёт, нет-нет, да позарится на живца. Приглянётся наш карасик.

– Ну вот, и уха наваришь, – улыбается дед, заглядывая в моё ведро.

– Жарить-то её хоть можно? – интересуюсь я.

– А чего бы нет. Жарить любую можно. На то она и рыба, – говорит дед. – Я вот тебя научу, как правильно уху из неё варить. Домой приедешь, перво-наперво сразу почисть. Чистится легко. Пустишь в кастрюлю, как закипит вода, добавишь пшена и картошки. Позже лука и моркови. Из холодильника возьмёшь сливочного масла...

– Откуда знаете, что у меня в холодильнике есть?

– Что, разве масла сливочного нет? – улыбается дед моей рассеянности. Я соглашаюсь. – Ну, так вот, добавишь чайную ложку сливочного масла. И уха выйдет на славу.

Каждый час мы с дедом идём проверять жерлицы. Если леска с рогульки размотана, значит, попалась голубушка – нас дожидается. Я вынимаю палку и веду леску на себя. Показывается щука. Чем ближе к берегу, тем рыба сильнее бьётся хвостом о воду. Извивается, словно уже попала на сковороду. Не хочет к нам, а надо. Дед подсаживает её сачком и вытаскивает на берег.

– Ого, какая! – радуюсь я первому крупному улову. Килограммовая щука в дедушкиных руках успокаивается, замирает и ведёт себя послушно. Пятнистая, брюхастая. Эка, какая красавица. Что ни говори, а с таким уловом и домой приезжать не стыдно. И хочется как можно больше выловить таких же собратьев. Мы насаживаем нового живца, ставим жерлицу на место и идём проверять следующие.

Как только улов радует глаз, рыбалка завершается, и снасти убираются в машину. Ехать сразу домой не спешим. Тщательно моем руки и усаживаемся у берега, чтобы перекусить. Дед достаёт из пакета огурцы, помидоры,

варёные яйца, лук, я вынимаю хлеб и котлеты. Приятно всё же пообедать на свежем воздухе, на природе. Даже еда кажется намного вкуснее и с превеликим удовольствием уминается за обе щеки. Любуемся речкой. Рядом нет-нет, да пропищит комарик, вдалеке послышится и разнесётся озорное кваканье. Тёплый весёлый ветерок приятно заигрывает с волосами, забирается под рубаху и щекочет спину. Хорошо. И уезжать неохота. Ещё какое-то время смотрим на воду. Молча любим природой. Каждый думает о чём-то своём. Затем убираем за собой мусор и довольные направляемся к дому.

В конце августа начале сентября несколько раз выезжали с бабушкой на Ламовку. За карасями. Рядом с Дивеевом, километрах в десяти, находится детский оздоровительный лагерь «Солнечная поляна», окружённый лесом. В лесу, как упавшая с неба огромная капля, расположен пруд, окольцованный берёзами и елями. Это место и прозывают Ламовкой. Жарким летом местный люд с ребятами приезжает сюда искупаться. Вода здесь чистая, место красивое. Песчаный пляж, песчаное дно – купайся на славу, нежись под солнышком, загорай, сколько душе угодно. Вода прозрачная, если не взбаламутит малышню. На дне бьют родники. На глубине вода ледяная, а на поверхности как парное молоко. Плывьешь, бывало, на спине и никак не налюбишься пейзажем. Даже и не верится, что такая благодать рядом с нами находится.

Именно сюда ближе к осени раним утром мы и приезжали с бабушкой ловить карасей. Подберём местечко возле деревьев, примостимся поудобнее, забросим удочки и с деловым видом следим за поплавками. Ловим на перловку. На червя, конечно, тоже клюёт, но измучает голяня. Рука устанет вылавливать. Не успеет ещё крючок с грузилом опуститься, как червя уже дербанят всюю. Маленькая рыбёшка, а прожорливая какая.

Когда подолгу не клюёт, мы с дедом переглядываемся и одновременно вздыхаем.

– Не желает что-то нынче брать, – отчаиваюсь я.

– Не раскисай. Возьмёт, – уверяет меня бабушка и бросает в воду горсть прикормки. – Должен клюнуть.

– Может, ушла?

– Если только в магазин. Счас вернётся.

Мы с дедом весело смеёмся. Я снимаю перловку и насаживаю червя, чтобы не сидеть, как истукан. Наловлю хотя бы кошке. Здесь голяня мелкий. А в соседней от нас деревеньке Полупочинки в пруду водится довольно крупный. Бабушка такого пускает на шпроты. Поставит казанок на плиту, выложит в ряд рыбу, залёт маслом, посолит и снова в рядок и снова маслом. Часов пять на малом огне, и домашние шпроты готовы. Как магазинные. Из ротанов, которые по осени клюют особенно хорошо, когда нападает жор, мама делает котлеты. Вообще эта рыба отчаянная, клюёт в любое время суток, опусти только перед носом червя или кусок сала. Мясо у них белое, вкусное. Крупные головки идут сразу на жарёху, помельче – на котлеты. Рыбные котлеты вообще моя слабость. Могут уплывать одну за другой и не надоест. Мама знает это, и потому в её умелых нежных ладонях котлеты получаются особенно вкусными. Рыба потрошится, пускается через мясорубку, превращается в фарш. Мелко нарезается лук и варёное яйцо, вымачивается в молоке мякоть белого хлеба. Всё это перемешивается с фаршем. Из фарша катаются котлеты, обваливаются в муке и кладутся на сковороду. Получается объедение. Одно только плохо с ротанами – заглатывают крючок по самый хвост. И если нет под рукой острого ножа, как у бабушки, исплюёшься весь, пока освободишь.

Дед вылавливает карася. Я подбегаю, быстро рассматриваю рыбу и спешу на своё место. Снимаю с крючка червя, насаживаю перловку, забрасываю леску и в ожидании слежу за поплавком. Процесс пошёл. Клёв будет. Не мог же этот отшельник-одиночка подплыть к берегу один. В это верить я никак не желаю. Изредка поглядываю на бабушку, который нет-нет, да выловит рыбу, и с надеждой смотрю на воду. Вообще, подсекать в этих местах нужно осторожнее. Рядом, как огромные лапы, деревья раскинули ветви и того гляди норвят схватить твою леску и запутать. Пожалуй, это самое неприятное в рыбалке – распутывать леску. Но, как говорится, любишь кататься, люби и саночки возить.

Откуда ни возьмись, появляется серая мышка и внимательно следит за мной. Любопытная. Интересно, видать, ей стало, что делает дядя Великан. Я кидаю ей перловые зёрна. Зверёк пропадает в густой траве, но вскоре появляется и принимает моё угощение. Я цепочкой к себе выстраиваю зёрнышки. Мышь хватает по одной и убегает в траву. Приблизиться ко мне ближе не спешит. Тоже себе на уме. Не обманешь. Я бросаю зверьку ещё горсть каши и стараюсь ему не мешать. Пусть кушает.

Люблю приезжать в эти места ранним утром, когда сумерки. Пруд, охраняемый деревьями-стражниками, укутан белоснежным пуховым одеялом. Кажется, что сама природа ещё сладко спит, только мы с бабушкой, два полуночника, не даём ей покоя. Туман на воде потихоньку рассеивается и исчезает совсем. Из-за деревьев прорезаются тонкие солнечные нити. Освещаются макушки, затем зелёные стволы, и медленно ложится на воду яркий платочек солнца. Кажется, что и не водица это вовсе пред тобой, а чистое и гладкое зеркало, в котором отражаются облака и деревья. Очень красиво. Свистеть хочется. Радоваться. Душой отдыхаешь в такое утро, прогоняя мысленно все невзгоды от себя.

Обязательно с бабушкой, перед тем как собратся обратно, берём по ведёрку и, бредя вдоль берега, углубляемся в лес. Тут тебе и подберёзовики с груздями, и маслята с волнушками прячутся в траве у самых корней. И белый гриб частенько встречается. Как по рынку гуляешь – этого возьму, а этого обойду стороной.

– Ну вот, и двух зайцев одним махом убили, – улыбается дед с полным ведром грибов.

Я соглашаюсь с бабушкой. Одобрительно киваю, и мы не спеша идём к машине. И рыбы наловили, и грибов насобирали, и душой отдохнули. Что может быть лучше? Превосходно встретили утро, прекрасно провели время. И это главное.

ПОЭЗИЯ

Инна Авдеевна Яскевич – после окончания литейной кафедры МВТУ им. Н.Э. Баумана работала по специальности. В журнале «Литейное производство» прошла путь от научного до главного редактора. Сегодня возглавляет Издательский дом «Литейное производство», выпускающий журналы: «Литейное производство», «Металлургия машиностроения», «Библиотечка литейщика».

Живёт в Москве.

Инна ЯСКЕВИЧ

«Я не люблю гламурный мир...»

Я другого понять пытаюсь,
Принимая его позицию.
Иногда не воспринимаю
Как приверженная традициям.

Очень часто, только из принципа,
Как идею, во всём мне чуждую.
Но стараюсь извлечь хоть зёрнышко,
Если мысль обнаружу нужную.

Человек – существо социальное,
Лишь в общении развивается.
Всем известна история Маугли –
То, во что без людей превращаются.

Потому учитесь соседствовать
И общаться с любимыми и разными.
Пусть они вам кажутся странными,
Неприветливыми и опасными.

Называется – толерантность,
А по нашему – доброжелательность.
Начинается всё с улыбки,
А в ответ получаешь признательность.

Просто так, без всякой корысти.
Он ведь тоже, как ты, человек.
И ему, как тебе, вне общества
Не прожить без проблем свой век.

Потому-то, не осуждайте
Тех, кто склонен легко знакомиться.
Это – признак к вам расположенности,
А возможно, что и сиротства.

Нет, не в детстве – сегодня, в жизни,
Без друзей, без любви, без семьи.
Удели ему каплю внимания –
И, глядишь, уведёшь от беды.

Мне нравятся простые люди,
Те, что без фокусов и спеси.
Иное дело – новорусские,
Все из какой-то хамской смеси

Невежества и самомнения,
Хотя кичатся чем, неведомо.
И стоит разглядеть их ближе,
Разочаруешься заведомо.

«Бери от жизни всё, что можешь!» –
Вот их девиз на всякий случай.
Раздумья их не посещают,
Сомнения совести не мучают.

За удовольствия заплачено!
Везде им «море по колено».
И заведённого порядка
Уже не избежать им плена.

А жаль. Природою отмерено
Им было множество достоинств –
Ум, смелость, деловая хватка,
И обаянье что-то стоило.

Без этих качеств в нашей жизни
Не сделать никакой карьеры,
Но только деньги их испортили,
Всего им надо больше меры.

А мера – то, что отличает
Интеллигентного от прочего.
Довольствоваться надо малым –
Об этом мудрецы пророчили.

Простые люди не обманут,
Не предадут копейки ради.
А эти, стоит зазеваться,
Тихонько подкрадутся сзади

В тот миг, когда не ожидаешь,
И нанесут удар предательский.
Понятно, что таких приятелей
Ты и врагу не пожелаешь.

Мы себя проявляем в проекции
На семью, на работу, на близких.
Не подумайте, что фантазирую.
Это всё наполнено смыслом.

Мы себя транслируем в действии
Или в том, что считают связями,
Мы бываем нужны, бесполезны,
Проявляя себя по-разному.

Как на сцене, играем роли,
И они не всегда талантливы.
С кем-то мы дерзки и заносчивы,
Но а с кем-то предельно галантны.

Эти роли мы сами придумали?
А, быть может, они нам навязаны?
Только кем – режиссёром, партнёром?
Мы – актёры. И этим всё сказано.

Жизнь должна ложиться на бумагу,
Говорят великие писатели.
А иначе сердце разорвётся
От адреналиновой атаки.

Опиши скорее то, что чувствуешь,
Боль пройдёт, рассеются сомнения,
И поймёшь, что всех уже простила,
Нужные придут решения.

Станет ясно, что беда – пустяшная.
Вот и развела её руками.
И обиды станут вдруг вчерашними,
Упадёт с души тяжёлый камень.

Я не люблю гламурный мир,
Мне в нём неинтересно.
Иное дело ремесло –
Там, где уменью тесно.

Ты окружи жизнь красотой,
Искусством и поэзией.
И будешь пить из родника
Ту воду, что полезна.

А пошлый современный быт,
Набитый электроникой,
Где лишь на кнопки нажимай,
Нас за живое тронет ли?

Нет, только нервы теребит
Да притупляет чувства.
Ведь музыка – и та гремит!
Поп-арт разве искусство?

А современное кино
Бандитам по заказу?
Многосерийный мордобой,
И секс, и кровь – всё сразу.

Нам наплевать на молодёжь,
Мы даже не пытаемся
Их уберечь от сатаны,
За души не сражаемся.

Мне близок импрессионизм.
Живу я тоже впечатлением.
И мне понятен их девиз:
«Пожалуйста, остановись, мгновение!».

Остановись, чтоб мог запечатлеть
Заката отблеск или моря рокот.
Чтобы минуты счастья пережить,
Услышав в тишине любовный шёпот.

Мы впечатленьем наполняем душу,
Чтоб каждый день был красками расцвечен.
Кто не способен наслаждаться ощущением,
Тому ущербность жизни обеспечена.

Почему мы смотрим сериалы?
Потому что это – чистые эмоции.
То, чего нам в жизни не хватает,
То, чего нам очень сильно хочется.

Мексиканско-бразильянские страдания,
Страсти, неподвластные контролю, –
То, чего мы лишены сегодня.
А с экрана выдают нам и любовь, и горе.

Там все чувства морем разливаются,
Плачут и смеются так естественно,
Мы ж, закомплексованные наглухо,
Только в песнях открываемся, в поэзии.

Но не в жизни. Там – регламентировано.
В ней идут с поводырём, слепые,
Ищут всё того, кому поверить,
Кто нам объяснит, какие мы.

О злободневном

Оскар Уайльд изрёк когда-то:
«Женщины – пол декоративный».
Сегодня надо изменить фразу
На более страшную и «креативную».

Цель поставлена – страну целую
Превратить, по сути, в декорацию.
Пусть поёт, пляшет, торгует матрёшками.
Только бы не осознала себя единой нацией.

Учит детей кривляться перед камерой,
Рекламировать шампуни или жвачку.
Никакой математики или физики!
Сознание должно пребывать в спячке.

Легче тогда отобрать сокровища –
Сибирь, Урал, просторы немереные.
Надо только указать место на карте,
Жёстко ограничить мечты и намерения.

Если завод, то только – сборочный.
И чтобы директор был из пришлых.
Тогда легче людей уволить –
Каждый третий окажется лишний.

В первую очередь, инженеры.
Ведь надо, всего лишь, гайки закручивать.
И зачем, скажите, тогда институты?
Позакрывать! Особенно, политехнические.

Сретение

Маленький городок Вичуга уже два месяца утопал в сугробах. За окном бушевала вьюга. Усиления мороза ждали с сегодняшнего дня. Сретенские морозы всегда считались сильнее Рождественских и Крещенских, особенно в такой северной области, как Ивановская.

Василиса подбросила в печку дров и пошевелила кочергой. Пламя, готовое выпрыгнуть наружу из неприкрытой дверцы, осветило картонную коробку, устланную старым оренбургским платком. В коробке лежала измученная ночными родами кошка Муся, а у её тёплого живота мирно посапывали три крохотных слепых комочка.

Василиса, естественно, тоже всю ночь не спала, а, взглянув на часы, поняла, что нужно одеваться и идти в храм на утреннюю службу. Она была регентом хора. На эту должность обычно назначали людей со специальным образованием – тех, кто закончил Синодальное училище в Москве или Санкт-Петербурге, но Василиса стала регентом совершенно случайно.

По окончании московской консерватории Василису с мужем распределили в Хабаровскую филармонию. Их специальности были востребованы: Вася играла на виолончели, а супруг – на контрабасе. Молодым сразу дали квартиру. Пусть небольшую, но очень уютную в центре города, чтобы было удобно добираться из концертного зала. Через несколько лет родился сын, которого нянчил весь оркестр: не задействованные в очередном концерте коллеги возились с малышом за кулисами, пока папа с мамой выступали на сцене. А после представления все гурьбой заваливали к Василисе и под нехитрую закуску пили портвейн «Три семёрки» за удачное выступление. Это были самые весёлые годы в жизни молодых музыкантов.

Однако Вася с раннего детства отличалась непредсказуемостью характера, и принятые ею решения часто круто меняли её жизнь. Вот и тогда после случайного разговора со священником Василиса решила уволиться из оркестра. А так как

Юлия Геннадиевна Александрова – родилась в 1965 г. в Москве в семье служащих. В 1987 г. окончила МГПИ им. В.И. Ленина по специальности «учитель английского и немецкого языков». В 2000 г. ей было присвоено звание учитель высшей категории. С 2001 г. Юлия Александрова работает старшим преподавателем кафедры английского языка на факультете экономистов-международников Всероссийской академии внешней торговли. С 2011 г. имеет звание доцента. Автор пяти сборников лирических стихотворений – «Имя моё...» (2006), «Сретенье» (2007), «Воздушный шар» (2009), «Жизнь-река» (2010) и «Крылатая мечта» (2012), а также двух сборников прозы – «Букет ландышей» (2009) и «Окно в сад» (2011). Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Юлия Александрова. Морозный день (по мотивам современных художников)

муж ей ни в чём не перечил, они продали квартиру, инструменты и на пике карьеры уехали из ласкового Хабаровска в суровую Вичугу. Они были уверены, что Бог им поможет. Купили деревенский дом. Мужа взяли в храм простым служкой. Через несколько лет он стал дьяконом, но был им недолго. Заболел раком и вскоре умер.

После смерти мужа Василису благодаря её музыкальному образованию и как жену дьякона пригласили регентом хора, чему та была несказанно рада – работа в храме давала ей возможность постоянно молиться и за упокой супруга, и о здравии их сына, который, повинувшись воле родителей, всё-таки закончил Калужскую семинарию, но избрал совершенно светскую профессию, женился и уехал в другой город. И осталась Василиса одна в пустом доме, если, конечно, не считать кошки Муси.

Василиса налила кошке немного свежей воды, надела валенки, шубу, повязала пуховый платок и пошла в храм на утреннюю службу.

Праздничные службы шли сегодня с утра во всех храмах. Однако Анна, институтская подруга Василисы и её коллега по Хабаровской филармонии, зашла в один из московских храмов накануне, чтобы заказать молебен о здравии, так как на Сретенье должна была отмечать свой юбилей в Лондоне.

Ни для кого не секрет, что люди по-разному относятся к своим юбилеям. Одни начинают готовиться к этому событию за полгода, тщательно разрабатывают программу праздника или полагаются в этом вопросе на друзей или родственников и, как водится, приглашают кучу народа. Другие предпочитают камерность и даже добровольное одиночество. Анна относилась к последним, поэтому поставила цель уехать на недельку из города. Не просто уехать – сбежать! Оформила гостевую визу, купила билет на самолёт и взяла несколько дней за свой счёт на работе. Анна сходила на службу с утра

Юлия Александрова. *В ожидании праздника*
(по мотивам современных художников)

и сейчас сидела в аэропорту в ожидании самолёта. Успешная, сделавшая карьеру, но очень одинокая женщина ждала своего рейса, до которого было ещё часа полтора.

Чтобы скоротать время Анна отправилась в кафе. Почти сразу к ней подсел молодой человек. Оказалось, они летят одним рейсом. Молодой человек заказал бутылку сухого красного вина. Выпили за знакомство. Вино было вкусным и ароматным. После второго бокала Аня согрелась. Беседа стала легче и непринуждённое, и время пролетело незаметно. Они так увлеклись беседой, что не услышали, как по громкой связи объявили об изменении выхода на их рейс, и когда они, подхватив свои сумки, подошли к ранее объявленному выходу, то посадка на их самолёт была уже завер-

шена. И им ничего не оставалось, как только помахать рукой улетающему самолёту, который держал курс на Лондон.

Что же делать? Завтра юбилей, а оставаться в Москве бессмысленно. Решение пришло мгновенно. Она едет к Василисе. Анна сдала билет на самолёт, написала на сайт гостиницы с просьбой снять бронь, заказала билет на вечерний поезд с Ярославского вокзала, быстро поймала такси и поехала домой. Те вещи, которые она планировала взять с собой в мягкий климат европейского города, совершенно не подходили для сурового Сретенского мороза в Ивановской глуши.

В десять часов вечера нагруженная двумя сумками Анна уже сидела в поезде Москва – Кинешма. До Вичуги ехать было десять часов, и всё это время Аня проспала как убитая. По старой традиции к московскому поезду всегда подтягивались таксисты, поэтому добраться до Василисиного дома труда не составило. Анна рассчиталась за такси, отдав смешные по московским меркам деньги, вышла из машины и по замётённой за ночь дорожке дошла до Василисиного дома, ступая по следам, оставленным валенками.

Василиса уже вернулась со службы. Сегодня утром она, как никогда в последнее время, торопилась домой, чтобы проверить кошку с малышами, подбросить дров в печку, так как утренняя порция уже благополучно прогорела, позавтракать (ведь она всегда перед службой только воду пила), да позвонить Анне и поздравить её с днём рождения.

Но как только она взяла в руки телефон, раздался звонок в дверь. Когда Василиса открыла дверь, то не поверила своим глазам – на пороге стояла вся

засыпанная снегом подруга с двумя огромными баулами. Василиса втащила её в дом, плотно закрыв дверь, чтобы не улетучилось тепло, и спросила:

– Что случилось? Почему ты не в Лондоне?

– Да ну его, этот Лондон. Хоть и Европа, да я там одна. А здесь ты. И мы сегодня отметим мой юбилей по-нашему, по-хабаровски.

Аня подняла и потрясла в воздухе один из баулов.

– Ты не представляешь, что здесь!

– Неужели кильки в томате?

– И не только кильки. Здесь всё, что мы ели и пили тогда, включая портвейн «Три семёрки». Я вчера полрайона оббежала, чтобы его найти. И нашла!

Василиса наконец оправилась от шока и сказала:

– А что ж мы в сенях-то стоим?! Проходи скорее в дом, дорогая моя именинница, будем твоё совершеннолетие отмечать!»

ПОЭЗИЯ

Галина РОМАНОВА

ГАЛИНА РОМАНОВА

Галина Александровна Романова – поэт, прозаик, публицист, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, член Московской городской организации СП России, член правления ЛИТО «Метафора» городского округа Балашиха. Работает директором по связям с общественностью на предприятии авиационной отрасли, редактор корпоративной газеты. Автор книг «Хрустальная капля» (поэзия, проза, публицистика), «Под ливнем дней» (поэзия). Участник ряда сборников и альманахов. Произведения и материалы об авторе печатались во многих литературных изданиях. Автор песен и романсов, лауреат ряда региональных литературных конкурсов, дипломант конкурсов им. Роберта Рождественского и «Авторская романсиада». Имеет награды за профессиональную, общественную и литературную деятельность.

Живёт в Москве.

Голос сердца

Ландышевый соблазн

Наверное, это преступно,
Но ландышей нежный букет
Купила у станции утром –
Из леса пахучий привет.

В душе, растревоженной маем,
От ландышей стало светло,
И, глядя на них, понимаю:
Счастливое время пришло.

Их запах, ни с чем не сравнимый,
Волнует надеждами грудь,
И ветер не мчит его мимо,
А мне оставляет вдохнуть.

Я знаю, цветок – в Красной книге,
Но помнить – увы! – не хочу:
Не рву, но цветку на погибель
Беспечно соблазну плачу.

Закрученный ниткой суровой,
Букетик тебе подарю
И грех городской сторублёвый
Любовью своей замолю.

На том берегу

Иду, джазменов слушаю,
Вдыхаю благодушие.
Казалось мне, Америка,
Чужие мы, два берега.
Пошла бы врукопашную,
Да ты совсем не страшная.
Нигде врага не вижу я.
Газоны гладко стрижены,
С улыбкой смотрят встречные,
И стала я, беспечная,
Хвалить дома и улицы.
Глаза от солнца щурятся,
И автобаны нравятся.
Но вдруг шепчу: «Подавятся...
С Россией им не справиться...
За помыслы – покаются».
Я говорю всё реже
И «very nice», и «pleasure».
От патоки – истерика,
Домой хочу, Америка!
В Россию, всю в колдобинах,
Где запахи особенны,
Где ходят люди хмурые,
Медведи бродят бурые,
Где берег крут, как радуга,
Где я останусь надолго,
Пока не буду старенькой
И внук мой Ванька-маленький,
Став взрослым, с русской силою
Поплачет над могилою...

Соперник

Есть слаще женщины любимой власть,
Страшней измены утром покаенья:
Коварная и пагубная страсть –
С зелёным змием горькие свиданья.

Он за столом – как свой среди друзей,
Надев хвастливо Бахуса личину,
Обнять продрогшего под ливнем дней
Всегда найдёт и повод и причину.

Ему не надо страстных клятв и слов,
Он знает силу чар своих и власти.
Всего мираж любовь его и кров,
Но тянутся в наручники запястья.

Соперник мой! Тебе не победить!
Отдай, верни любимого обратно!
Пусть разорвётся между вами нить
Сейчас, сегодня, сразу, безвозвратно.

Голос сердца

Голос сердца тих, почти не слышен.
Пульсом будней бьёт в запястья рук.
Словно дождик осенью по крыше –
Чуть заметен и привычен стук.

Вдруг взволнуют сердце звёздный вечер,
Поцелуя сладостный призыв,
Вере и любви взлетит навстречу
Голос сердца – страстен и красив.

Слышишь, он – чарующий и нежный,
Как ночное пение цикад,
А потом вдруг – сильный и мятежный,
К совести взывающий набат.

Одиноким странным силуэтом
Сам с собой ведёт полночный спор,
Беззащитным праведным поэтом
Хочет влиться в неумолчный хор.

Голос сердца пусть звучит по миру
В микрофоны свёрстанных страниц,
Прославляя Родину и Лиру
Над ненужным контуром границ.

Последняя песня

*На гибель ансамбля
имени Александрова*

Поёт петух, ещё не зная,
Что в предрассветной серой мгле,
Взлетев, собьётся с курса стая
В последней песне на земле.

Исчезнет точка на радаре,
Вдруг станет паузой эфир,
И вздрогнет в траурном ударе
Предновогодний хрупкий мир.

Подхватит стаю в Чёрном море
Из слёз солёных колыбель,
И брызгами укроет горе
Неслышную из мрака трель.

Весне

– Не спи! Не спи! – поёт синица.
Играет солнце в волосах.
У горожан светлеют лица,
Видны веснушки на носах.

Бежит малыш потопать в луже,
И мчит девчушку самокат.
Проснулся мир, весной разбужен,
И ярче стало всё стократ.

Пора об отпуске подумать,
Наряды летние найти,
Подальше варежки засунуть
И к косметологу пойти.

...Ах, лучше встать с берёзкой рядом,
Обнять её весенний ствол
И вознестись душой и взглядом
К Весне, взошедшей на престол.

Молить, просить: «Хочу я тоже
Навстречу солнцу прорасти
И, став сильнее и моложе,
Опять ожить, опять цвести!»

Ранняя весна

Куда спешишь, весна шальная?
Зачем так рано будишь мир?
Ни сна, ни отдыха не зная,
Тоской любви запел эфир.

Как быстро сдался месяц зимний –
Короткий пасмурный февраль...
Хотя и нет любви взаимной,
Его, признаюсь, даже жаль.

А снег туманным лёгким паром
Питает в небе облака;
Они плывут над парком старым,
На лужи смотрят свысока.

Теплом былых воспоминаний
Осенних листьев дышит прель,
Щемящей радостью признаний
Вот-вот взорвётся птичья трель.

И я, глазам весны поверив,
Уже забыла про мороз,
Пальтишко лёгкое примерив,
Вдруг слышу правильный прогноз.

Жестокий диктор мне с экрана
Шлёт холода, дожди, циклон,
Предупреждает: слишком рано
Зима сдала свой белый трон.

У заводского обелиска

Рабочий день, как праздник, светел
Под небом мира и весны,
Но почему пропел мне ветер:
«Хотят ли русские войны?»

У обелиска сбор назначен
Для майской акции святой,
Огонь в звезде почти прозрачен,
Горяч лишь воздух над плитой.

Флагштоки гордо держат флаги,
Пахнуло кухней полевой,
И слышится мне в каждом шаге
Последний, самый трудный, бой.

Вот-вот приедут ветераны.
Цветы готовы и венки.
Но чьи во мне заныли раны?
Какая пуля валит с ног?

Я встану, выдержу, сумею:
Не первый раз идти на бой.
Вставай, страна, в тебя я верю –
Победа будет за тобой!

На площадь Славы заводчане
Идут в спецовках из цехов.
На вас надежда, россияне!
За вами – сила всех веков!

Медовый нектар

Голос со старой пластинки
В прошлое душу зовёт,
И, разорвав паутинки,
Падаю в сахарный мёд
Прошлых любимых событий,
Памятных радостных дат,
Маленьких личных открытий –
В райский исхоженный сад.
Майским цветением вишни
Вновь упивается взгляд.
В шорохах записи слышно:
Пчёлы в тычинках гудят.
Как и они, собираю
В зиму медовый нектар
И, пробираясь по краю,
Пестую жизненный дар.
Стоит ли помнить невзгоды,
Горечь обид и потерь,
Если летящие годы
Могут захлопнуть вдруг дверь?
Голос со старой пластинки
В прошлое душу зовёт,
И, разорвав паутинки,
Падаю в сахарный мёд...

Рассказы

Смех

Пролог

Люди должны во все времена оставаться людьми и не забывать о человеческой «чистоплотности», о тех вещах, которые нас отличают от животных, от скотины.

Человека никогда не должны покидать мысли об ответственности за те или иные свои действия.

Повесть «Смех» описывает нелёгкую расплату главного героя и всех его потомков за неличеприятный поступок, совершённый им в молодости.

Произведение получилось в назидание всем молодым людям, ещё не способным решать взрослому свои проблемы, а также пожилым, чтобы не проявляли малодушие и безразличие ко всему происходящему вокруг них.

За всё приходит расплата, рано или поздно, за всё спрашивают, и это неминуемо.

Самое страшное на свете – это игра на чужих чувствах, расплата за неё может быть очень жестокой, хотя и запоздавшей.

1. Любовь к дочери волшебника

Была та эпоха, когда наша страна шла к коммунизму. Решением Партии и Правительства была отменена религия, а что уж говорить о знахарстве и прочем мракобесии. Его по приказу не было. Но, на самом деле всё было гораздо интереснее. То, чего не существует законно, начинает существовать не законно. Это было и всегда будет.

Утро в деревне всегда начинается рано. Стадо коров уже ревело, и был слышен звук кнута. Начался новый день. Лето. Постоянная работа, заботы. Отогнав скотину, сельчане направлялись в колхоз. Туда же держал путь и местный конюх, Михаил Савич.

Об этом человеке следует сказать особо. Маленького роста, неприметный, худой, сутулый,

Дмитрий Иванович Долгов – родился 12 июля 1983 г. в Рузаевке, республика Мордовия. Окончил среднюю школу № 17, затем – Рузаевский институт машиностроения. Кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и экономики образования Мордовского государственного педагогического института им. М.Е. Евсевьева, академик Международной академии социальных технологий (МАСТ), профессор Российской академии естествознания (РАЕ), заслуженный работник науки и образования РАЕ, член союза Православной молодёжи Республики Мордовия, член Российского союза молодых учёных, член литературного клуба «Пегас» г. Саранск, член политической партии «Единая Россия», член общественного движения «Общероссийский народный фронт». Автор многих публикаций в российских и зарубежных СМИ.

Живёт в Саранске.

«серая мышь», всю жизнь отработал в колхозе, не достигнув особых производственных успехов.

Но Михаила Савича односельчане знали и с другой стороны. Залечить ли рану, помочь корове отелиться, испуг у ребёнка убрать – за всем шли к нему – местному знахарю.

На момент описываемых событий это был старик 65 лет, по привычке ходивший на ферму, живший вдвоём с младшей дочерью. Трое старших дочерей были замужем и жили в других местах, приезжая к отцу редко, жена умерла давно, а они остались вдвоём.

Старик имел репутацию «разгильдяя», и это «разгильдяйство» заключалось не в злоупотреблении спиртным или ещё в чём-то таком. Это было разгильдяйство особого рода. Старик отличался от эпохи, где были высокие нравственные устои, а он относился ко многим вещам очень лояльно.

И вот когда его младшая дочка спуталась с местным деревенским шалопаем Семёном, Михаил Савич не предал этому почти никакого значения, решив, что любовь пусть будет любовью.

– Савич, Светка твоя с Семёной спуталась, – предупреждали его местные «кумушки», готовые посплетничать обо всех деревенских новостях.

– Ничего.

– От шалопаю добра не будет! – говорили они наперебой.

– Как-нибудь, – отмахивался он.

Шло время. Светлана продолжала встречаться с Семёном, дело подходило к свадьбе.

Но, вот что однажды случилось. Старик возвращался с фермы и случайно услышал разговор примерно такого содержания.

– Свет, ну соглашайся. Я всё равно на тебе женюсь.

– Нет, только после свадьбы. Отец убьёт меня.

– Не убьёт.

– Ладно.

Тут голоса за стогом затихли. Старик пошёл домой. Конечно, он жил в эпоху, где интимные отношения до свадьбы не приветствовались, но Михаил Савич считал по-другому, а проще говоря, ему было всё равно, хотя, с другой стороны, он понимал, что ежели не будет свадьбы, то смех над его дочерью будет на всю округу. Но разгильдяйская натура взяла верх, и он решил не вмешиваться.

Через час вернулась Светлана.

– Ну что, налюбезничалась? – спросил старик и рассмеялся.

– Прости, отец!

– Пока что не за что прощать-то.

На этом их разговор закончился. Уже ближе к ночи, во время ворожбы Михаил Савич через зеркала увидел чёрную лебедь, плывущую в мутной воде.

– Светка! – вдруг ему пришло в голову, – всё-таки доплывается.

Но он, прогнав эти мысли, лёг спать.

2. Измена и насмешка

В тот же вечер, после того, как Светлана пошла домой, Семён запряг лошадь и отправился в другое село. Там жила его «небольшая тайна», которую звали Таней. Да, да, это был не такой уж честный парень. Имея отношения с двумя девушками, он решил жениться на Тане, а Светой лишь

воспользовался, считая её доверчивой и недалёкой. Он это и осуществил сегодняшним вечером.

– Светка – дурочка, наверное, про любовь мечтает, – думал он с насмешкой, – мечтает о свадьбе, поди.

За такими мыслями он приехал к дому Татьяны.

– Привет, солнышко, – сказал он идущей навстречу девушке и улыбнулся.

– Привет.

Дальше пошли разговоры ни о чём. Парочка не могла налюбоваться друг другом. Здесь была настоящая, не «однобокая» любовь, которая имела у них со Светой, вернее она имела только у Светы.

Они проговорили до поздней ночи, затем Семён отправился домой, наутро сказав родителям, чтобы готовились ехать Татьяну сватать.

Шило в мешке не утаишь. Через день вся деревня уже знала, что Семка поехал Татьяну сватать, а дочка Михаила Савича остаётся ни с чем. Ещё, ввиду слишком большой разговорчивости Семёна, все узнали и об интимных отношениях со Светланой. Это привело к тому, что одни стали её жалеть, другие – осуждать.

Говорить об этом открыто с Михаилом Савичем никто не решался, зная о его особенностях. Пошушукаются и замолкают.

– Здравствуйте, Михаил Савич, – говорили, как ни в чём не бывало, местные «кумушки».

– Светка-то отца опозорила, кому теперь нужна будет? Такая-то!

– Да никому, знамо дело!

Так прошёл месяц. Старик понимал, что происходит и что говорят. Он чувствовал и за собой вину, но признаваться дочери не хотел.

За две недели до свадьбы Семён додумался до того, что прислал Светлане приглашение. Оно не попало в её руки, его получил старик.

– Каков мерзавец!

Этот факт разозлил его сильно. Местные потом замечали, что таких злых глаз у него никогда не видели.

Свадьба прошла в обычном, весёлом режиме, как это и бывает в России во все времена. Отгремело застолье, началась повседневная жизнь. Молодых определили в новый дом, гости разъехались, и о всех неприятностях за привычными заботами в деревне стали забывать, появились новые темы для сплетен.

Постепенно надвигалась зима, уже были заморозки, затаривались погреба и амбары, создавались запасы. Село готовилось к зиме.

Не забыл об этом только Михаил Савич. Сначала он помог Светлане, «притянув» городского парня и убедившись, что там дело действительно идёт к замужеству, колдун, «отведя черёд», задумал план мести, где измена и насмешка будут ещё не раз всем вспоминаться.

3. Месть колдуна

Прошла неделя с того времени, когда Михаил Савич задумал мечь. Он ещё пока не знал, что будет делать, но то, что дело не обойдётся без магии, было ясно чётко. Неделя размышлений и обдумывания плана привела только к двум вышеуказанным вещам.

С даты свадьбы Семёна и Татьяны прошло уже полгода. По слухам, они жили неплохо.

Чёрная злоба жгла душу колдуна, он решил окончательно на мечь. Приближался день Ивана Купалы, дата, когда ищут папоротник и колдуны собираются в каком-либо доме на свой пир. Сегодняшний Иван Купала отличался тем, что на шабаш должен был быть очень старый и очень сильный маг по кличке Самуэль, о делах которого в колдовском мире ходили легенды.

Итак, неумолимо приближалась эта дата.

Светлана уже жила с городским, выйдя за него замуж, и приезжала к отцу раз в неделю со своим мужем. Старик остальное время жил один, продолжая ходить на ферму.

Наступил день Ивана Купалы. В селе начались массовые гулянья, обливания водой, а ночью все хотели найти папоротник, надеясь на исполнение всех заветных желаний.

В доме, стоящем в лесу на опушке, тоже шли приготовления. Кривая старуха Палашка уже начала накрывать стол, готовясь к приходу дорогих гостей.

– Скоро заявятся! – говорила она, неся поднос.

Палашка давно жила одна в этом доме, ходила в деревню, но все знали, что в её доме раз в году собираются знахари на свой шабаш.

Иван Купала этого года не стал исключением. Дело было к вечеру, когда раздался цокот копыт.

– Встречай гостей, хозяйка! – раздался то ли голос, то ли шипение.

Палашка открыла дверь, на пороге стояли первые гости.

– Как добрались?

– Нормально, Поленька, – ответила ей мадам в синей шляпе.

– Проходите, рассаживайтесь.

Стол уже был практически накрыт. Михаил Савич прибыл одним из последних.

– Начинать пора, – предложила Палашка.

– Рано ещё. Самуэль должен прибыть, – сказал Змей, колдун, получивший такую кличку за свою змеиную натуру.

– Задерживается старик, – добавил другой гость.

Тут дверь открылась, и вошёл с двумя клюшками сторбленный старик.

– Самуэль прибыл, – прохрипел он.

Гости оживились. Самый уважаемый маг прибыл, можно было начинать.

Предстоял обмен мнениями, магическими рецептами, всем, что произошло за год.

Когда всё рассказал Михаил Савич, то мнения были разные – от «она сама виновата», до «наведи на их дом пожар». Шум поднялся невероятный, спор разгорался.

– Тихо! – вдруг «прошипел» Самуэль, до этого молчавший.

Гости утихли.

– Мишка, я вот что скажу. Оба здесь виноваты, но речь не об этом. Пожар – слишком просто. Ты, Михаил Савич, смех наведи, да чтобы на три поколения пошло. И не думай. Это эффективнее пожара будет.

– Твоя мудрость не знает границ! – начали восторгаться Самуэлем.

– А смех ты доведи до абсурда, тогда будет весело. Принеси мой туесок, – сказал он подручному.

Помощник пошёл к лошади и принёс туесок Самуэля.

– Вот возьми его. Пух туда и положишь.

Для несведущего в этих делах человека могу сказать: магическое наведение смеха заключается в следующем – из туеска вынимают перья или пух,

кидая в сторону дома, читают заговор, приводящий к тому, что несколько поколений жителей этого дома будут жить в смехе, т.е. каждое их дело, достижение или оплошность будет по максимуму вызывать в людях смех.

Михаил Савич взял туесок, сев за стол. Шабаш через два часа закончился, все разошлись. Старик отправился домой, держа в левой руке туесок.

– Завтра, – думал он, засыпая. Всё завтра.

На следующий день, встав очень рано, старик положил в туесок перья и отправился к дому Семёна. Дом находился в низине, старик забрался на гору и, читая заговор, стал кидать пух в сторону дома.

Перед работой Михаил Савич увидел родителей Семёна.

– Ваш сын раз посмеялся над моей дочерью. А вот они будут жить, и будут все смеяться.

Старик пошёл дальше. Предстоял обычный колхозный день. Ещё никто не подозревал, что ждёт Семёна с Татьяной в будущем.

4. Смех

Если довести какую-либо из человеческих эмоций до абсурда, то она будет вызывать только боль в душе. Михаил Савич преуспел в этом вопросе, разобравшись с Семёном.

Жизнь всех трёх поколений семьи Семёна была очень «весёлой». Он всю жизнь пил, изменял Татьяне, если работал, то денег ей не давал, они жили в нищете. Когда напивался, он её бил очень жестоко, но жалости в людях не было, всё, что они ни делали, вызывало только смех и ничего больше. Дети, вроде сначала были неплохими, но потерпев ряд неудач, стали никем.

Сын повесился, допившись до белой горячки, оставив жену и дочь. Дочь их, не закончив институт и не выйдя замуж, тяжело заболела и, не пойдя лечиться, умерла в страшных муках. Единственная внучка утонула в «отхожем месте», захлебнувшись.

Жизнь трёх поколений этой семьи напоминала бег по кругу в глубокой яме. Было ощущение, что весь мир, все люди живут где-то, а они загнаны в яму и не вылезают оттуда, а только там копошатся. А люди всё смеялись и смеялись над всем – над походкой и домом, над делами, людьми, предметами.

Давно уже умер Михаил Савич, его дети и внуки, Семён и Татьяна, их дети и внуки. Осталось только место, где когда-то стоял их дом. Он и сейчас там стоит. Унылый, полуразвалившийся. Даже, когда прошёл не один десяток лет, иногда проходящие мимо люди смотрят на него и смеются, даже непонятно над чем именно, но смеются. Вот такой невероятной силой обладало колдовство, когда-то сделанное обычным деревенским конюхом, отомстившим за бесчестье своей дочери.

Полуразрушенный дом так и остался стоять в назидание того, чтобы помнили о порядочности человеческой.

Эпилог

В старые времена были серьёзные специалисты по магии, способные на разные дела.

Сейчас, в период, когда магия стала в широком доступе и превратилась в бизнес, многие знания утеряны безвозвратно. Такого, как раньше, сейчас уже не будет, возможно, будет что-то другое.

Эта история – не вымысел. Все эти люди, представленные под другими именами, существовали, совершая каждый свои поступки. В данном произведении получилась неутешительная, но назидательная история.

Дом Семёна, заросший бурьяном, стоит до сих пор, и нет там никакого покоя. Ночами свистит ветер, слетаются вороны и галки покричать да покаркать.

Только иногда туда приходит один уже немолодой, прилично одетый господин, с тоскою смотрит на заросли, а потом уходит. Кто он? Не знаю. Одни говорят, что это внук Михаила Савича, другие – что он просто историк, занимающийся выдающимися фактами, произошедшими на своей малой Родине.

На самом деле он тот самый ребёнок, родившийся в результате порочной страсти между Семёном и Светланой и проживший, считая своим отцом другого человека, законного мужа Светланы. Только через много лет он узнал всё как есть. Он приходит к развалинам, в его глазах боль и тоска.

Этот человек в тайне надеется, что Бог простил и колдуна – деда, и его беспутного папашу, и мать, и всех, кто имел отношение к этой истории. Он на это надеется, ожидая того, что в лучшем из миров им будет хорошо, не так, как здесь.

Я вернусь, если надо

Утро выдалось не очень. Холодно.

– Вроде лето, но не видно, – думал молодой парень, отправляясь на смену.

Его звали Стас. Он работал администратором в торговом комплексе. За чем? Затем, что лишившись прошлой работы, он нашёл эту, и она ему понравилась больше предыдущей.

День ничего не предвещал. Ни хорошего, ни плохого. Обходы, поиск подозрительных предметов, людей. Вот и вся работа. Но предметы каждую секунду не бывают подозрительными, люди тоже в основном внушают доверие.

Так прошло полдня. После обеда, делая обход, он увидел бухгалтера с какой-то дамой, стоящей рядом. Ничего особенного.

– Женский пол любит потрепаться, – подумал Стас, но волею судьбы прислушался к их разговору.

– И вот, когда мы были на отчетке, у него руки ослабли, но ничего не вышло. Батюшка сказал, что демон остался, – говорила рядом стоящая дама.

– Надо кого-то искать, – ответила бухгалтерша.

– Да кого же найдёшь, специалистов в этом, наверное, уже нет.

– Ты не знаешь. Надо искать.

Тут Стас подошёл к ним.

– Извините, что вмешиваюсь. У вас у кого-то с одержимостью проблемы.

– А вы знаете кого-нибудь в России, кто совершает экзорцизм? – спросила его дама.

– А зачем далеко ходить по России. Пойдём, поговорим, – ответил Стас.

Через 15 минут они уже были на другом этаже.

– Как зовут вас?

– Я Маргарита.

– Меня Стас зовут. Я работаю здесь администратором. Что у вас за проблемы?

– Есть ребёнок у меня. 9 лет. С пяти лет боится находиться в церкви. Ведёт себя неадекватно, боится крестов, святой воды, говорит другими голосами.
 – Все признаки одержимости, – ответил Стас.
 – А вы что, в этом разбираетесь? – спросила Маргарита.
 – Весьма недурно.

Потом они ещё минут 10 поговорили. Стас выяснил подробности всех обстоятельств произошедшего.

– Ладно. Давайте через три дня, я буду свободен. Я готов провести обряд.
 – А получится?

Лицо Марго было наполнено надежды.

– Раньше всегда получалось и сейчас должно, – ответил Стас.

Три дня прошли незаметно. Труды, заботы делают жизнь быстротечной. Стас помнил о том, как убирать одержимость. Ещё в детстве слышал это от своей прабабки.

Кто он был такой? Обычный человек, но... Некоторые члены его семьи занимались белой магией. Он иногда тоже, для собственного удовольствия.

Почему он решился взяться за этот случай? Просто подумал, что неправильно загонять демона в ребёнка, и решил это исправить.

Итак наступил вечер 3-го дня. Муж Маргариты приехал за ним на работу, и они отправились. Забрали её с работы, заехали за Егором (так звали ребёнка) и поехали.

Егор сидел смиренно в детском кресле, Стас – рядом с водителем.

– Сейчас посмотрим нашу проблему, – сказал Стас и обернулся к Егору.

– У меня нет проблем, – ответил тот.

– Зато у меня есть. Карекус мей забир хайн, зибденхай из хайстен зен, – зазвучали слова старого как мир белого заговора.

Тут Егора начало колбасить. Он начал кричать.

– Я из него не выйду, ничего не получится, ты не справишься.

– Справлюсь. Именем Господа гоню тебя. Мей кер карибас...

Так продолжалось 2 часа. Под конец второго часа мальчишка обмяк и закатил глаза. Через минуту очнулся.

– Что случилось? Мне так хорошо.

– Ничего особенного, – ответил Стас, – мы просто по городу катались и всё.

– Мне кто-то сказал, что он за мной вернётся, – сказал Егор.

– Не вернётся, а если вернётся, то и я вернусь, коли надо будет, – ответил Стас.

– Спасибо. Выручил, – сказала Маргарита.

– Я сделал то, что все мои предки веками делали. Ничего особенного, – ответил Стас.

Потом они поехали дальше, отвезли его домой.

Дома были жена, ребёнок. Вечером молодой человек уснуть не мог долго. На него произвело сильное впечатление всё произошедшее. Парень посчитал несправедливым то, что это сделали с ребёнком.

– Хотели бы разобраться, разбирались бы со взрослыми, – думал он уже глубокой ночью, – а тут выходит, что не разобрались, а просто на ребёнке отыгрались. Мелко это всё.

С этими мыслями он уснул. Завтра ждал обычный день. Работа. Дом. Обычная жизнь почти обычного человека.

Огонь или свет

Часть 1. Выбор

1. Тяжёлый разговор

Новое начинать пора. Нет, не убежать от этого. Я тоже решил начать что-то новое, может быть, не самое лучшее, но я постараюсь, чтобы было не самое худшее.

Дорога шла по улице. Дорога – это было просто невероятно. Казалось, что жизнь – это и есть дорога.

По ней шли люди. Они несли крест. Это был крестный ход, который шёл уже длительное время.

Было воскресенье, только что закончилась служба. Священник возглавлял процессию и нёс крест. Зрелище было весьма впечатляющим. Казалось, что сила святого духа идёт вместе с процессией.

В такое время ничего не может просто так казаться. Один из жителей села стоял на пригорке и смотрел на всё это действие. Люди шли за священником.

– Отче наш, иже еси на небесах, да святится имя твое...

Звонкие голоса певчих раздавались на всю округу.

Чёрные мысли терзали жителя деревни. Он был местным колдуном и ненавидел церковь, но ходил смотреть на крестный ход иногда.

Почему он стал таким? Да, ему просто понравилось таким быть, просто понравилось, вот и всё.

Его жизнь когда-то была самой обычной. Ему казалось, что так должно быть. Он жил в селе и был самым обычным крестьянином. Но это было только на первый взгляд.

Колдун постоял и пошёл дальше. Крестный ход тоже направился в церковь обратно. Они были друг от друга так далеко и так близко. Нечисть и слуги Господа с крестом. Придвинуть их – так просто и так сложно.

Сомнения. Сомнения терзали и священника, и чёрного мага. Казалось, что их объединение невозможно, хотя не бывает ничего невозможного.

Священник жил на краю села. Дети, домашние заботы, жена – всё это было как у обычных мирян. Всё точно так. Только было одно. Его тянуло к этому человеку. Да, именно к чёрному колдуну его и тянуло. Почему? Потому что одно без другого никогда не бывает. Зло и добро рядом ходят. Так было и в этот раз. Эти люди даже почти никогда не говорили между собой, но одновременно понимали, что они неразлучны.

Но, это просто небольшое отступление. А сейчас, закончился крестный ход, люди стали расходиться. Священник тоже собирался уходить.

– Благословите, батюшка, – вдруг он услышал голос.

Обернувшись, он увидел человека в старых одеждах. Он был не из местных.

– Заходи, чадо, – сказал поп.

Человек зашёл и встал у входа перед иконой.

Его вид был весьма потрепан. Казалось, что все проблемы жизни, какие только существуют на свете, свалились на этого несчастного человека.

– Исповедоваться бы, батюшка.

– С Божьего благословения.

Священник вернулся с крестом и Библией.

– Я убил человека, – вдруг неожиданно для себя, честно сказал гость.

– Как это произошло?
 – Так вышло. Была драка, я взял его и убил. Тогда мне было всё равно, но сейчас меня гложет совесть.
 – Почему именно сейчас?
 – Я хочу искупить свою вину.
 – Так не совершай больше такого и найди его семью и помоги им, не говори только о том, кто ты будешь.
 – Может быть, вы и правы.

Тяжёлый разговор выдался. Человек, который пришёл, грешен был во многом. На три жизни хватит.

Священник помнил о том, что всяких приходящих принимать надо, что на то он здесь и поставлен.

Но разговор на сердце лёг тяжёлой ношей. Это он хорошо понимал. Человек тот после исповеди ушёл из храма и направился в противоположную сторону от села.

– Даст Бог, и ему будет искупление, – подумал священник.

Он закрыл уже двери и направился в сторону села. Был ещё не совсем вечер, но дело двигалось к нему.

Опять ждал дом, семья, заботы. Но странный человек, который сегодня приходил к нему в церковь, не давал покоя. Священник был уверен, что ещё будет встреча с этим сегодняшним гостем. Но на вечер его мало это интересовало, хотя и не выходило из головы.

Прошла неделя. Ничего не происходило. Но в субботу вечером вдруг пришло известие о том, что куда-то пропал местный колдун, как раз тот самый, наблюдавший за крестным ходом.

– Такие люди просто так не пропадают, – с несгибаемой уверенностью он сказал жене.

– Зачем они все тебе? – ответила та.

– Я не могу по-другому. Увы.

Дальше разговор пошёл ни о чём. Но связь между появлением в церкви странного человека, кающегося в тяжком грехе, и пропажей чёрного колдуна не может быть случайной. В этом он был чётко уверен.

Вдруг перед ним появился туман. Это было по меньшей мере неожиданно. Туман был вязкий и синевато-серый. Всё это увлекало и тянуло за собой.

– Так до дома не доберёшься, – думал он.

Думы, мысли, чувства. Всё вдруг перемешалось. Всё когда-то перемешивается между собой. Так было и в этот раз.

Следующие два дня прошли под этим настроением. Но решение во всём разобраться было в его душе принято окончательно и бесповоротно.

2. Отсижусь у тебя...

День шёл за днём. Неуверенность, полное отсутствие какой-либо логики. Всё это сопровождало его. Он был полностью разбит. Так может быть разбит только тот, кто был когда-то в себе уверен на 200 %. Почему так получилось? Надо было думать, что делать. Может быть, и надо. Только человек был совсем не тем, кем казался. Его разрушили те, от кого он ожидал поддержки, а ожидал он её от тех людей, которым стало всё равно. Увы.

Со временем он озлобился и стал чёрным волшебником. Он творил только зло. Добра в его жизни не было вообще. Постепенно он потерял интерес ко всему, что с ним происходило в жизни.

А теперь он пропал. Может быть, это и было странно для того села, где он жил. Но не для него самого. Он подтолкнул грешника к убийству человека. Да, того самого, который каялся в смертном грехе в церкви. Но маг был трусом, в этот раз он боялся того, что его раскроют и обвинят в этом подстрекательстве, и поэтому он решил скрыться.

Бежать ему было некуда, но он нашёл место.

Когда-то много лет назад он был не таким. Зло ещё не взяло верх над его сердцем, над его душой.

Но, потом всё стало по-другому. Ничего доброго в его душе уже не было, только жестокость и озлобленность на весь мир.

Он сбежал за много километров к человеку, который помнил его другим и не задумываясь принял и спрятал. Волшебник оказался у неё. Да, это была женщина, когда-то была его подругой, но, сейчас – это просто одинокий человек. Всё это когда-то было.

Маг решил у неё отсидеться. Порою жизнь с нами делает невообразимые вещи. Так же произошло и с этим человеком.

Жизнь шла вперёд. Казалось. Опять казалось. Да ничего уже никому не казалось.

– Привет, – сказал он ей в очередной раз, когда у неё появился.

– Что в этот раз натворил? – спросила она взволнованно.

– Ничего.

– Саша, я бы тебе поверила, если бы ты мне это сказал лет 30 назад. Сейчас, увы...

– Я подтолкнул к тому, чтобы убили человека. Я не могу больше всё это выносить и не хочу больше.

– Ты чего это надумал?

– Я покончу с собой. Мир много от этого не потеряет.

– Не нужно. Опять бежишь с поля боя. Опять.

– Я не представляю, как мне жить дальше. Не представляю.

– Исправиться.

– Я отсижусь у тебя, а потом исчезну. Я не хочу больше так жить.

– Саша, перестань. Никаких самоубийств чтобы не было. Ты сильный, ты сможешь исправить всё, что захочешь.

– Не смогу. Да и не хочу уже. Ради чего мне всё это?

Тут открылась дверь и вошла девушка. Он была ещё совсем молода, её волосы свисали по обе стороны плеч.

– Здравствуйте, дядя Саша, – сказала она.

– Это что, Света?

– Да, выросла дочка, – сказала женщина и повернулась к Саше.

– Давай, не виляй-ка.

– Нет, я не выкручиваюсь. Совсем нет, – ответил он и посмотрел в окно.

– Что решил?

– Отсижусь и рвану. Разговор закончен.

– Будешь ждать, когда тот человек пропадёт?

– Да, буду.

Время шло к вечеру. Скоро наступит ночь. Саша не мог признаться никому, даже самому себе, что в глубине души он хочет избавиться от своей прежней жизни и вернуться к более правильной, не такой, как сейчас.

Но, гордость, ощущение того, что он выше всех, не позволяли ему это сделать. Они держали его крепко за горло. Он смирился, со временем перестал

бороться. А потом уже и сил не стало для этого. Так постепенно, более или менее нормальный человек стал тем, кем он стал.

Но он решил не убивать того человека, который в церкви каялся. Проблески света в его душе ещё наблюдались. Иногда такое было и у него.

3. Поиск

Не нужно так было делать, совсем не нужно. Не претендую на что-то большое, а, может быть, и претендую. Казалось, что всё это именно так. Нет, не будет ничего другого.

Такие мысли одолевали чёрного колдуна. Гордыня не позволяла ему сделаться как все. Ему казалось уже совсем другое.

Вдруг он представил свою жизнь с Ольгой, его другого – не делающего зла. Это была его самая нежная мечта. Но, увы, сбыться было не суждено. Так получилось. Пришла озлобленность. Он и раньше баловался магией, но сейчас, последние десять лет, он опустил конкретно и стал отпетым негодяем, полностью подавившим в себе волю к какому-либо сопротивлению. Жизнь шла.

А если посмотреть с другой точки зрения? Другая точка зрения – священник, исповедавший грешника и заинтересовавшийся пропажей чёрного колдуна. Это было тоже очень интересно.

За то время, пока этот отсиживался у своей давней знакомой, священник местной церкви, казалось, был уже на взводе. Его одолевали сомнения и невероятный интерес ко всему тому, что касалось чёрного колдуна.

Он не мог по-другому. Он не смог быть другим. Священник решил, что он его найдёт. Уверенность в том, что есть связь между грешником на исповеди и пропажей чёрного колдуна, его не покидала.

- Перестань, не надо, – его просили дома.
- Я должен. Я должен рушить зло, – говорил на это он очень уверенно.
- Не остановит тебя. Это же опасно?
- Любое зло – это всегда опасно. Я знаю об этом.
- Всё равно ты делаешь своё, – говорила ему жена.

На следующий день он решил, что пойдёт на поиски этого человека, хотя он с трудом представлял, в каком направлении можно искать чёрного мага, куда-то пропавшего при загадочных обстоятельствах.

Наступило утро. Он решил и направился куда глаза глядят в поисках.

Они двое были сходны между собой. Нет, конечно, не делами. Они были сходны другим. Они были сходны некоторыми взглядами на жизнь. Молодой священник уже был в разных кругах немного своим, среди разных людей его знали, среди хороших и не очень.

Поэтому логику таких людей как Александр он более или менее мог разложить.

– Он должен у кого-то отсиживаться, – вдруг к нему неожиданно пришла мысль. Наверное, так и есть.

Священник решил его найти непременно для того, чтобы попытаться вытащить из болота, в которое тот определился. Это вообще была его мечта – приобщить местного колдуна к церкви и чтобы он забросил свои все дела. Но до её осуществления было ещё далеко, он и сам с трудом верил в её осуществимость.

Не надо ничего было делать. Он вдруг вспомнил один давний спор с магом. Это было ещё лет 7 назад, когда тот в разговоре вдруг упомянул Ольгу, и тут

священник вспомнил примерно, где она живёт, и его озарила догадка о том, что колдун может у неё отсиживаться.

4. Схожесть

Трудно, очень трудно. Кажется, что совсем пропали. Ничего не сделаешь. Не выбраться. Кажется, что всё, пришел край. Край действительно пришёл. Стоять там очень тяжело. Было так легко. Как много людей я оставлял голодными, теперь я сам голодный. Не зарекайся, жизнь поднимет планку.

Смотреть на это очень тяжело. Кажется, что теперь уже не выбраться. Но, может быть, это ещё возможно. Попробовать если.

Так рассуждал священник, после того, как выяснил, где скрывается колдун.

Так было и в этот раз. Они были так похожи и так различны. Двое разных и двое сходных по разные стороны баррикады.

Священник утром двинул на поиски. Ему казалось, что теперь-то он будет в полном порядке. Он будет в полном порядке. Кажется, что теперь будет.

Священник знал, где теперь находится колдун и что он будет делать.

- Смогу ли? – думал он, пока шёл.
- Сможешь, – отвечал он сам себе. Он был в этом уверен.

Уверенность наполняла его душу. Он был уверен, просто уверен.

Да, на самом деле, это очень трудно. Стать кем-то. Нет, плохим стать легко, а вот хорошим не так-то легко. Точно это.

Они были схожи между собой и так различны.

Схожесть их была в фанатизме, в преданности своему делу. Преданность делу была очень велика. Только один из них был предан злу, а другой – добру. Вот в чём была разница, большая или меньшая? Конечно, большая.

Но священник был фанатиком и ни на шаг не отступал от этого всего.

Прошло уже полдня, и путь приближался к концу, к завершению.

Шло время.

5. Он с ним встретился

Встреча с похожим. Как две противоположности, как две половинки одного целого. Так произошло и в нашем случае. Нет, это было немного не так.

К полудню священник подошёл к дому женщины в той деревне, в которой прятался колдун. Ему казалось, что теперь он всё решит.

Однако же решить можно только с тем, кто хочет, чтобы с ним чего-то решили.

Так было и в этом случае.

– Хозяева, открывайте, – сказал он, постучав в дверь.

Тяжёлая дверь со скрипом отворилась, и на пороге показался тот самый человек, у которого прятался колдун.

- Где он?
- Кого потерял, батюшка?
- Ты знаешь кого. Он не может вечно прятаться.
- Да, здесь я, здесь, – раздался из другой комнаты голос.

Колдун вышел и появился перед священником. Нет. Он был уже не так могущественен. Скорее он был жалок.

Да, воистину, жалок человек, который, натворивши дел, всего боится, бежит от всех.

Так выглядел и он, появившись перед священником.

– Может быть, поговорим, – предложил батюшка.
 – Пожалуй, – сказал старик, и они прошли в дом.
 – Что думаешь делать теперь?
 – Не знаю.
 – Смотри сам.
 – Мне не будет прощенья, – обречённо сказал уже бывший волшебник.
 – Не тебе решать, что кому будет, – ответил священник, – попробуй, подумай. Не проверишь, не узнаешь.
 – Что делать теперь? Я никогда не жил честно, всю жизнь только колдовал и делал зло.
 – Попробуй. Бог сам решит, что тебе отмерить.
 – Из-за меня погиб человек, я поэтому спрятался, я боялся. Я наводил смерть с помощью магии, я делал только зло.
 Вдруг колдун упал на колени, женщина, у которой он прятался – тоже. Священник обернулся и увидел.
 Картина была удивительна и весьма необычна.
 Сзади стоял ангел, переливаясь очень ярким светом.
 – Чудны дела твои, Господи, – проговорил священник и тоже опустился на колени.

– ИДИ И ИСПРАВЛЯЙ СВОИ ДЕЛА, – проговорил ангел и указал на колдуна.

Тут виденье пропало, все трое встали.

– Я один сошёл с ума или нет, – проговорил колдун.
 – Не сошёл с ума. Мы тоже всё видели, – сказал священник.
 – Я пойду с тобой, – уже более уверенно сказал старик.

Через какое-то время они направились в сторону своей деревни.

Теперь всё будет по-другому. Эта уверенность была у обоих. Такие разные и такие сходные. Их сходство было в их противоположности. А может быть, её и не было, противоположности-то. Кто знает, может быть, и не было.

Нет, всё-таки была. Один когда-то служил злу, конечно, он не переделается в момент, но, другой служил всегда только добру. Один другому поможет. Это было точно.

Перемена уже наметилась.

– Ещё одну душу смогу вытянуть, – подумал священник, и его душа наполнилась не сказать, что радостью, но уверенностью, и от этого ему стало гораздо легче и хотелось парить и куда-то бежать без оглядки.

А теперь они просто шли, и уже вдалеке показались первые дома их деревни.

Ничего особенного, просто дома, просто деревни.

Но там была надежда. Надежда на исправленье. Надежда на что-то лучшее.

6. Начало

Прошла неделя. Ничего не поменялось почти.

Колдун жил своей обычной жизнью, у него ничего не изменилось. Положительная тенденция наметилась только в том, что за это время он не совершил нового зла, перестал колдовать и отказал всем своим клиентам. Это уже было движение вперёд, хотя и небольшое, но это было движение.

Дальше надо было двигаться в каком-то другом направлении, т. е. не только не совершать новое, но и исправлять старое.

Исправлять что-либо всегда сложнее, чем совершать.

Колдун решился на первые шаги. Это было его началом. Началом того, что ему даже было не совсем понятным.

Ночами являлись они. Они призывали вернуться к прошлой жизни, и с ними было удобно.

– Мы верно служили тебе, – шипели демоны каждую ночь, – а теперь ты нас бросаешь ради сомнительного света, который ты даже никогда не видел.

– Он не простит тебя, оставайся с нами, – было на следующую ночь.

Это продолжалось неделю. Сил бороться с ночными гостями уже почти не было. Колдун боролся, но сил почти не осталось.

Вечером в субботу он решился.

– Пойду на службу, может быть, этот поп чего скажет.

Тут неожиданно на его душе стало гораздо легче. Ночью опять приходили демоны, но не смогли ничего сказать. Как будто стена, вставшая перед ними, не дала им ничего сделать.

– Вот она, реальная сила, – подумал колдун сквозь сон уже утром в воскресенье.

Колдун направился в церковь. Чувства были двойными, если не сказать больше. Чувства колыхались в душе. Был страх, что он увидит всех тех людей, которым причинил зло, была уверенность, что он теперь абсолютно другой человек, не такой, как был раньше. Это было весьма необычно.

С такими размышлениями он не заметил, как дошёл до церкви. Оказавшись перед ней, он был уверен, что войдёт без проблем.

Священник увидел пришедшего колдуна. Служба ещё не началась, но люди уже подходили.

– Заходи, – сказал он из дверей церкви.

– Не могу, тяжело мне.

– Не тебе тяжело. Им тяжело, назад тянут. Именем Господа, заходи. Здесь всем кров есть.

С большим трудом колдун зашёл и встал возле дверей.

Вдруг неожиданно нахлынувшие чувства охватили его полностью. Чувство радости и невообразимого восторга.

Колдун вспомнил, как в детстве он был один раз в церкви и уже испытывал такие ощущения. Он был в невообразимом восторге.

– Определённо, я ещё не один раз хочу испытывать эти ощущения, – подумал колдун в этот момент.

Приходили постепенно люди, и началась служба. В людской памяти репутация колдуна была определена очень чётко. Рядом с ним даже не встал никто. Страх в их душах к этому человеку был очень великим. Но это был только страх в душах, который мог постепенно забыться.

Закончилась служба, священник подошёл к нему.

– Они просто так не отстанут, каждое воскресенье приходи сюда.

– Я постараюсь, батюшка, – ответил тот.

7. Огонь или свет

Не смотри на огонь. Понравиться может. Может быть, и не понравится. Огонь разным бывает. Почему разным, а каким? Может быть тепло и свет, а может быть и просто холод, хоть и огонь.

Разрушение и созидание рядом ходят. Чёрт и Бог рука об руку идут. Ходят – только делают разное.

Колдун выбрал свет, исходящий из огня, а не разрушение.

Выбор этот ему дался нелегко. Целая жизнь порою требуется для того, чтобы определить то, что выбираешь. Так было и в этом случае.

Огонь или свет. Как мотылёк выбирай, только не ошибись. Огонь или свет. Что для тебя важно, знаешь.

В глубине души, конечно, знаешь, что правильно. Так что же тебе мешает, человек, выбрать то, что надо?

Гордость – вот что тебе мешает сделать правильный выбор.

Просто – взять и отбросить гордость. Себялюбие тоже не забыть отбросить.

Кому целая жизнь на это потребуется, кому чуть меньше, кому чуть больше целой жизни.

Искусство слова – то, где есть выбор между огнём и светом.

Колдун предпочёл свет, но не холодный, а тот настоящий, который от огня исходит.

Часть 2. Огонь или свет

1. Встреча

Огонёк горел в лесу. Лес был очень красив. Уже наступила зима, ударил мороз, все деревья были в инее. Если смотреть вглубь леса, то там виднелся огонёк.

Снег скрипел под ногами. Скрип, скрип, скрип.

Человек шёл на лыжах по снегу на огонёк. Охотничья сторожка, казалось, была такой близкой и такой далёкой.

– Ничего, сейчас дойду, – думал человек, набирая ход.

Прошло немного времени, и охотник оказался рядом с домиком.

– Странно. Никто из наших не должен был здесь быть. Забрёл кто-то, – подумал молодой охотник и открыл дверь.

Дверь открылась, и перед охотником появился старуха.

– Заходи, добрый человек, – сказала она.

Охотник был весьма удивлён. Он не знал её. В их деревне не было этого человека.

– Кто ты, бабушка? – спросил он, уже оказавшись в сторожке.

– Я живу здесь.

Это выглядело, по крайней мере, очень странно. Охотник не помнил того времени, когда здесь кто-то жил. Жители трёх окрестных деревень уже очень давно использовали этот домик в качестве охотничьего.

– Кто вы, бабушка?

– Я тётка Настя.

Охотник прошёл в дом и сел за стол. Ему вдруг показалось, что он где-то в непонятном месте, как в другом каком-то измерении.

Щи, которые оказались через минуту перед ним, внесли в его душу сомнения. Сомнения заключались в том, с ним ли это всё происходит, с ним или не с ним.

Он пробыл в этом загадочном месте около часа и засобирился дальше. Как только он вышел из сторожки, то увидел, что ничего нет, огонька нет, и домик приобрёл тот вид, который он знал, с покривившейся крышей, без старухи и без половины печки.

Охотник был в полной растерянности, ему уже казалось, что это было не с ним, а с кем-то другим. Всё было как-то по-другому.

Он двинулся дальше. Странное видение полностью пропало, и огонёк больше не появлялся, даже когда с подстреленной лисой он возвращался этой же дорогой в свою деревню.

Всё это было очень странно.

Дома он рассказал о странном приключении, все только удивились, но объяснений не было, потому что никто не знал ничего о том, что это могло быть.

2. Огонь или свет

Охотник всё-таки докопался до истины. Он узнал правду об охотничьем домике и о тётке Насте, которая там ему встретила.

Оказалось, что когда-то их деревня была значительно больше и этот домик был частью улицы. Но был пожар, и часть домов выгорела, а этот домик остался один и постепенно пошёл под охотничий.

В этом доме жила как раз та самая тётка Настя, которая, по местному преданию, осталась там жить и сейчас и иногда является охотникам, туда зашедшим.

Она предпочла свет, исходящий от своего огонька, который еле теплился в её печке. Так она и сделала.

Свет домашней обстановки её прельстил больше, чем свет лучшего мира, чего-то неизвестного. Она предпочла остаться здесь, в огне горящей, чем быть кем-то другим в неизвестном мире.

Выбор огня или света она сделала в пользу света, исходящего от простого огонёчка в печке.

Охотник был весьма удивлён этому всему и иногда задумывался о том, что бы выбрал он.

Не известно никому это. Было бы так. Скорее всего, он бы остался на прежнем месте. Хотя, может, и нет.

Но свет и огонь – они разные бывают, очень разные. Польза или вред человеку, это было непонятно.

Предпочтения каждого разные. Огонь или свет – что-то одно выбирают, только от чего он идёт и к чему приводит, непонятно, в каждом случае по-своему.

3. Самый трудный выбор между огнём и светом

Запутались события, всё переплелось между собой. Где свет, где огонь, всё было перепутано. Чему отдать предпочтение – непонятно и неизвестно.

Самый трудный выбор – когда в результате любого выбора ты можешь быть плохим перед кем-то. Один выбор – ты не угодил кому-то, другой выбор – ты не угодил другим.

Такой выбор делают обычно не простые люди. Выбор будет нужно сделать.

Огонь или свет, нож или яд – всё будет одно – выбор, где ты не будешь для всех хорошим. Этот выбор всегда будет. Стать кем-то и выбрать огонь или свет – самый трудный выбор с непонятным исходом.

Один с другим связан теми или иными событиями, теми или иными отношениями, разрыв которых нежелателен для обоих. Вот тогда выбор между огнём и светом очень труден.

Попытайтесь поруководить кораблём – где каждый из матросов не прост и хочет добиться только своих целей, а надо, чтобы и общие цели были достигнуты.

Выбор между огнём и светом в этой ситуации очень непросто. Свет непонятно от чего и огонь непонятно от чего. Выбор сложен. Но его надо будет делать каждый день, придётся делать каждый день, уввы.

ПОЭЗИЯ

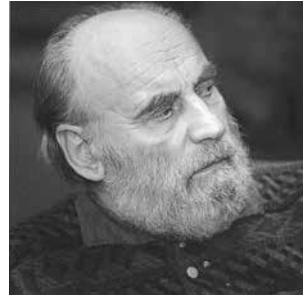
Юрий БОГДАНОВ

ЮРИЙ БОГДАНОВ

Юрий Николаевич Богданов – родился в г. Горьком, окончил музыкальное училище им. М.И. Глинки (1964 г.), Литературный институт им. А.М. Горького (1974 г.). Автор более двадцати книг стихотворений, в том числе «Галактика души» (сонеты), «Музыку небесную я слышу», трёхтомного собрания лирики («Солнцу хвала», «Всевышней любовью», «Лунное затмение»), «Капелью проклянуты чувства», «Поделись надеждой с врагом своим», а также поэм – «Ванька, встанька», «Пётр и Февронья», трагедий «Джульетта», «Морок», «Изпод плинтуса», «Проскурова лаж», «Последний круг» и других. Ю.Н. Богданов секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России, Академик Петровской Академии наук и искусств.

Живёт в Москве.

Святой венец Руси (из короны венков сонетов)

XIII

Вышние силы нас благословляли

15

Вышние силы нас благословляли:
Послали святых к нам, на Русскую Землю –
Безгрешным словам их мы искренне внемлем...
Звёздами светят в космической дали.

За православие твёрдо стояли,
За Церковь святую, единую Русь,
Державе молитвой века помогли –
У них Божьей святости в жизни учусь.

Претерпевали хулу и гоненья
Ради Христа и народа спасенья –
Не станет юдоль бездуховной пустыней.

В людях живёт православие ныне!
Несли нашу веру иным поколениям
И завещали хранить нам святыни.

Вышние силы нас благословляли,

Святой апостол Андрей Первозванный,
Священномученики Ефрем, Василий, Евгений,
Елпидий, Агафодор, Еферий и Капитон,
епископы Херсонские.
Святые равноапостольные первоучители и
просветители славянские Кирилл и Мефодий.
Великая княгиня Ольга, во святом крещении Елена.
Первомученики Феодор и Иоанн Варяжские.
Святитель Михаил, митрополит Киевский.
Преподобный Аркадий Новоторжский или
Вяземский.
Преподобный Авраамий Ростовский.
Георгий Угрин, брат преподобного Ефрема
Новоторжского.
Равноапостольный Великий князь Владимир,
во святом крещении Василий.
Мученики Благоверные князя Борис и Глеб,
во святом крещении Роман и Давид.
Святитель Феодор, епископ Ростовский и Суздальский.
Преподобный Моисей Угрин Киево-Печерский.
Благоверная княгиня Анна, во святом крещении
Ирина Новгородская.
Благоверный Владимир, князь Новгородский.
Преподобные: Ефрем Новоторжский, Варлаам,
игумен Печерский; Иеремия Печерский, Дамиан
Печерский, Антоний Киево-Печерский.
Святитель Леонтий, епископ Ростовский.
Преподобные: Феодосий, игумен
Киево-Печерский; Матфей Печерский,
Благоверный князь Ярополк, во святом крещении
Пётр, Волынский страстотерпец.
Преподобные: Никон, игумен Печерский;
Исаакий, затворник Печерский.
Святитель Иоанн, митрополит Киевский.
Святитель Исаия, епископ Ростовский.
Преподобный Григорий, Печерский чудотворец.
Преподобный Стефан Печерский, епископ
Владими́ро-Волынский.
Преподобный Агапит Печерский, Безмездный Врач.

Послали святых к нам на Русскую Землю

Преподобномученик Евстафий Печерский.
Преподобномученики Василий и Фёдор Печерские.
Преподобный Ефрем Печерский, епископ
Переяславский.

Святитель Савва архиепископ Сурожский.
 Преподобный Григорий иконописец, чудотворец
 Печерский, сподвижник преподобного Алипия.
 Преподобные братья Алфановы: Климент,
 Кирилл, Никифор, Никита, Исаакий.
 Преподобные: Никон Сухой, Печерский,
 Сильвестр Печерский, Макарий Печерский,
 Савва Печерский, Онисим, затворник Печерский,
 Анастасий Печерский, Спиридон и Никодим,
 просфорники и Анатолий Печерские, Феофан,
 постник Печерский, Онуфрий (молчаливый)
 Печерский, Прохор Лебедник, Печерский
 чудотворец.
 Святитель Никита, затворник Печерский,
 епископ Новгородский.
 Преподобные: Пимен Многоболезненный,
 Печерский, Алипий иконописец, Печерский.
 Преподобная Анна Киевская.
 Преподобные: Нестор летописец, инок
 Печерский, Исаия, Печерский чудотворец.
 Святитель Мина, епископ Полоцкий.
 Святитель Амфилохий, епископ
 Владимиро-Волынский.
 Преподобные священномученик Кукша и
 Пимен Постник, Печерские.
 Святитель Феоктист, епископ Черниговский.
 Преподобные: Марк Гробокопатель, Иоанн и
 Феофил Плачливый, иноки Печерского монастыря.
 Благоверный князь Константин и чада его
 Михаил и Феодор Муромские чудотворцы.
 Благоверный Великий князь Киевский Мстислав I,
 во святом крещении Феодор, Владимирович.
 Благоверный князь Всеволод, во святом
 крещении Гавриил, Псковский.
 Преподобный Никола Святоша, князь
 Черниговский, Печерский чудотворец.

Безгрешным словам их мы искренне внемлем...

Блаженный Игорь, Великий князь Черниговский и
 Киевский.
 Преподобный Атоний Римлянин, Новгородский
 Чудотворец.
 Преподобный Онисифор Печерский, прозорливый.
 Преподобный Мартин Туровский.
 Святитель Нифонт, епископ Новгородский.
 Преподобный Авраамий Мирожский.
 Блаженный Константин, митрополит Киевский.

Преподобные: Еразм Печерский, Иоанн
 Многострадальный, Киево-Печерский.
 Святитель Аркадий, епископ Новгородский.
 Благоверный Великий князь Ростислав, во святом
 крещении Михаил, Киевский и Смоленский.
 Преподобный Арефа Печерский.
 Святой благоверный Глеб, князь Владимирский.
 Преподобная Евфросиния, игуменья Полоцкая.
 Благоверный Великий князь Андрей Боголюбский.
 Преподобный Афанасий, Затворник Печерский.
 Преподобный Герасим Вологодский.
 Благоверный князь Мстислав, во святом крещении
 Георгий, Храбрый, Новгородский и Смоленский.
 Святитель Кирилл, епископ Туровский.
 Преподобный Поликарп, архимандрит Печерский.
 Преподобный Никита, Столпник Переяславльский.
 Святитель Иоанн, архиепископ Новгородский.
 Преподобный Илия Муромец, Печерский.
 Преподобный Тит, пресвитер Печерский.
 Преподобный Варлаам Хутынский.
 Святитель Лаврентий, затворник Печерский,
 епископ Туровский.
 Преподобный Авраамий Трудолюбивый, Печерский.
 Благоверный князь Олег Брянский.
 Благоверный князь Владимир и благоверная
 княгиня Агриппина, Ржевские чудотворцы.
 Преподобный Лука, эконом Печерский.
 Преподобные Константин и Косма
 Косинские, Старорусские.
 Преподобный Мардарий, затворник Печерский.
 Святитель Иоанн, епископ Ростовский.

Звёздами светят в космической дали

Преподобный Авраамий Смоленский.
 Преподобный Антоний Дымский.
 Святитель Симон, епископ Владимирский и
 Суздальский,
 Благоверные князь Пётр, в иночестве Давид, и
 княгиня Феврония, в иночестве Евфросиния,
 Муромские чудотворцы.
 Мученик Авраамий Болгарский.
 Благоверный князь Феодор Новгородский.
 Преподобный Ефрем Смоленский.
 Мученик Меркурий Смоленский.
 Благоверный князь мученик Василий (Василько)
 Ростовский.

Благодарный великий князь Георгий (Юрий)
 Всеволодович, Владимирский, мученически
 убиенный на реке Сити.
 Благодарная княгиня мученица Евпраксия Псковская.
 Блаженная Великая княгиня Феодосия.
 Мученики и исповедники: благодарный князь
 Михаил и боярин его Феодор, Черниговские
 Чудотворцы.
 Благодарный князь Василий Ярославский.
 Преподобномученик Елисей Лавришевский.
 Преподобная Евфросиния Суздальская.
 Благодарный князь Святослав, во святом
 крещении Гавриил, Юрьевский и сын его Димитрий.
 Благодарный князь Константин Ярославский.
 Преподобный Ксенофонт Робейский.
 Благодарный Великий князь Александр Невский.
 Мученик Благодарный князь Роман (Ольгович)
 Рязанский.
 Святитель Серапион, епископ Владимирский.
 Преподобный Киприан Устюжский.
 Преподобная Харитина Новгородская (Литовская).
 Благодарный князь Роман Угличский.
 Святитель Игнатий, епископ Ростовский.
 Святитель Симеон, епископ Полоцкий,
 епископ Тверской.
 Преподобный Пётр, Царевич Ордынский.

За православие твёрдо стояли,

Святитель Василий, епископ Рязанский.
 Память Псковских угодников: преподобных
 Иоасафа Снетногорского и Василия Мирожского и
 дружины их.
 Благодарный князь Феодор Ярославский чудотворец.
 Благодарный князь Довмонт, во святом крещении
 Тимофей, Псковский.
 Преподобные: Захария Постник, Печерский, Симон
 Радонежский, Афанасий и Феодосий Череповецкие,
 Тит Печерский, бывший воин, Макарий Писемский.
 Преподобная Марфа Псковская.
 Благодарный князь Константин Ярославский
 чудотворец.
 Преподобные Варлаам и Гедеон Серпуховские.
 Благодарный князь Даниил Московский.
 Праведный Прокопий, Христа ради юродивый,
 Устюжский чудотворец.
 Святитель Максим, митрополит Киевский и
 Владимирский.

Святитель Феоктист, архиепископ Новгородский и
 Псковский.
 Мученик Благодарный князь Михаил Тверской.
 Благодарный князь Давид Ярославский чудотворец.
 Святитель Пётр, митрополит Московский и
 всея Руси, чудотворец.
 Святой благодарный князь Феодор Стародубский.
 Преподобные схимонах Кирилл и схимонахиня
 Мария, родители Преподобного Сергия Радонежского.
 Преподобная Анна Кашинская.
 Святые мученики Литовские (Виленские) Антоний,
 Иоанн и Евстафий.
 Преподобные Сергей и Герман, Валаамские чудотворцы.
 Святитель Феогност, митрополит Киевский и
 Владимирский.
 Святитель Моисей, архиепископ Новгородский.
 Преподобный Кирилл Чешский (Челмогорский).
 Святитель Иоанн, епископ Суздальский.
 Преподобный Авраамий Галичский или Чухломский.

За Церковь святую, единую Русь,

Святитель Алексей, митрополит Московский и
 всея Руси, чудотворец.
 Преподобная Феодора, в миру Анастасия (Васса),
 Нижегородская.
 Преподобный Сильвестр Обнорский.
 Преподобный Пахомий Нерехтский.
 Святитель Дионисий, архиепископ Суздальский.
 Преподобный Михей Радонежский.
 Благодарный Великий князь Димитрий Донской.
 Преподобный Мефодий, игумен Пешношский.
 Преподобный Димитрий Прилуцкий, Вологодский.
 Преподобный Сергей, игумен Радонежский, игумен
 Земли Русской и всея России чудотворец.
 Святитель Иаков, епископ Ростовский.
 Блаженный Феодор Новгородский, Христа ради
 юродивый.
 Преподобный Роман Киржачский.
 Преподобные Кассиан и Григорий Авнежские.
 Блаженный Николай Кочанов, Христа ради
 юродивый, Новгородский чудотворец.
 Преподобный Афанасий (младший), игумен
 Высоцкий.
 Преподобный Андроник Московский.
 Святитель Феодор, архиепископ Ростовский.
 Святитель Стефан, епископ Великопермский.

Святой Благоверный князь Андрей Смоленский,
Перяславский чудотворец.
Преподобные Лазарь и Афанасий Мурманские.
или Муромские.
Преподобный Андрей Рублёв, иконописец.
Праведные Антоний и Феликс, местно чтимые.
Блаженный Георгий, Христа ради юродивый,
Шенкурский чудотворец.
Преподобные: Амфилохий и Тарасий Глушицкие;
Иаков Брылеевский, Иоанн Галичский, Игнатий,
игумен Спасо-Елеазаровский; Марк, Иона и Васса
Псково-Печерские, Феодор и Павел Ростовские.
Блаженный Василий Вологодский, Кубенский.
Преподобные: Никифор Калужский, Моисей
Белоезерский, Авраамий и Коприй Печенгские.

Державе молитвой в веках помогли

Корнилий и Авраамий Палеостровские, Елеазар и
Назарий Олонецкие.
Преподобные Тверские: Варсонофий, Савва,
Савватий и Евфросин.
Преподобные: Афанасий (Старший), игумен Высоцкий,
Кириак Каргопольский, Евфимий, архимандрит
Суздальский.
Мученица благоверная княгиня Иулиания Вяземкая,
Новоторжская чудотворица.
Святитель Киприан, митрополит Московский,
всея России чудотворец.
Преподобный Стефан Махрицкий.
Преподобный Савва Сторожевский
или Звенигородский.
Преподобная Евфросиния, в миру Евдокия,
Великая княгиня Московская.
Святитель Арсений, епископ Тверской.
Преподобные: Савва Московский, Феофил и
Иаков Омучские; Сергей Нуромский.
Преподобный Никон, игумен Радонежский,
Ферапонт Белоезерский, Кирилл, игумен
Белоезерский; Павел Комельский или Обнорский.
Святитель Дионисий, архиепископ Ростовский.
Священномученик Патрикий Владимирский.
Святитель Фотий Московский, митрополит
Киевский и Владимирский.
Блаженный Максим, Христа ради юродивый,
Московский чудотворец.
Преподобные: Савватий Соловецкий, Евфимий,
просветитель Карелии, Дионисий, игумен

Глушицкий; Александр, игумен Куштский.
Святитель Герасим, епископ Пермский.
Преподобные: Григорий Пельшемский, Иаков
Железоборовский, Варнава Ветлужский, Арсений
Коневецкий (Коневский).
Святитель Ефрем, архиепископ Ростовский.
Святитель Питирим, епископ Пермский.
Преподобный Михаил Клопский, Христа ради
юродивый.

У них Божией святости в жизни учусь

Преподобный Иоасаф Каменский или
Спасокубенский, Вологодский чудотворец.
Преподобный Филипп Рабангский.
Святитель Евфимий, архиепископ Новгородский.
Преподобные Паисий Галичский, Савва,
Вишерский столпник, Новгородский чудотворец.
Святитель Иона, митрополит Московский и
всея России, чудотворец.
Преподобный Варлаам Важский или Шенкурский.
Святитель Трифон, епископ Ростовский.
Святитель Иона, архиепископ Новгородский.
Преподобный Евфимий Сянжемский.
Святитель Иона епископ Пермский.
Священномученик Исидор Пресвитер и
иже с ним 72 мученика Юрьевских.
Блаженный Исидор Твердислов, Христа ради
юродивый, Ростовский чудотворец.
Преподобный Иларион Псковоезерский, Гдовский.
Преподобные: Пафнутий Боровский, Зосима,
игумен Соловецкий, Герман Соловецкий,
Александр Ошевенский, Макарий Глушицкий,
Серапион Спасоелеазаровский, Евфросин,
во Святом Крещении Елеазар, Псковский,
Антоний Краснохолмский.
Святитель Вассиан I, архиепископ Ростовский.
Преподобный Досифей Верхнеостровский.
Преподобный Макарий Калязинский.
Преподобный Мартиниан Белоезерский.
Святитель Геронтий, митрополит Московский.
Преподобные: Тихон Медынский или Калужский,
Ефрем Перекомский, Косьма Яхромский, Леонтий
Караховский, Нектарий Бежецкий.
Блаженный Иоанн, Христа ради юродивый,
Устюжский чудотворец.
Преподобный Савва Крыпецкий (Псковский).
Священномученик Макарий, митрополит Киевский.

Преподобные: Иаков Галичский, Онуфрий и Авксентий Мальские Псковские; Христофор Сольвычегодский или Коряжемский, Елисей Сумский, Соловецкий Подвижник.

Претерпевали хулу и гоненья

Афанасий Свирский, Евфимий Архангелогородский, Антоний Черноезерский, Варлаам Керетский, Никандр Городноезерский, Онуфрий и Авксентий Перцовские, Вологодские; Александр Вочский, Галичский, Даниил Шужгорский, Киприан Сторожевский, Себастиан Пошехонский, Тихон Луховский, Макарий Желтоводский, Унженский, Паисий Угличский, Кассиан Угличский или Учемский.

Праведная дева Иулиания, княжна Ольшанская. Святитель Геннадий, архиепископ Новгородский. Преподобные: Галактион Белоезерский, Нил Сорский, Вассиан Угличский, Харитон Сянжемский, Иоаким Опочский.

Блаженный Лаврентий Калужский, Христа ради юродивый.

Преподобный Иосиф, игумен Волоцкий или Волоколамский чудотворец.

Святитель Серапион, архиепископ Новгородский. Преподобные: Давид Серпуховской, Геннадий Важеозерский (Олонецкий), Иннокентий Вологодский и Комельский.

Благоверный князь Иоанн Угличский, в иночестве Игнатий, Вологодский чудотворец.

Праведная Гликерия дева, Новгородская.

Преподобные: Пахомий, Кенский чудотворец, Филипп Ирапский.

Мученик Иоанн Казанский.

Преподобные: Кирилл Новоезерский (По прозванию Белый), чудотворец, Макарий Оредежский, Александр Свирский, Иона Климецкий, Корнелий Комельский, Кассиан Комельский, Лонгин Коряжемский, Даниил Переяславский, Иродион Илозерский, Стефан Комельский или Озерский.

Преподобная София, Суздальская чудотворица.

Преподобные Иоанн и Лонгин Яренгские или Соловецкие.

Праведный Армий Веркольский.

Преподобные: Лаврентий Комельский, Зосима.

Ради Христа и народа спасенья

Ворборзомский, Афанисий Сяндемский, Арсений Комельский, Адриан Ондрусовский, Макарий Римлянин.

Преподобномученик Адриан Пошехонский.

Мученики Пётр и Стефан Казанские.

Праведный Василий Блаженный, Христа ради юродивый, Московский чудотворец.

Преподобные Нил Столбенский, Герасим Болдинский.

Святитель Иоасаф, митрополит Московский.

Преподобные: Максим Грек, Антоний Сийский, Никифор Важеозерский (Олонецкий).

Подобные Иона и Вассиан Пертоминские или Соловецкие.

Преподобный Симон Сойгинский.

Святитель Гурий, архиепископ Казанский.

Святитель Макарий, митрополит Московский и всея Руси.

Преподобный Геннадий Костромской.

Святитель Герман, архиепископ Казанский.

Преподобный Феодосий Тотемский (Суморин), Святитель Филипп, митрополит Московский и всея Руси, чудотворец.

Преподобномученик Корнилий Псково-Печерский.

Преподобный Арсений Новгородский.

Праведные отроки Иаков и Иоанн Менюжские.

Святитель Варсонофий, епископ Тверской.

Блаженный Николай Салос Псковский, Христа ради юродивый.

Преподобный Кирилл Астраханский.

Блаженный Иоанн Власатый, Христа ради юродивый. Ростовский чудотворец.

Преподобный Никандр Пустынножитель, Псковский чудотворец.

Преподобные: Анания Новгородский,

Трифон Кольский или Печенгский.

Блаженный Симон Юрьеveckий, Христа ради юродивый.

Преподобные: Агапит Маркушевский, Сергей Малопиневский.

Не станет юдоль бездуховной пустыней

Блаженный Иоанн, по прозванию Большой Колпак, Христа ради юродивый, Московский чудотворец.

Преподобный Игнатий Ломский.

Благодарный Царевич Димитрий Угличский и
 Московский чудотворец.
 Преподобный Ферапонт Монзенский.
 Праведный Прокопий Устьянский (Устьянский).
 Праведный Афанасий Наволоцкий.
 Преподобный Иона Яшезерский.
 Праведный Василий Мангазейский (Туруханский).
 Преподобный Мартирий Зеленецкий.
 Праведная Иулиания Лазаревская.
 Святитель Иов, Первый Патриарх Московский
 и всея Руси.
 Преподобномученица игуменя Анастасия и
 с нею 35 монахинь.
 Преподобные: Сергей Шухтомский (Шухтомский),
 Серапион Кожеезерский, Иосиф Заоникиевский.
 Священномученик Ермоген (Гермоген), Патриарх
 Московский и всея России, чудотворец.
 Преподобномученик Гаклактон Вологодский.
 Преподобные Евфросин Синозерский или
 Новгородский, Трифон, архимандрит Вятский,
 Антоний Леохновский, Иоанн, затворник
 Псковский, Иринарх, затворник Ростовский.
 Праведная София, княгиня Слуцкая.
 Преподобные Адриан Монзенский, Поликарп
 Брянский.
 Блаженный Киприан, Христа ради юродивый,
 Суздальский чудотворец.
 Преподобный Макарий Жабынский,
 Белевский чудотворец.
 Преподобный Вассиан Тиксненский.
 Блаженный Прокопий Вятский, Христа ради
 юродивый.
 Преподобные: Иринарх, игумен Соловецкий,
 Иов Ущельский, Дионисий Радонежский,
 архимандрит Свято-Троицкой Сергиевой Лавры,

В людях живёт православие ныне

Диодор (Дамин), Юрьегорский, Никодим
 Хозьюгорский или Кожеезерский.
 Преподобномученик Симон Воломский.
 Преподобномученик Афанасий Брестский.
 Праведный Максим, Христа ради юродивый,
 иерей Тотемский.
 Преподобный Иов, игумен Почаевский.
 Святитель Серапион, митрополит Сарский и
 Подонский.
 Святитель Афоний, митрополит Новгородский.

Святитель Афанасий, патриарх Константинопольский,
 Лубенский чудотворец.
 Преподобные: Лукиан Александровский,
 Леонид Устьнедумский, Елеазар Анзерский,
 Филипп Янковский, Сухонский, отрок схимонах
 Боголеп Черноярский, Астраханский.
 Страдание Священномученика Иосифа,
 митрополита Астраханского.
 Блаженный Андрей Тотемский, Христа ради
 юродивый.
 Преподобномученик Макарий, архимандрит
 Овручский и Каневский.
 Святой мученик Павел Русский.
 Святой мученик младенец Гавриил
 Белостокский.
 Преподобный Корнилий Переяславский.
 Святитель Феодосий Углицкий,
 архиепископ Черниговский.
 Святитель Питирим, епископ Тамбовский.
 Блаженная Ксения Петербургская,
 Христа ради юродивая.
 Святитель Митрофан, епископ Воронежский.
 Святитель Иларион, митрополит
 Суздальский и Юрьевский.
 Святитель Димитрий, митрополит Ростовский.
 Святитель Иоанн, митрополит Тобольский и
 Сибирский.
 Преподобный Иов Анзерский.
 Преподобномученик Пахомий.

Несли нашу веру иным поколениям

Праведный Иоанн Русский, новый исповедник.
 Святитель Иннокентий, епископ Иркутский.
 Священномученик Констанций Русский.
 Святитель Иоасаф, епископ Белгородский.
 Святитель Павел, митрополит Тобольский и
 Сибирский.
 Святитель Софроний, епископ Иркутский.
 Святитель Тихон Задонский, епископ
 Воронежский.
 Преподобный Паисий Величковский.
 Преподобный Серафим Саровский, чудотворец.
 Преподобный Герман, Аляскинский, чудотворец.
 Святитель Мелетий, архиепископ Харьковский и
 Ахтырский.
 Святитель Филарет, митрополит Московский и
 Коломенский.

Святитель Игнатий (Брянчанинов), епископ
Кавказский и Черноморский.
Святитель Иннокентий, митрополит
Московский и Коломенский.
Преподобный Амвросий Оптинский.
Святитель Феофан, затворник Вышенский.
Праведный Иоанн Кронштадтский.
Равноапостольный Николай, епископ Японский.
Священномученик Иоанн (Кочуров), протоиерей.
Священномученик Владимир, митрополит
Киевский и Галицкий,
Царственные мученики.
Преподобномученицы Великая княгиня
Елисавета и инокиня Варвара.
Мученик Иоанн.
Священномученик Вениамин, митрополит
Петроградский и Гдовский.
Мученик Иоанн.
Священномученик, архимандрит Сергей.
Святитель Тихон Исповедник, Патриарх
Московский и всея Руси.
Священномученик архиепископ Фаддей.
Священномученик Протопресвитер
Александр (Хотовицкий).
Священномученик митрополит Пётр.
Преподобный Силуан Афонский...
И многие... многие... многие...

И завещали хранить нам святыни

XIV

И завещали хранить нам святыни

1

И завещали хранить нам святыни.
Чтобы забыть не посмели – кто мы.
Вере своей неуклонно верны –
Наши сердца за века не остыли.

А пращуры жили не на авось:
Праздных дорог никогда не искали.
В радости, горести, смертной печали
Вёл за собою по жизни Христос.

Отчизну любили, как строгую мать,
Не знали, как можно святое предать –
За Родину многими жизнь отдана.

Да чтобы потомки святыни хранили,
Святые им дали духовные крылья
Во имя России на все времена.

2

Во имя России во все времена
Нам помогала Сама Богородица:
Над Русью покров распростёрла Она –
Святые в раю за народ русский молятся,

Просят от всяческих бед защитить
Землю, где в душах живёт православие:
Надо всем сердцем его возлюбить,
Чтоб Богородица нас не оставила.

Дабы вражины народ не стубили,
О вспоможеньи святыне молили –
В час неурочный являлась Сама:

Словом на истинный путь наставляла,
В души небесные мысли вселяла –
Держава молитвами их создана.

3

Держава молитвами их создана:
Не по наитью – по Божией воле.
Вере чужой не подвластна, вольна –
Приняли предки суровую долю.

Если случалась неожиданно беда,
Колокола призывали на битву:
Сломить не смогли крестоносцы, Орда
Воинов дух во единой молитве.

Шли на врага, не жалея живот:
Жертву за веру Господь не отринет –
В памяти вечной их подвиг живёт.

Нас никому никогда не согнуть.
Знали: молитвой сплочённая Русь –
Богохраняемая присно и ныне.

4

Богохранимое присно и ныне,
Наше Отечество – гордость и боль.
«...Да ни с какою страной несравнимо» –
Слышу сквозь тучи небесный глагол.

О нашей духовности думали предки,
Чтоб горькой не стала России судьба...
Не растащили Державу едва
По закоулкам безбожные детки.

Матушку Русь очернить не посмею:
С юных годов, как у пращуров, с нею
Переплелась и судьбина моя.

В тюрьмах томились, терпели в опале,
Но Церкви Христовой не изменяли
Простолюдины, монахи, князья.

5

Простолюдины, монахи, князья
Русь охраняли от злобных наветов,
Эта сплочённая верой семья,
Помнила предков святыя заветы:

С Молитвой Христа совершали дела!
И отступали коварные бесы...
Она за собой в поднебесье вела –
Солнцем всходила из тёмного леса.

Ликом иконы им виделась Русь
На освящённой молитвой дороге –
Я вместе с ними иконе молюсь.

Святыя молились за Русь «*во вся дни*»!
За нас неразумных и грешных они
Верой и правдой служили во Боге.

6

Верой и правдой служили во Боге
Воцерковлённые люди Руси,
Каноны блюли по церковному строго:
Мысль о безбожье была не в чести.

В храм на причастие с детства ходили
Души свои очищать от грехов:

Службы церковные радость дарили,
Освободив от сердечных оков.

В эти счастливые Божьи мгновенья
Слышали ангелов тихое пенье –
И в небесах открывались чертоги.

Не омрачала вселенская грусть:
Крепла века православная Русь –
Не было в душах за веру тревоги.

7

Не было в душах за веру тревоги:
В «Красных углах» огонёк не потух...
Боялись греха до последнего срока,
По смерти – души нескончаемых мук.

Истинно чтили священнослужителей,
Клали поклоны смиренно кресту,
Завсе крестились русские жители,
Церковь завидев ещё за версту.

Сызмальства пост нарушать не привыкли,
Сонму святых возносили молитвы,
О днях грядущих сердечно моля.

И сохранили навеки Державу,
Не посрамили мы пращуров славу...
(Буквой в молитве хотел бы стать я).

8

Буквой в молитве хотел бы стать я
В наидревнейшем святом алфавите:
Не затеряться в потоках событий,
Как не забытая Богом Земля.

Я не давал предусердных обетов,
Но до последних оставшихся дней,
По силам вношу свою малую лепту
Для возвышенья России моей.

Ведь на неё и сегодня нападки,
Коими я прямо в сердце раним –
Никем от неё я неотделим!

В разное время не всё мирно было,
Но Богородица нас возлюбила –
Горек и сладок Отчества дым.

9

Горек и сладок Отчества дым.
Нас не страшили эпох перемены:
Мелких людишек слепые измены
В души вбивали сомнения клин;

Водили окольно бесовским посулом,
Пустыми словами в тимпаны бия,
Вершили срамные делишки под спудом, –
И всё выносила родная земля.

Но чтобы земля иная не стала,
Мы, как святые, за веру стоим –
Вырвем у Змея смертельное жало

И православие не предадим:
Державу оно не однажды спасало –
Нашу Россию мы свято храним.

10

Нашу Россию мы свято храним:
В песнях народных любовно лелеем,
Но не чураемся древних поверий –
Во здравие люда молебны творим.

Священство с душой провещало народ –
Для Церкви он был постоянной опорой,
Его не сломили ни войны, ни горе,
Времени разрушительный водоворот.

Строили храмы, иконы писали
И неразумных воцерковляли!
Молитвой Державу навеки сплотили

И в обозначенной Божией дали
Молили Христа в небесах все святые,
Чтобы заветы мы в жизнь воплотили.

11

Чтобы заветы мы в жизнь воплотили,
Нам и сегодня идти за Христом –

Строить с молитвами будущий дом
В душах людей православной России,

Не заблудиться в туманном пути
На перекрестках жестокого века:
Без веры в Христа невозможно прийти
К Богу в душе самому человеку.

Спаситель беду от страны отведёт,
Когда наш правитель за Ним поведёт,
Дабы увидеть божественный свет!

Пусть каждый приложит велико усилий
В сравненье с сим днём не узнаем Россию –
Верю: пройдёт ещё несколько лет.

12

Верю: пройдёт ещё несколько лет –
И воссияет, как солнце, духовность,
Напрочь исчезнет лихая безбожность,
Русская правда избавит от бед.

Горнею Русь сотворил Вседержитель,
В вере, делах, стать святым мог любой!
Наша Россия – святая обитель
Восстала из праха – небесно-земной.

От патриархов и до иереев –
Людям несли православную веру:
Для нас благодатное время грядет.

Мы не погрузимся в тьму одичанья,
Бог уведёт в небеса от отчаянья –
Вижу Державы великий расцвет.

13

Вижу Державы великий расцвет.
С любовью возводятся новые храмы –
Небесную твердь освещают крестами
И над Россией плывёт благовест.

Подвижники Церкви воспряли в стране:
В храмы идут малолетние дети;
Их обойдут стороной лихолетья,
Родившихся с верою в солнечном дне

И сохранивших души чистоту...
На стойкость и верность Иисусу Христу
Святые народ наш благословили.

В сердца не проникнет пугающий бес,
Мы донесём с верой жизненный крест –
Господи, дай нам небесные силы.

14

Господи, дай нам небесные силы,
Чтобы заветы в веках сохранить,
Не порывая духовную нить
Ради великих свершений России.

Вражьи силы различных мастей
Церковь в покое досель не оставили,
Но не убьют честь и совесть людей
Верящих днесь в **Торжество Православия**.

Откроет ли физик Всевышнего тайну?
Поймём ли Божественный смысл Мирозданья?
Но с Церковью Божьей Россия не сгинет.

Святые средь люда по святости жили,
За веру в Христа жизнь свою положили
И завещали хранить нам святыни.

15

И завещали хранить нам святыни
Во имя России на все времена.
Держава молитвами их создана:
Богохраняемая присно и ныне.

Простолюдины, монахи, князья
Верой и правдой служили во Боге –
Не было в душах за веру тревоги.
(Буквой в молитве хотел бы стать я).

Горек и сладок Отечества дым –
Нашу Россию мы свято храним,
Чтобы заветы мы в жизнь воплотили.

Верю: пройдёт ещё несколько лет –
Вижу Державы великий расцвет:
Господи, дай нам небесные силы!

XV

Магистральный венок

1

**Святая равноапостольная
великая княгиня Ольга**

Господи, дай мне небесные силы
Бросить сквозь вечность очищенный взор
В неразличимые древние были,
Души тревожащие до сих пор.

Здесь обретали Святую Державу:
Призраком сгинет языческий чад.
В храмах Христа в тихом свете лампад
Петь будут Ольге молитвенно славу.

Бога живого возлюбит душой –
К вере Спасителя мы прикипели,
Да не снискали безбожный уют.

Век сей таинственный был очень крут.
Ольгину святость в грядущем узрели
Очи провидцев в юдоли земной.

2

**Святой равноапостольный
великий князь Владимир**

Очи провидцев в юдоли земной
Заполонило кровавым потоком:
Старшие братья Олег с Ярополком
Власть не смогли поделить меж собой.

Бился Владимир за сильную Русь:
Тьму победит он в духовном сраженье,
Сбросит с народа язычества груз
И приведёт ко Святому Крещенью.

Общая вера – Державы оплот –
Слову Владимира русичи внемлют,
Русь собирает славянские земли!

Боже, не дай, чтобы нас погубили –
Да сохрани православный народ:
С верой в Тебя наши пращурь жили.

3

**Святые благоверные князя-страстотерпцы
Борис и Глеб**

С верой в Тебя наши пращуры жили:
Пахарь, дружинник, чернец и князя
К вере Христовой душой не остыли –
В небо торилась молитвой стезя.

Но смерть вилась над Борисом и Глебом:
Дерзких убийц подослал Святополк,
Знать не вкусил он духовного хлеба,
Крови алкал, аки бешеный волк.

Глеба сгубить окаянный решился...
С жахом лишения власти не свыкся –
Братьям грозил разореньем, войной.

Глеб и Борис были Богу желанны:
Жаждали жить со Христом покаянно,
Правды в сердцах не искали иной.

4

**Святой благоверный великий
князь Андрей Боголюбский**

Правды в сердцах не искали иной
Верные любой Отчизне и Богу:
Не заносились от славы мирской,
Шли, как и пращуры, горней дорогой.

Князь о единстве Державы мечтал:
В людях крепил православную веру.
Дух не страшили чумные химеры –
Истинно Бога душой почитал.

Волей Всевышнего свято прозрел
Вечной России сулимый удел...
Генная память подспудно, незримо

В наших сердцах неизбывно живёт.
Солнышком входит в ночной небосвод
Образ Руси Святой, неодолимой.

5

**Святой благоверный великий князь
Александр Невский**

Образ Руси Святой, неодолимой
Боготворил Александр, как мать!
В схватках с вражинами непобедима
С верой в Христа православная рать.

Князево войско на правую сечу
Вышло в поход, чтоб врага отразить.
Славою путь ратоборца увенчан.
Обликом – недругов мог восхитить!

Да не закончена с немцем война:
Мы поднялись на жестокую битву, –
В сече за Русь каждый мне кровный брат.

Воздана миру большая цена!
Подвиги князя в веках не забыты –
Дух укреплял наш во тысячу крат.

6

**Святой благоверный великий
князь Даниил Московский**

Дух укреплял наш во тысячу крат
Облик божественного ратоборца.
Долю Руси сыны князя вершат,
Взращённые духом россос питомцы.

Стычки велись за Владимирский стол:
Меньшому приспели зрелые сроки –
Предотвращал среди братьев раскол.
Москву явит Бог духовным истоком.

Правою верою люд укреплял,
Жизнью услугу Руси оказал:
Думы о будущем были сулимы.

Сделал великой столицей сей град,
Во славу Господа церкви звонят.
Истинно каждым Отчизна любима.

7

Святитель Пётр Московский
Святитель Алексей митрополит Московский

Истинно каждым Отчизна любима –
Будь то протест или митрополит.
Пётр у завистников будет хулимым,
Знал: для России Москву отстоит.

Успенский собор заложили в Кремле.
В помощь Руси Бог послал Алексея,
Чтоб не погибла Держава во зле.
...И отошли времена роковые.

Просил Джанибек исцелить Тайдулу:
Любовью смирил Золотую Орду.
...Бранные замыслы ханы таят!

Пётр с Алексием – наши святители –
Жили с великой верой в Спасителя.
Чу! Небеси во вселенной звонят.

8

Святой благоверный великий князь
Димитрий Донской

Чу! Небеси во вселенной звонят:
Княжич Димитрий сердцем внимает.
Жён в помощь воинам благословляют.
...Но злобные недруги скверны чинят.

Карал князь изменников лютых и хитрых,
Но Русь вокруг столицы объединял,
Где было возможно – брань предотвращал.
Орду разгромить желал в битвах открытых.

Он слёзно молился у раки Петра,
Чтобы победу в бою одержали.
Божия вера без дела мертва.

И началась Куликовская сеча –
Снискал князь народную славу навечно.
...Утрени солнышком Русь освещали.

9

Преподобный Сергей Радонежский

Утрени солнышком Русь освещали –
Сергий для Бога хотел быть полезным.
Чтобы прослыл богомольцем усердным:
Святые родители к Богу зывали.

Стал он игуменом в новой обители –
Братьев учил возрастать силой духа,
Не доверяться речам совратителей,
Предупреждал в слабых душах разруху,

Не затаил на злотворных обиду...
Святое нельзя басурманам отдать,
Желанье рассеять татар не ослабло.

Русский народ поднялся на защиту,
Разверзлись над Русью небесные хляби
Деля того, чтоб неверье изгнать.

10

Святой праведный воин Фёдор Ушаков

Деля того, чтоб неверье изгнать,
Юных родные молениям учили:
Верой и правдой Державе служили,
С молитвой умели врага побеждать.

Спаситель дал Фёдору праведный путь,
Ближним своим сострадал с болью в сердце,
Смело навстречу шёл огненной смерти,
Одoleвая духовную круть.

Стоял за Отчизну не ради наград:
За веру, за вечную жизнь и победу,
Хранил завсе в сердце на Бога надежду.

Я вижу, как вражьи эскадры горят...
Помнит Россия о доблестном сыне –
И Земле Русская славит поныне.

11

Святой Преподобный Серафим Саровский

О, Земле Русская, славлю поныне
Избранных Богом любимых детей:
В души вдохнули нам веры твердыню,
Чтоб не искали мы ложных путей.

С верою в помощь Самой Богородицы
Пламенный дух укреплял Серафим:
К люду простому был вельми терпим, –
Знал, что о нём Приснодева заботится.

В пророчествах видел России судьбину:
Обитель Дивееву, века лавину:
Слову его нам покорно внимать.

Подражателю Спаса жизнь поверяю!
Исконная вера, – душой обретаю
Я красоту твою и благодать.

12

**Святитель Тихон (Белавин),
патриарх Московский и всея Руси**

Я красоту твою и благодать
Вижу, Торопец, где вырос Василий, –
Впитывал сердцем духовные силы,
Тщился во Боге сей мир постигать.

Тихон сродни был народу мирскому:
Любили его, где бы он ни служил!
Стойкий вопречник злодейству людскому –
За Русь православную Бога молил.

Старец узрел на небесных скрижалях,
Чьё имя ангелы там начертали, –
Взошёл на Голгофу Христовых страданий!

Он за противные власти деянья
Претерпевал остракизм, шельмованья,
Но вышние силы благословляли.

13

Тринадцатый сонет

Вышние силы нас благословляли:
Посланы души на Русскую Землю –
Люди их слову искренне внемлют...
Звёздами светят в космической дали.

За православие твёрдо стояли,
За Церковь святую, единую Русь,
Молитвами помощь в веках оказали –
У них Божьей святости в жизни учусь.

Претерпевали хулу и гоненья
Ради Христа и народа спасенья –
Не станет юдоль бездуховной пустыней.

В людях живёт православие ныне.
Несли нашу веру иным поколениям
И завещали хранить нам святыни.

14

Четырнадцатый венок

И завещали хранить нам святыни
Во имя России на все времена.
Держава молитвами их создана:
Богохраняемая присно и ныне.

Верой и правдой служили во Боге
Простолюдины, монахи, князья
Вмиг исчезали несчастья, тревоги
(Буквой в скрижалях хотел бы стать я).

Нашу Россию мы свято храним –
Горек и сладок Отечества дым
Народа мечты в жизнь сию воплотили

Верю: пройдёт ещё несколько лет
Вижу Державы великий расцвет –
Господи, дай мне небесные силы!

Четырнадцатый венок

Магистрал магистрального венка

Господи, дай мне небесные силы,
Очи провидцев в юдоли земной.
С верой в Тебя наши пращурьы жили
Правды в сердцах не искали иной.
Образ Руси Святой, неодолимой
Дух укреплял наш во тысячу крат.
Истинно каждым Отчизна любима!

Чу! Небеси во вселенной звонят.
Утрени солнышком Русь освещали
Деля того, чтоб неверье изгнать.
О, Земле русская, славлю поныне

Я красоту твою и благодать.
Вышние силы нас благословляли
И завещали хранить нам святыни.

Геометрия, или Крыша поехала

Александр Митрофанович Меньшиков ранним субботним утром сидел за столом компьютера и заканчивал набор статьи. В его семье все ещё отдыхали, пытаясь доспать упущенное за неделю. В квартире было тихо, и это помогало довольно быстро выстраивать точные, хорошо обдуманные фразы.

Профессор торопился. Последний срок представления статьи в редакцию приходился на понедельник. Меньшиков был человеком обязательным и старался никогда не подводить людей, с которыми работал долгие годы. Коллеги это ценили и платили Александру Митрофановичу ответной доброжелательностью.

Почти закончив статью и обдумывая более ёмкий и точный последний вывод, ради которого вся работа и затевалась, Александр Митрофанович откинулся на спинку кресла и перевёл взгляд со светящегося экрана на окно. Убранная золотистыми листьями стройная липа красиво смотрелась на фоне сине-голубого неба, подсвеченного уже холодеющими лучами солнца ранней осени.

Меньшиков любил это время года, когда природа открывалась человеку самыми нарядными и красивыми красками, но вместе с тем наполняла душу пронзительной грустью, напоминая, что всё проходит, быстро проходит, и поэтому нужно торопиться успеть завершить задуманное.

– Дедуль, – совершенно неожиданно услышал он за своей спиной доверительный шёпот Верочки, и тут же хрупкая рука обвила его шею, мокрая от слёз атласная щека прижалась к его щеке, а равномерно вздрагивающие реснички, делая «хлоп-хлоп», стали размазывать солёную влагу.

Дед обнял внучку своими большими ладонями, прижал к себе и начал ласково гладить рассыпанные в прямом проборе длинные шелковисто-мягкие волосы. Верочка ещё теснее прижалась к деду и беззвучно заплакала.

– Что случилось, моя хорошая? – с пониманием и приветливо проговорил Меньшиков. – Ты

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

опять на ночь насмотрелась страшных историй? Какие же бяки напугали тебя во сне в этот раз?

– Нет, дедуля, дело не в бяках. Во сне я давно преодолела страх. Если мне теперь снится что-нибудь страшное, я вспоминаю твои слова, что ничего подобного в жизни не бывает, успокаиваюсь, а потом порой даже смеюсь во сне над всякими страшилками и бяками.

– Тогда что же? С мамой не поладила?

– Нет. В этот раз мама меня даже не ругала и не кричала на меня. Она сама очень расстроилась.

– А в чём дело-то?

– В математике. Я, дедуль, некоторые вопросы и задания просто не понимаю. Не знаю даже, как к ним подступиться. Мама огорчилась, думая, что я тупая. А это не я тупая, а проклятая математика.

– Не огорчайся, Веруня, – успокоил внучку Меньшиков. – Иди сходи в туалет, помой руки, почисти зубы, умойся хорошенько, ополосни лицо холодной водой. Потом проснутся родители, мы вместе позавтракаем, к тебе быстро вернётся боевое настроение, и мы с тобой, а может, с мамой или папой разберёмся, что ты не поняла на этот раз. Согласна?

– Да, – с готовностью проговорила девочка, успокаиваясь и понимая, что ни ругать её, ни кричать на неё не будут, а терпеливо помогут понять очередную заковыристость этой нудной, сухой и скучной (зачем её только придумали?) математики.

Уже в хорошем настроении, почти приплясывая, внучка убежала в коридор. Александр Митрофанович невольно отвлёкся от статьи, снова уставился в окно, и его мгновенно захватили воспоминания детства и юности, имеющие прямое отношение «к этой проклятой математике».

Меньшиков всегда учился хорошо. Ему нравился сам процесс приобретения новых знаний. В младших классах уроки его особенно увлекали, как хорошая умная сказка. Но бывали моменты, когда фантазия как бы приподнимала Александра над сиюминутным делом и разворачивала картины одна интереснее другой.

Он до сих пор не забыл, как в первом классе часто ощущал себя как бы парящим над реальными событиями, и тогда ему было интересно наблюдать за учительницей и классом как бы с потолка, а потом мысленно перемещаться за окно класса и одновременно наблюдать то, что происходит в помещении, и то, чем в данный момент люди заняты на улице. Вот удачно ответил Мещеряков, теперь тянет руку Фрумкин, но к доске вызвали улыбчивого Максима Архангельского. А в это же время по тропинке за забором школы неторопливо проходит седенькая бабушка с большой кошёлкой, а вокруг неё вьётся и подпрыгивает в клетчатой юбочке светлоголовая девчушка с двумя большими розовыми бантами, и косички её прыгают то в одну, то в другую сторону в такт её подскокам.

– Наверное, – думал Александр, – пока Максим будет обдумывать задачу, а потом объяснять учительнице и классу её решение, бабушка с внучкой успеют зайти в булочную, а потом, должно быть, пойдут на рынок покупать молоко. Только вряд ли они выберут напиток, который после кипячения образует вкусную толстую пенку. Это умеет делать только мама Александра. Эх, если бы не его учёба, да болезнь мамы, шли бы они сейчас вдоль молочного ряда Тетеринского рынка, и мама пробовала бы вкус молока, налитого в ладошку. А потом она безошибочно выбирала лучшее, и сразу же за её спиной вырастала очередь, потому что, кроме умения выбрать самое вкусное и самое

жирное молоко, маме от её отца досталась «лёгкая рука». Стоило ей остановиться и перебраться несколькими словами с продавщицей, как тут же за её спиной собирались люди, быстро выстраивавшиеся в очередь заинтересованных именно этим товаром покупателей.

Мысли и фантазии, посещавшие Александра, редко оказывались пресечёнными, поэтому они, как правило, не мешали учёбе. Но вот как-то раз учительница объясняла, как производить вычитание столбиком, а загвоздка состояла в теме «вычитание с переходом через десяток». Мечтая и фантазируя, Александр прослушал объяснения. В конце урока учительница продиктовала классу две контрольные, включавшие по три примера в каждой. Поскольку в голову Александра не залетело и не застряло ничего из новых объяснений, он быстро и уверенно решил всё по-старинке. Если из пятёрки нужно было вычесть три, Александр уверенно ставил два. А вот если от четвёрки нужно было отнять девять, Александр, нисколько не сомневаясь в своей правоте, ставил нуль... Переход через десяток при вычитании он прослушал. Удивлению Александра, а главное его мамы, не было предела, когда под первой контрольной красными чернилами была выписана цифра два, а под второй – ещё того хуже – притулилась жирная красная единица.

Потом, конечно, Александру всё заново объяснили, и он быстро ухватил суть, но царапина в душе от проклятой математики осталась у Меньшикова с первого класса на всю жизнь.

Второй раз из-за математики Меньшиков пострадал в первой четверти седьмого класса, когда впервые столкнулся с алгеброй. Переход от конкретики цифр арифметики к буквенной абстракции алгебры дался ему нелегко. Посыпались тройки и даже двойки. Только вот помочь так просто, как в первом классе, было уже некому. Мама умерла три года назад, да и учительница начальных классов, хорошо изучившая особенности восприятия Александра, уже не была классным руководителем. А преподавать математику с этого года в класс пришла темпераментная большеглазая армянка с ярко выраженным математико-конструкторским мышлением и здоровым напором умного бойца. Почему рослый мальчишка, возвышавшийся над нею, был таким мечтательным тугодумом, когда всё было как на ладони просто, наглядно и понятно, она не понимала, часто заводилась, кричала, сердилась, но результата добиться не могла.

Александру было безумно стыдно и перед учительницей, и перед классом, но что-то он не схватывал, и потому алгебра казалась ему дурацкой абракадаброй. Но вот в один из дней, решая алгебраический пример, у доски запутался Конокотин. Меньшиков присмотрелся и вдруг, глядя со стороны, чётко и зримо ухватил не только, в чём просчёт товарища, но и как правильно продолжить никак не приходившее в голову Конокотина решение. Если спросить сейчас Александра Митрофановича, что такое озарение и испытал ли он его когда-нибудь в жизни...

– Да, испытал! – хотелось кричать Меньшикову. И подарили ему это ощущение учительница математики Нина Васильевна Манукьянц, одноклассник Конокотин и собственный фантазийно-мечтательный ум. Всё прояснилось и стало понятным и близким в один миг. С этого момента алгебра стала одним из любимых предметов Меньшикова и меньше пятёрки он не получал по ней вплоть до окончания средней школы-десятилетки.

А вот геометрию и тригонометрию Меньшиков не любил, они казались ему серыми и занудными предметами, жёваной-пережёванной схоластикой.

Мало того, что с самого начала нужно было принять на веру какие-то незримые постулаты, так ещё и доказательства совершенно очевидных при одном взгляде теорем сводились к никому не нужному, видимому и так, на глаз, соотвеству, демонстрировать которое нужно было обязательным попережным сложением треугольника и наложением одной его половины на другую.

Сказать по правде, многое зависело и от преподавателя. А с девятого класса всю математику – алгебру, геометрию и тригонометрию начал вести Фирс Макарович Кореневский. Это был длинный суховатый короткостриженный сутулый старик, из потёртого тёмно-синего костюма которого выглядывала тощая морщинистая шея, поддерживавшая вытянутую огурцом голову. Говорил Кореневский глухим, надтреснутым голосом, но дикцией обладал актёрской: то, что он бубнил у доски, было хорошо слышно и понятно даже ученикам, занимавшим последние парты, – так называемую «Камчатку».

Уже после окончания школы (а Меньшиков успел окончить ещё мужскую среднюю школу) одноклассники Александра узнали, что Фирс Макарович был своеобразным человеком. Больше всего на свете он любил рыбачить удочкой и попивать совсем небольшими рюмочками водочку – «для сугреву»... Математику он любил не очень, но занимался ею по инерции. Память его слабела, поэтому к каждому уроку он писал себе шпаргалку с решением необходимых задач и примеров. За домашние задания спрашивал с учеников строго, причём двойку мог получить не только тот, кто задачу или пример решил неправильно, но и тот, кто перепутал номер задания. Просто учителю было лень проследить и решать нестандартный пример, проще было наказать неаккуратного ученика двойкой. За всё время преподавания Кореневский не оставил яркого впечатления в душе Александра, однако Меньшиков до сих пор не забыл, что как-то раз произошло на уроке математики в десятом классе.

Один из учеников, отвечая у доски, поведал, что дроби бывают чистые и... Тут ученик задумался, но самым честным образом забыл.

– И грязные, – съехидничал кто-то с Камчатки.

Фирс Макарович повернулся к классу и, едва сдерживая лукавую улыбку, отчеканил: «Грязными бывают не дроби, а кальсоны...»

Заявление учителя было столь неожиданным, что класс пропустил это мимо ушей, взрыва смеха, шуток, шума не последовало. Кореневский скорее обескуражил, чем рассмешил уже достаточно взрослых юношей.

На уроках геометрии и тригонометрии Меньшикову бывало скучно и неуютно. Построения лучей, углов, треугольников, окружностей, сегментов в голове Александра никак не связывались с конкретными задачами реальной жизни. Бесконечные преобразования в тригонометрических задачах и примерах воспринимались Меньшиковым как неуёмная жажда бессмысленных движений и действий у человека с не совсем здоровой психикой. Однако усилием воли Александр заставлял себя поступать согласно законам математики, а хорошо тренированная память помогала быстро запоминать точно сформулированные теоремы.

Если по алгебре Меньшиков без больших усилий получал пятёрки, то по геометрии и тригонометрии больше, чем на четвёрку он не тянул, а иногда получал и тройки, причём одну из них, по геометрии, Кореневский выставил ему в девятом классе за третью четверть.

Меньшиков не очень огорчился, хотя тройка в четверти была у него единственной за всю учёбу в школе. В четвёртой четверти он добился четвёрки, и за год Кореневский всё-таки оценил учёбу Александра на «хорошо».

Меньшиков, вероятно, безболезненно забыл бы это, но история имела продолжение.

Приближающееся шестнадцатилетие было временем резкой прибавки роста, возмужания и мучительного поиска смысла жизни и выбора профессии. Меньшиков безумно любил театр, с удовольствием участвовал в школьных вечерах и довольно удачно примеривал на себя будущую профессию актёра. Во всяком случае, на школьной сцене успех сопутствовал ему в самых разных ролях. И сверстники, и учителя считали выбор такой профессии за Меньшиковым решённым.

На самом деле для самого Александра ситуация стала очень запутанной и неопределённой. Меньшиков вдруг начал сочинять беллетристику и получать от этого тайное ежедневное удовольствие. Он с вдохновением писал сочинения по русскому языку и литературе, попробовал писать стихи, частушки, конферанс и отдельные сценки, что тоже оказалось интересным и понравилось друзьям. Меньшиков даже письма стал писать по-другому: более обдуманно, доказательно, кратко.

Его заинтересовала биография Чехова, пришёлся по душе уникальный сплав мыслей и наблюдений врача и писателя одновременно. Дополнительный интерес к Чехову подогрели ещё два обстоятельства.

Во-первых, Лопасненский район, где находилось в своё время имение Чехова Мелихово, оказался подшефным, поэтому Александр ездил туда в составе бригады школьной самодеятельности неоднократно. Разговоры Меньшикова и его приятеля Миши Шидловского с местными жителями до концерта потом в каком-нибудь укромном уголке срочно переплавлялись в частушки. Их исполнение было гвоздём программы и имело бешеный успех. Часть зрителей восхищалась содержанием, остроумным изложением актуальных тем. Другая часть была очарована мастерским аккомпанементом Миши, гитара которого переливалась красивыми аккордами и синкопическим ритмом ведения мелодии. А самая большая часть зрителей недоумевала, откуда сугубо местные наболевшие сельские темы стали до мелочей известны только что прибывшим к ним горожанам?

Во-вторых, Чехов всё больше очаровывал Александра своим писательским мастерством, а вся прожитая Антоном Павловичем жизнь доказывала, что, даже страдая тяжёлой, неизлечимой по тем временам болезнью, можно помогать людям своей основной профессией и одновременно серьёзно принадлежать искусству. И, конечно же, миссия врача и писателя в глазах Меньшикова была всё-таки выше и значимее профессии актёра. А со дня смерти мамы желание стать врачом и лечить людей от тяжёлых, порой неизлечимых заболеваний вызревало в Александре постепенно, незаметно, но настойчиво.

Но как же трудно было расстаться с мечтой потрясать зрителей глубокой психологической правдой сценического действия!

И вот как-то в разговоре с очень близким ему другом Александр признался, что его волнует профессия врача. Через несколько дней друг подвёл Александра к довольно хулиганистому парню из восьмого класса и сказал: «Поговорите. Думаю, что вы найдёте общий язык».

Действительно, нашли. Оказалось, что двоюродный брат парня из восьмого класса с запоминающейся фамилией Кораблинов учится в Ленинграде на четвёртом курсе Военно-морской медицинской академии. Уже с четвёртого курса слушателям присваивалось младшее офицерское звание, они получали

солидное по тем временам денежное довольствие, имели право носить форму и жить в городе, а не в казарме...

Для Меньшикова всё то, что рассказал Кораблинов, имело особую важность. С определённого времени его отношения с мачехой не заладились. Её вмешательство в жизнь Александра по мере его взросления становилось всё более бесцеремонным. Да если бы только это! Нет ничего хуже унижения несправедливостью. А когда оно накапливается годами, из-за невозможности ничего изменить и поправить отчаянию не бывает предела.

После разговора с Кораблиновым Меньшиков неожиданно для себя воспрянул духом. Появился реальный шанс самостоятельной и независимой жизни. Всё выстраивалось само собой. Нужно было только проявить желание и предпринять небольшие усилия. После третьей четверти десятого класса следовало отослать в академию четвертные и годовые оценки за весь девятый класс и с первой по третью четверти десятого.

Александр подготовил документы, но как же ему было стыдно за единственную тройку в четверти по геометрии, полученную в девятом классе.

– Наверное, из-за неё вызов и не пришлют, – корил себя Меньшиков. – Кому в академии нужны троечники?

Но вызов пришёл. В аттестате зрелости у Александра не было ни одной тройки, а преобладающие пятёрки были разбавлены только пятью четвёрками. Получив такой хороший аттестат, Меньшиков после выпускного вечера побывал в военкомате, сдал паспорт, получил проездные документы и отбыл в Ленинград.

Но в академию Александр не поступил. Сочинение он написал на четвёрку, а на химии проявил школьное мальчишество, за которое ему – прожившему большую жизнь профессору, теперь уже седому человеку, стыдно до сих пор...

Экзамены сдавали в совсем маленькой комнатке. За столом у окна подполковник спрашивал по билету абитуриента, а ближе к двери за малюсеньким столом к ответу готовился Меньшиков. Билет состоял всего из двух вопросов, на которые Александр мог дать вполне исчерпывающий ответ. Вот только во втором вопросе нужно было рассказать про квасцы, а значит, и привести их химическую формулу. И вот тут Меньшиков заволновался. Он совсем забыл, какая цифра – два или три стоит у венчающей формулу квасцов кислорода.

У Александра была хорошая зрительная память, поэтому к экзаменам он всегда готовил себе небольшую шпаргалку в виде тоненькой книжицы размером с самый малый блокнотик, куда заносил главные сведения по предмету. На экзамене Меньшиков мысленно перелистывал эту шпаргалку, и перед его взором как бы всплывал из памяти весь тщательно отобранный материал. А на этот раз «заклинило». Должно быть от волнения. И, почти не отдавая себе отчёт, что он делает, Александр полез в карман брюк, достал шпаргалку, раскрыл нужную страницу... Но! Одно неосторожное движение, и шпаргалка упала на пол, издав при полной тишине шумный шлепок. Подполковник прервал беседу с другим абитуриентом, поднял голову, повернул её в сторону Меньшикова и изрёк: «Молодой человек, что это у вас там? Покажите-ка».

Меньшиков нагнулся, поднял шпаргалку, сделал несколько шагов к столу у окна и вытянулся по стойке «смирно».

– Так, так, – растянуто, почти напевно произнёс экзаменующий, перелистывая хорошую шпаргалку и проявляя к ней интерес. – Только у нас так не принято. Кругом! Шагом марш!

Когда Меньшиков вернулся в Москву, отец и мачеха оценили его поездку как полный провал. В Первый медицинский институт в тот год конкурс достигал двадцати четырёх человек на место. Старшие сразу же решили за Александра, что в медицинский институт он не пойдёт, потому что такой конкурс не осилит.

И под давлением родни, во исполнение желания отца, чтобы хотя бы кто-нибудь из детей унаследовал профессию строителя, Александр Меньшиков, почти не готовясь, успешно сдал пять вступительных экзаменов на гидростроительный факультет Московского торфяного института. С сентября он стал студентом.

Первые два месяца занятий пролетели незаметно, хотя Александр основательно помучился с черчением. А вот с третьего месяца, когда пошла серьёзная высшая математика с её интегралами и дифференциалами, на одном из занятий Меньшиков вдруг ощутил, что сидит, как в тумане. Преподаватель быстро и чётко писал и преобразовывал на доске формулы и, щёлкая их как орехи, достигал нужного результата, приглашая так же легко и свободно действовать у доски и в своих тетрадах студентов. Многие следовали его примеру, у них получалось, они испытывали радость и законную гордость, что их мышление не отстаёт от преподавателя. И именно тогда Меньшиков вдруг отчётливо ощутил, что, во-первых, он ничего не понимает, а во-вторых, что профессия инженера – это не его поле. Вся последующая жизнь инженера, конструктора, проектировщика самым тесным образом будет связана с математикой. Это Александр ежедневно видел на примере деятельности своего отца. А как же он сможет существовать в профессии, не зная и не понимая её первоосновы – расчёта, основанного на математике, в том числе и высшей?

Сделав для себя такое открытие, Меньшиков ещё долго дозревал до решительного поступка. Он успел выполнить и защитить все полагающиеся в первом семестре листы по черчению, написал все контрольные и курсовые работы, сдал зачёты, получил допуск к экзаменационной сессии. И только после этого Александр понял, что, если с грехом пополам он сдаст сессию и переползёт во второй семестр, ему уже никогда в жизни не придётся заниматься любимым делом, он так и будет всю жизнь тянуть ляжку неудачливого заурядного инженера.

За четыре дня до нового года Меньшиков из института ушёл.

В первый раз в жизни отец не сказал ему ни слова. И только резкая бледность и потухший печальный взгляд свидетельствовали, как близко к сердцу отец принимал судьбу сына и как тревожился за него.

Между тем Александр твёрдо решил найти работу, а вечерами снова штудировать химию, физику, повторять грамматику русского и английского языков. Именно эти предметы ему предстояло снова сдавать при поступлении в медицинский институт.

Но каким же наивным оказался Александр! Его хороший аттестат зрелости, свидетельствовавший об общем среднем образовании, был никому не нужен. Право на работу он не давал. Потерпев фиаско в нескольких отделах кадров, Александр приуныл: с работой не получалось.

Но тут, видя, что сын настроен серьёзно и не намерен болтаться, отец помог. И уже через две недели Меньшиков впервые переступил порог настоящего рабочего коллектива. Александра приняли на работу учеником слесаря в ремонтно-строительный трест.

Поначалу было трудно свыкнуться с постоянным подслеповатым светом свисающих на шнурах с потолка закопчённых электрических лампочек, визгом станков, металлической стружкой и металлической пылью, хрустевшей на зубах и проникавшей за воротник и обшлага рабочей рубашки. Раздражали грубые сальные шутки рабочих и их манера изъясняться, используя каждым третьим непристойное матерное слово или даже целую тираду. Грязные, давно не отмывавшиеся потёки на окнах делали рабочий цех похожим на «шарашку» для заключённых. И ко всему этому в цехе царили беспорядок от сваленных в кучи деталей и грязь от пролитого машинного масла, олифы, чёрной и синей масляной краски, замусоленных брезентовых рукавиц, промасленной закопчённой ветоши.

Поскольку окна цеха всегда были грязными, желание рассматривать, а что же делается за ними, как-то никого в цехе не посещало. Но вот во время перекура, когда все рабочие курили папиросы, Александр уставился в одно из окон и всё-таки разглядел напротив здание, архитектура которого говорила, что строили его, вероятно, ещё русские купцы и задумывали они его не под жильё, а под фабрику. На его вопрос, что это за здание, которое видно из окон их цеха, рабочие уверенно ответили, что это завод «Манометр», выпускающий приборы для измерения давления воды или пара в трубах.

Александр замер. Он совсем недавно читал книгу-воспоминание одного из крупных военачальников, где рассказывалось, что первые артиллерийские миномёты «Катюши» делали во время войны в Москве и как раз на заводе со скромным названием «Манометр». Завод этот располагался вблизи Курского вокзала, у железнодорожного моста через реку Яузу. Вероятно, этот факт всё-таки стал известен немецкой разведке. Вот почему первые бомбовые атаки на Москву немцы предприняли уже летом 1941 года и особенно активно бомбили как раз это место.

Александр вспомнил, как слышал от соседей коммунальной квартиры, в которой они жили, что во время войны в одноэтажный сарай, располагавшийся как раз напротив окон их дома в Кривогузинском переулке, упала большая бомба. Она прошила сарай насквозь и глубоко ушла в песчаную почву, так и не разорвавшись.

Меньшиков отчётливо представил себе ночное небо, внезапное появление в нём немецких бомбардировщиков, вращательные движения тревожно вспыхнувших голубоватой и фиолетовой белизной прожекторов, затем скрещение двух-трёх из них на пойманной в луче света вражеской машине, уха-нье зениток, прошивающих темноту неба трассирующими снарядами, появление в небе наших истребителей. Огонь, взрывы, громовые раскаты, вспыхнувшие пожары... Подумать только! А ведь всё это было как раз здесь, и было совсем недавно – всего четырнадцать лет прошло...

...Встречаясь каждый день с окружавшими его на работе людьми, Александр стал присматриваться к ним и открывать в них за внешней грубостью и прямолинейностью доброту, юмор, оптимизм, заинтересованное желание научить и помочь.

Умелым рассказчиком с большим опытом жизни и бьющей через край хитрецей оказался похожий на цыгана токарь Сашка, служивший когда-то на северном флоте, носивший тщательно отутюженные суконные морские брюки и начищенные до блеска остроносые кожаные туфли, в которых он мастерски выбивал чечётку. Высокий улыбчивый богатырь кузнец Иван, стриженный под бокс, но с выбивавшейся из-под малахая задорной вьющейся чёлкой,

носил телогрейку и ватные стёганые брюки, заправленные в огромные валенки с галошами и прикрытые спереди кожаным фартуком, спускавшимся почти до щиколоток. Среднего роста, но плотного сложения слесарь Алексей имел голубые глаза, чуть вьющиеся волосы совсем светлого блондина, курносый нос картошкой и сложенные трубочкой губы, чуть размыкавшиеся, когда он начинал говорить, заметно пришепётывая. Уже во время работы Александра Алексей стал отцом второго ребёнка, что сделало его центром внимания цеха. Но поскольку в его семье родилась вторая девочка, все шутки сводились к тому, что он «бракодел». И если у него что-то не получалось в работе, в шутках обыгрывалось то, что ничего особенного в этом нет, потому что бракодел – он во всех вопросах бракодел.

Самым колоритным человеком, к которому прикрепили учеником Меньшикова, оказался шестнадцатилетний тощий подросток, которого все почему-то звали Колькя – вероятно, потому, что он сам так произносил своё имя. Колькя ходил нечёсаным и немытым, носил кургузую брезентовую курточку и такие же штаны, поддерживаемые вместо ремня верёвкой. На ногах у него были надеты грубые, тяжёлые штиблеты. Он был вечно дрожащим, голодным, постоянно шморгал носом, а когда пытался быстро ходить или бегать, сверкал огромными дырами на пятках чулок, подаренных ему сердобольными работницами соседнего столярного цеха. Колькя был сиротой, жил в общежитии, зарабатывал мало, но для солидности курил папиросы и даже пил водку с рабочими. Его высмеивали, но не зло, стараясь скорее подбодрить шуткой, чем засмеять, или унижить.

А мастером цеха был сорокалетний выходец из рабочих по фамилии Архаров, учившийся уже на четвёртом курсе вечернего строительного института. Из-за его фамилии всех рабочих цеха металлообработки называли за глаза «архаровцами»...

Оказалось, что к Меньшикову внимательно присматривались. Один из людей, проявивших к нему неподдельный интерес, оказался мастер столярного цеха Пётр Михайлович. Этот среднего роста пятидесятилетний человек с маленькими глазами деревенского хитрована, услышав от рабочих, что Сашка Меньшиков неплохо играет в шашки и поддавки, решил как-то в обеденный перерыв проэкзаменовать новичка.

– Эх, давно не брал я в руки шашки, – затанул он знакомую бодягу перед игрой.

Меньшиков, смотревший во МХАТе пьесу Булгакова по «Мёртвым душам» Гоголя с блистательной игрой Василия Осиповича Топоркова в роли Чичикова и Бориса Николаевича Ливанова в роли Ноздрёва и предупреждённый, что Пётр Михайлович ой как не прост за доской, подхватил в ответ:

– Знаем мы, как вы не брали в руки шашки...

Игра получилась напряжённой, но интересной. Противники одержали по одной победе, а две партии в страшном напряжении завершили вничью.

Через несколько дней Пётр Михайлович предпринял попытку переманить Меньшикова в столярный цех. Там было чище, теплее, пахло свежей стружкой и опилками, да и инструменты были более привычными. Но Меньшиков устоял перед соблазном. Он почувствовал, что при переходе рабочие цеха металлообработки сочли бы его приспособленцем и предателем.

Пётр Михайлович принял отказ без обиды, но дал понять, что Меньшиков человек молодой, перспективный, поэтому учиться надо всему – всё это в жизни пригодится. Постепенно он начал вовлекать Меньшикова в самую

разнообразную работу, связанную не только со столярным делом и древесиной. В один из дней Пётр Михайлович и Александр обмуровывали работающий котёл, температура воды в котором достигала двухсот градусов. И весь этот бурлящий и гудящий котёл нужно было обложить смесью бетона, песка и извёстки, нанесённой на широкие тряпичные полосы, которые со всего маху пришлёпывали к арматуре вокруг горячего котла. Работа заняла весь рабочий день, но получилась качественной. Пётр Михайлович похвалил Меньшикова публично и, вероятно, зауважал. С этого времени он стал давать Александру персональные поручения, выполнение которых было связано с определённой долей риска и требовало внимания, осторожности и сообразительности.

В один из дней апреля, когда на улице было достаточно свежо и сыро, Пётр Михайлович зашёл в цех металлообработки, позвал к себе токаря Сашку и слесаря Алексея и стал обсуждать с ними вполголоса что-то неотложное и важное.

– Ну, пошли на это дело завтра Кольку, – предложил Алексей.

– Почему завтра? – недовольно спросил Пётр Михайлович. – Это надо было сделать ещё вчера.

– А Колька на сегодня отпросился.

– Тогда, Алексей, придётся это сделать тебе.

– Ну, вот ещё, – возмутился Алексей. – Я уже не мальчишка, а отец семейства. Мне уже не пристало по крышам-то лазить

– Слушай, Михалыч, а поручи-ка ты это дело Александру. Он самый молодой, образованный. Думаю, что справится.

И тогда к совещавшимся позвали Меньшикова и изложили задачу. Тут недалеко отремонтировали пятиэтажный дом. Покрасили, покрыли крышу новым оцинкованным железом. Нужно залезть на чердак, потом через слуховое окно выйти на крышу и с помощью хорошо гнущейся полоски железа измерить угол предстоящего ограждения крыши решёткой. Только вернуться в цех нужно сегодня же, потому что к завтрашнему утру решётка должна быть готова. Иначе нам головы снесут.

– Хорошо, – ответил Александр. – Сделаем...

Дом с фактически новой крышей располагался на горе, совсем недалеко от ремстройтреста. Меньшиков быстро нашёл его по схематическому рисунку, сделанному Петром Михайловичем собственноручно. Однако подойти к дому оказалось непросто. Пришлось сделать крюк по трём малюсеньким переулочкам. В затенённых местах тротуар ещё был покрыт почерневшими ледяными корками. На одной из них сапоги Меньшикова, подбитые новыми стальными подковками, заскользили и устремились вперёд, обгоняя отстающее тело. Крутанувшись и мгновенно приседая, Александр успел перенести тело вперёд и поэтому не упал, хотя и дотронулся рукой до асфальта. Меньшиков быстро поднялся и смачно выругался, но про себя.

Теперь уже осторожно ступая, Александр подошёл к дому и увидел полуприкрытую входную дверь. Он вошёл в дом, поднялся на пятый этаж, увидел ещё один лестничный марш и площадку, с которой вертикальная металлическая лестница вела на чердак. Крышка над чердачной лестницей была открыта и откинута, поэтому за образовавшимся квадратным отверстием проступало сумрачное чрево помещения под крышей.

Оказавшись на чердаке, Меньшиков внимательно осмотрелся. Он увидел сваленные доски, куски оцинкованного железа, мешки с песком и цементом, мотки проволоки. Важно было не зацепиться за торчащие тут и там острые

гвозди и не угодить головой в обильную паутину, свисавшую с поперечных досок. Пролезая к более освещённому квадрату на середине чердака, Александр без труда отыскал выход на крышу. Опершись ногой на торчащую балку и подтягивая своё тело за руки к другой, Меньшиков оказался в скворечнике с окнами на крышу. Рамы заперты не были, поэтому через мгновение, без больших усилий, Александр оказался там, где ему надлежало произвести измерение.

Открывшийся с высоты город был знаком и узнаваем. Внезапно налетевший порыв ветра обдал его сырой промозглостью, прижал к скворечнику и заставил крепко ухватиться за раму. Просидев у скворечника несколько мгновений, Александр понял, что теряет время. Нужно было спуститься по покатою, ярко блестящей крыше к её краю и произвести замер угла. Пытаясь достать из кармана куртки так необходимую ему полоску железа, Меньшиков отцепился от рамы скворечника и вдруг всем телом ощутил, что крыша поехала и понесла его к краю. Остановиться было невозможно. Зацепиться руками было не за что, а подбитые металлическими подковками сапоги не тормозили, а только скользили по крыше.

Вдруг тело Александра остановилось. Он въехал своими ногами в кирпичную дымовую трубу.

Только остановившись, Меньшиков мгновенно пережил непередаваемое животное ощущение страха. Оно усилилось ещё больше, когда Александр понял безвыходность своего положения. Всякая попытка пошевелиться и отползти от трубы увлекла бы его тело вниз, к краю крыши, а о том, что бы потом случилось...

– А потом был бы суп с котом, – горько пошутил про себя Александр.

Минут десять Меньшиков лежал на спине, упиравшись ногами в кирпичную трубу. И вдруг!

– Какой же я глупый, – внезапно подумал Меньшиков. – Как же я запомнил теорему из геометрии, согласно которой прямая, пересекающая две параллельные линии, образует с ними абсолютно равные углы. Крыша, которая подмною, практически и является той самой прямой. А это значит, что для того, чтобы измерить угол ограждающей решётки, совсем не нужно стремиться к краю крыши. Этот угол можно измерить и у скворечника, через который Александр переместился с чердака на крышу. Если установить решётки на краю крыши или около скворечника (это безразлично) они всё равно будут параллельны, так как будут стоять по отношению к крыше под одним и тем же углом!

Итак, ситуация из безысходной и трагической вдруг превращается в реально выполнимую. Нужно только быть внимательным, осторожным и поверить в свою победу!

Меньшиков даже в лежачем положении без труда определил необходимый угол для будущей загородки. Хорошо гнущаяся металлическая полоска железа всё-таки пригодилась. А затем Александр внимательно осмотрелся и понял, как осторожно он будет двигаться по крыше к спасительному скворечнику, отыскивая точку опоры для одной ноги, другой и как он уже при третьем движении сумеет ухватиться за опору рукой и подтянуть себя к спасительному выходу с крыши.

Меньшикову удалось проделать всё так, как он задумал. В конце концов, он оказался в спасительном скворечнике, а потом на чердаке.

Ещё до обеда Александр отрапортовал о выполнении задания Петру Михайловичу...

— А дедуль, что ты там всё пишешь и пишешь? — услышал профессор Меньшиков голос Верочки за своей спиной.

— Статью заканчиваю, — улыбаясь, ответил Александр Митрофанович. — Эх, малыши, малыши, — подумал про себя профессор. — Знали бы вы, что ненужных предметов не бывает. Более того, даже самые нелюбимые из них, оказывается, при определённых обстоятельствах могут и жизнь спасти.

И ещё профессор Меньшиков подумал о том, что героизм одних — это всегда следствие незнания и недоработки других. Дали бы ему сейчас чертёж дома с определённым наклоном крыши и, сидя за столом, а не лазая на крышу, он бы в один миг определил угол той злополучной решётки.

ПРОЗА

Рубен САРКИСОВ

Рубен Семёнович Саркисов — родился 24 декабря 1960 г. Отец — инженер по авиационным двигателям, мать — закрыльщица. С 1978 по 1984 гг. обучался в Московском Авиационном Институте на факультете «Двигательные установки летательных аппаратов». По окончании института работал на предприятиях авиационной промышленности. С 1986 по 1988 гг. проходил службу в рядах вооружённых сил СССР. Живёт в Москве.

«Бегут года, но рано нам сдаваться...»

Победители

Волной огня кровавая война
Прошла по нашим городам и нивам
Так много жизней унесла она
Но не сдались мы врагам спесивым

Давно затихли залпы той войны
Но не тускнеет и не меркнет слава
Защитников народа и страны
Их помнит благодарная держава

О них мы не забудем никогда
То, что осилили они — невероятно
Была могучею фашистская орда
Казалось, мир погибнет безвозвратно

Но не смогли фашисты победить
Сломить солдат и тружеников тыла
Им удалось фашизм переломить
Сошла на нет его лихая сила

Летом на реке Истре

Сижу летним днём я над Истрой рекой
Любуюсь природой цветущей
Мне ива прибрежная машет рукой
Клонясь над водою бегущей

В лазурном просторе плывут облака
Над самой моей головою
Зовёт нас и манит в такой день река
Своею прохладной водою

Я в реку с разбега запрыгнул легко
Плыву вдаль, с течением споря
Мой плеск можно слышать окрест далеко
В полях и лугах на просторе

Я с детства дружу с Благодатной рекой
С её ключевой водою
Не знает она, что такое покой
И манит бежать за собою

Бегут года, но рано нам сдаваться
Ещё горит огонь у нас в сердцах
Мы не устали петь, любить, сражаться
Мы крепко держим меч с кайлом в руках

Ещё нас манят дали золотые
К великой цели нас зовут мечты
Хотя годами мы не молодые
Цветут для нас весенние цветы

Ещё сердца любить и петь способны
Ведь наши женщины прекрасны и добры
Их очи и улыбки бесподобны
Спасибо скажем им, что мы ещё бодры

Курлак

*Как живёшь, село родное?
Тут родился, рос, дышал...
И сейчас, того не скрою,
Тут все мысли и душа...*

И. Коновалов «Курлак»

Дарья Николаевна Гальцова – родилась в 1998 г. Учится в Воронежском государственном университете, на филологическом факультете. Пробует писать публицистические очерки. Участвует в литературных конкурсах разного уровня. Публикации в сборниках «Во имя мира на земле», «Поэзия русского слова», «Быть настоящим», журналах и периодической печати.

Живёт в Воронеже.

Курлак – маленькая частичка России. И в его истории видна история всей страны, как в крохотном осколке большого зеркала отражается весь окружающий мир. История России складывается не только из событий, происходящих в крупных городах. История России – это и история таких вот не обозначенных на карте селений, как Курлак.

Я родилась в этом селе. Это моя малая родина. Я очень люблю свой край, поэтому мне не безразлична его история.

Меня заинтересовало происхождение названия села. Что означает слово «курлак»? Так была когда-то названа речка, на правом крутом берегу которой в 1740 году появились первые избы будущей деревни. А это название осталось после татар, когда в наших местах ещё было Дикое поле. В переводе с татарского «курлак» означает «маленькая речка, ручей».

Действительно, река Курлак небольшая, но очень живописная. Неспешно несёт она свои воды по степным просторам прямо в густой лес, где впадает в Битюг.

Непритязательной и практичной была повседневная жизнь той поры. Избы и дворы крылись соломой, так что если случался пожар, то он уничтожал целую слободу. Жили крестьяне огромными семьями в 30–40 человек. Сеяли пшеницу, рожь. В то время Воронежские земли часто подвергались набегам кочевников. Новокурлакские старожилы и сейчас передают такой рассказ дедов и прадедов.

На востоке от села, на кургане был сторожевой пост. Люди работают в поле, пахут, жнут, пасут скот, а сторож на деревянной вышке зорко наблюдает за окраиной степи. Если там спокойно,

спокоен и он. Но вот показались кочевники. Сторож зажигает солому, приготовленную для сигнального костра. Огонь как бы кричит: «Беда! Беда! Люди, на вас идёт враг!». Поля пустели, жители собирались вместе, брали детей, имущество, скот и скрывались в лесу. Оставив семьи в безопасных местах, мужчины готовились к защите своего поселения.

В 1796 году село Новый Курлак было «пожаловано» царём Павлом крупному вельможе А.А. Безбородко, а в 1832 году наследники передали его Н.И. Станкевичу. Вплоть до 1917 года оно было владением помещиков Станкевичей.

Их имение стало образцовым. Великолепный господский дом о двух этажах гордо смотрел с холма на окрестности. Внизу извивалась река, вдали синел лес, а вокруг простиралась степь.

Дом утопал в прекрасно спланированном парке. От въездных ворот к нему вела широкая аллея. Перед домом были разбиты бесчисленные клумбы и цветники. Всюду по аллеям и в глубине парка стояли металлические диванчики. Около дома росли две высокие сосны.

Весь парк, окружавший барскую усадьбу, был обнесён каменной оградой. Слева от въездных ворот располагался обширный фруктовый сад. Там росли яблоки, груши, сливы, вишни, малина, смородина. В центре сада – оранжевая, где выращивались южные фрукты и овощи.

Против господского дома находился большой фонтан, сооружённый из камня. В середине его возвышалась каменная глыба, на ней стоял огромный журавль с раскрытым клювом, из которого струилась вода. Фонтан был окружён розарием. Каких только роз здесь не было – начиная от белых и заканчивая чёрными.

Всю эту роскошь создал Александр Владимирович Станкевич (1821–1912). Он не снискал такой славы, как его старший брат Николай, сплотивший вокруг себя цвет российской молодёжи 30-х годов XIX века. Однако и он был образованнейшим, умнейшим человеком своего времени. Всю жизнь следовал идеалам брата, ставшего для него кумиром с юношеских лет. А. В. Станкевич принял активное участие в осуществлении знаменитого высочайшего манифеста об отмене крепостного права. А.В. Станкевич умер 27 июля 1912 года.

В 1902 году в Новом Курлаке произошло событие, которое в истории села стоит особняком. С тех пор минуло более века, давно нет в живых очевидцев, но рассказы «из уст в уста» о крестьянском волнении и жестоком его подавлении ведутся и сейчас. Это и понятно. Катаклизмы всемирной истории обычно происходят в столицах, а в маленьком, затерянном в необъятной России селе – они не столь масштабны.

Поэтому мартовские дни 1902 года занимают такое видное место в летописи «окрестных деревень». Тогда новокурлакские мужики решили искать «свою землю». Андрей Сидорович Малахов от кого-то услышал, что государь разрешил каждому в течение трёх лет получить в пользование землю, документы на владение которой он может предоставить. Крестьяне посчитали некоторые участки казённой земли своими. Произошло вооружённое столкновение с войсками. Был составлен список бунтарей. Двадцать два человека публично наказали розгами. Малахова сослали на два года в Ставропольскую губернию, восьмерых на три месяца заключили в тюрьму. Так и не нашли крестьяне «свою» землю.

Хочу ещё рассказать про дом купцов Проторчиных. Если бы потребовалось выбрать символ села Новый Курлак, то на эту роль в первую очередь

стал бы претендовать именно этот двухэтажный особнячок. Построенный в 1906 году, он являлся свидетелем всех курлакских событий XX века.

Проторчины были крепкой и дружной семьёй. Они вышли из народных низов, добились зажиточности и благополучия собственным трудом. Основатель рода – Михаил Алексеевич Проторчин. Он приехал в Новый Курлак в начале 80-х годов XIX века. У него была огромная семья: 6 сыновей и 5 дочерей. Проторчины открыли лавку, где торговали товарами первой необходимости. Был у них и небольшой кирпичный завод. Их кирпич славился в округе. Старожилы рассказывали, как проходил торг кирпичом. Покупатели сами выбирали. «Опытный» экземпляр опускали в воду. Хозяин приглашал купцов за накрытый стол и угощал. Пир длился не один час. Затем разламывали «замоченный» кирпич. Если влага проникала внутрь больше чем на дюйм, то вся партия отдавалась бесплатно. Но таких случаев не бывало.

Сейчас над крыльцом этого здания развевается трёхцветный флаг: теперь тут располагается сельская администрация.

На нашем сельском кладбище стоит скромный обелиск. Он установлен в 1967 году на месте братской могилы, в которой в январе 1919 года были захоронены красноармейцы – бойцы времён гражданской войны.

В самом Новом Курлаке боёв не было, но совсем недалеко, в Таловой и Александровке, шли тяжёлые сражения. В январе 1919 года красные одержали победу. Она досталась дорогой ценой. Белые не брали пленных, рубили всех на месте. За «светлое будущее» воевали совсем юные паренки, почти мои ровесники. Убитых развозили хоронить по окрестным сёлам. Привезли и в наше 12 погибших. Никто не знал их имён. Сбежалось всё село. Плач, голосьба... Женщины несли домотканые холсты, чтобы накрыть тела этих безусых мальчиков. Выкопали огромную могилу, куда и похоронили порубленных красноармейцев.

Старожилы запомнили это место, и спустя пять десятилетий по инициативе краеведов тут был поставлен кирпичный обелиск.

Сейчас пишу об этом, а душа щемит: как же не могли тогда понять молодые люди, полные сил, здоровья, радости жизни, хоть «красные», хоть «белые», что это братоубийственная война. Многие потом всплывёт на поверхность, а тогда летели на землю юные головы.

Великая Отечественная война стала для нашей страны тем событием, что раскололо XX век на две совершенно разные части. Мало кто сейчас из оставшихся старожилов села любит вспоминать о военных годах. Рассказывая о своей жизни, они часто уточняют: «Это было ещё до войны». Или: «Это случилось уже после войны».

До нашего Курлака, к счастью, фашисты не дошли. Их задержали героические действия защитников Воронежа.

Но жить тогда на селе было невыносимо трудно. По существу, деревню ничем не обеспечивали – каждый выживал, как мог. Совсем не стало спичек, керосина, мыла, соли, хлеба. Избы освещали «коптушками», керосин для которых выпрашивали по бутылочке у трактористов. Огонь добывали при помощи камня и куска напильника. По утрам выходили во двор и смотрели, идёт ли у кого из соседей дым из трубы. К тем бежали за жаром для растопки. Вместо мыла использовали «щёлочь» – пропущенную через воду золу.

Все были сильно истощены, хлеба и запасов с огорода хватало только до марта. Весной питались крапивой, лебедой, а если повезёт – мёрзлой картошкой и свёклой с прошлогодней пашни.

Особенно тяжёлым был 1942 год. Фронт находился совсем рядом. Поля в тот год почти не засеивались. Был лозунг: «Ничего не оставлять врагу!». Технику готовили к уничтожению.

На полях трудились сплошь женщины. Но они не боялись никакой работы. Самым страшным было только одно – узкая полоска бумаги со словами: «Ваш муж погиб, защищая Родину...»

Из Нового Курлака ушло на фронт 480 человек. 310 из них остались на полях сражений. В их честь, в 1975 году в центре села был воздвигнут мемориальный комплекс. Сколько бы ни прошло лет, десятилетий, веков со времён той войны – мы не забудем, что мирное небо над головами голубеет благодаря тем, чьи имена выбиты золотом по серому мрамору обелиска.

Нельзя не написать об истории нашей школы. Первая школа была открыта в нашем селе в 1865 году. Её на свои средства построил помещик А.В. Станкевич. Учителей «выписал» из Москвы. Он же платил им жалованье. В конце 80-х годов была открыта церковно-приходская школа. После революции курлакские большевики приняли решение организовать ШКМ – школу крестьянской молодёжи. В 1935 году она получила статус средней.

А в январе 1972 года вступило в строй новое здание школы, в котором сейчас учимся и мы. Мне кажется, что это самая красивая и лучшая школа на свете. Здесь есть такое, чего вряд ли где сыщешь.

Например, где ещё в сельской школе есть настоящий планетарий? Его вместе с учениками 50 лет назад строил Аким Иванович Щербаков. А в 1951 году он создал в школе краеведческий музей.

Школа – это особая страна, излучающая необычный свет, энергия которого так и притягивает к себе.

Моему селу почти 300 лет.

Многое было за это время – и хорошее и плохое... Но я считаю, что всё надо помнить, и обо всём знать. Пусть всё меняется в мире и в стране, но это наша жизнь. Пусть мельчает Курлак, но хочется верить, что его «золотой век» – впереди.

ПОЭЗИЯ

Анатолий УВАРОВ

Анатолий Васильевич Уваров – родился 3 апреля 1928 г. в селе Кезьмине Сурского района Ульяновской области. Полковник в отставке. Ветеран Великой Отечественной войны, Вооружённых сил СССР, Атомной энергетики и промышленности Российской Федерации. Член Союза писателей России. Академик русской народной поэзии XXI века. Награждён орденом «Знак Почёта», медалями «За воинскую доблесть», «За трудовое отличие», Золотой Есенинской медалью, Большой серебряной медалью Гумилёва, медалями Ивана Бунина, «А.П. Чехов 1860-1904», Генерала А.А. Брусилова, «Победители» (награждён Общероссийским общественным движением «РОССИЯ ПРАВОСЛАВНАЯ») и многими другими правительственными и ведомственными наградами. Автор книг стихов и прозы: «Кезьминское поле» (2003), «С Отчизной сердце моё слилось» (2008), «Годы-веги» (2011), «Село Кезьмино. Книга памяти» (2011), «Шифровальщик» (2013, 2014), «Мысли, чувства и воспоминания русского поэта – шифровальщика» (2017). Живёт в Москве.

МЫ ПОМНИМ ВСЕХ ТЕПЛО И СВЯТО...

Бессмертный полк

*Ржавеет золото и истлевает сталь,
Крошится мрамор. К смерти всё готово.
Всего прочнее на земле – печаль,
И долговечней – царственное слово.*

Анна Ахматова

Сегодня все мы так скорбим:
О тех, кто дорог и любим,
Кто пал безвременно в бою
За жизнь и Родину свою.

Мы помним всех тепло и свято:
Отца и мать, сестру и брата,
Мужей и жён, и наших дедов,
Отдавших жизни за победу,
И спасших жизнь тебе и мне
В кровопролитнейшей войне...

Судьба у них была такая:
Родную землю защищая
В жестоких, яростных боях,
Остаться навсегда в полях...

Но слёзы тех военных лет
Не сгладили их ратный след,
Наоборот, из года в год
Их чтит торжественно народ.

Пример тому – «Бессмертный полк»,
Который не погиб, не смолк,
Он, как могучая река,
Несёт в грядущие века
Святую правду о войне,
Её Героях и Стране.

Полк весь в сурово-скорбных лицах...
Но, он подобно Феникс-птице,
Взлететь стремится в небеса,
Чтобы увидеть чудеса:

Чтоб ярче солнышко светило,
Чтоб без войны на свете было,
Чтоб возникала вновь и вновь
Святая память и любовь,

Чтоб скорбь людей и память эта
Божественным сияли светом,
И чтоб исчезла войн всех тень,
И вечным был Победы День!

Фотографии

1

Перебираю молча фотографии,
Их много, ведь почти за сотню лет,
И каждая – страница биографии
Людей, которых в жизни больше нет.

На фотографиях – друзья, родные,
Они безмолвно смотрят на меня,
Глаза их неподвижны, неживые –
Без радости, без блеска, без огня...

Вот дед и бабушка, отец и мать,
Любимая сестра родная – Галя,
Военнослужащих большая рать:
Курсанты, офицеры, все в медалях...

Когда-то я дружил, общался с ними,
Мне каждая черта их лиц знакома,
Я знал и видел тех людей живыми –
В работе, и на отдыхе, и дома...

2

Перебираю фотографии,
Читаю, что на обороте,
Они, как будто эпитафии
На скорбных плитах в позолоте...

Названья, имена и даты
Написаны моей и их рукой:
Мы были близкими и нужными когда-то,
И были связаны одной судьбой.

Казалось, светлым, неизменным
И бесконечным наш будет путь,
А жизнь – удачу непременно
Всем принесёт когда-нибудь...

Увы, все канули бесследно в Лету,
Исчезли под её волной,
Оставив мысль навязчивую эту:
«Такое будет и с тобой...»

Перебираю фотографии...

Они со мной

Смерть у меня родных не отняла –
Ни папу с мамой, и ни деда с бабкой –
Она их только лишь куда-то увела
Без разрешения моего, украдкой...

Они со мной, в портретной галерее
Над письменным большим моим столом,
Их близость постоянно меня греет
И прикрывает родственным крылом.

Я никогда их лица не забуду,
Их окающий волжский говорок,
Они со мной, и жить в сознание будут
Весь мне отпущенный судьбою срок.

Приятная грусть

Двухметровые косы берёз
Водопадом спадают с небес...
Сколько неги, прохлады и грёз
Под зелёный вместилось навес!

На душе от берёз хорошо,
Лишь немного приятная грусть
Навевает о том, что прошло,
Но да пусть, но да пусть, но да пусть...

Эта грусть, как живая вода
Окропляет душевные раны,
Возвращает былые года –
Время детства и юности ранней,

Воскрешает отца и колхоз,
Милой мамы лицо дорогое,
Зелень кезьминских лип и берёз,
И раздолье вокруг полевое.

Дорогая, родная земля!
Ты всегда была всюду со мною:
Где бы ни был и что бы ни делал бы я –
Я гордился и грезил тобою.

И сейчас, у московских кудрявых берёз,
Под приятный наплыв ностальгии,
Не стыжусь своих старческих слёз,
Вспоминая глубинку России.

Мечта моя последняя

Увижу ль я кивок прощальный
Тех милых кезьминских берёз,
И тополиный шум печальный
Услышу ль под наплывом грёз?

Ведь жизнь – шагреновая кожа:
Сжимаюсь, слабнет каждый день,
И на засохший ручеёк похожа,
И на изношенный ремень.

Мечта моя – она уже не смелая,
Ей, как в былом, уже не приказать,
Она последняя: берёзы белые
Ещё бы хоть разочек увидеть...

Как хочется!

Как хочется вернуться в юность
И побывать в семье родной!
Но знаю, это – чушь и глупость,
И лишь желание одно.

На свете нет такого средства,
Нет и не будет никогда,
Чтоб на часок вернуться в детство,
Чтоб юность встретить иногда.

Напрасны эти все желанья,
Мне не бывать в родном краю.
Уж близок час мой расставанья,
Ведь я над пропастью стою...

Кезьминская сирень

Я помню Кезьминскую сирень,
Цветущую у зданья школы,
И тот Победный майский день –
Весь в ярко-красном и лиловом!

Вся школа в этот чудный день
Гудела, пела и плясала,
Она дарила всем сирень
В честь мира и его начала...

О, как сирень тогда цвела,
Мне душу счастьем наполняла,
А вся округа Кезьмина села
Её чудесным запахом дышала!

Все кезьямчи тот славный год
С великой радостью встречали:
Торжествовал советский весь народ,
Разбив фашизм и все его скрижали.

Тогда экзаменов была пора:
Десятый класс одолевал я «с боем»,
Светило солнце с самого утра
И небо было светло-голубое!

То время ни на миг я не забыл,
Оно навек слилось со мною:
Всем сердцем, всей душой его я полюбил
И стал самым собою...

И все те детские и юные года,
И Кезьмино село с его сиренью,
Живут в моей душе всегда, всегда –
По Божьему и моему велению!

*Село Кезьмино Сурского района Ульяновской области.
Здание общеобразовательной средней школы.*

